

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

книжная коллекция

Золотой Детектив

Гастон ЛЕРУ

Дама в черном

GELEOS

московский МК комсомолец

GELEOS

МОСКОВСКИЙ МК КОМСОМОЛЕЦ

УДК 82-31
ББК 84(4)
Л49

Главный редактор Мария Григорян

Леру, Гастон.

Дама в черном / Гастон Леру : [пер. с франц.]. — М. : ИК «Столица» (Изд. группа GELEOS Publishing House); АрхивКонсалт, 2012. — 320 с. — (*Книжная коллекция МК*).

ISBN 978-5-8189-1802-0

Агентство CIP РГБ

Французский писатель Гастон Леру — признанный мастер детектива. Его произведения неоднократно издавались и экранизировались. Среди его работ — такие книги, как «Призрак оперы» и «Тайна Желтой комнаты», перевернувшие законы жанра.

Один из любимых и самых ярких персонажей Гастона Леру — журналист по прозвищу Рультабий, который благодаря своему невероятному чутью и блестящей логике раскрывает самые запутанные преступления.

В книге «Дама в черном» Рультабий снимает покров с ужасной семейной тайны и выходит на след преступника, которого все считали умершим. Мошенник способен принимать любые обличья и оставаться невидимым... Чей же образ он принял на этот раз и какое злодеяние должно свершиться в старом замке на забытом полуострове?..

Гастон
ЛЕРУ

Дама в черном

ДАМА В ЧЕРНОМ

Глава I

КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ С ТОГО, ЧЕМ РОМАНЫ ОБЫКНОВЕННО КОНЧАЮТСЯ

Венчание Робера Дарзака и Матильды Станжерсон состоялось в Париже, в церкви Сен-Николя-дю-Шардонне, 6 апреля 1895 года, в камерной обстановке. Прошло немногим более двух лет со времени необычайных и драматических событий, происшедших в поместье профессора Станжерсона в Гландье*, — событий настолько сенсационных, что преждевременно было бы утверждать, будто нашумевшая в обществе тайна Желтой комнаты успела отойти в область воспоминаний.

Совершенное в уединенном местечке страшное и таинственное преступление было еще настолько живо в памяти людей, что если бы брачную церемонию не скрывали ото всех, то маленькую церковь, без сомнения, заполнили бы зеваки, жаждавшие поглазеть на героев нашумевшей драмы.

На венчание были приглашены лишь самые близкие друзья Дарзака и Станжерсона, на скромность которых можно было положиться. Я тоже оказался в их числе; приехал в церковь я довольно рано и первым делом постарался, конечно же, отыскать Жозефа Рультабия. Я был несколько обескуражен, не обнаружив его среди присутствующих, хотя имел основания

---

* Речь идет о событиях, описанных Гастоном Леру в романе «Тайна Желтой комнаты», а именно о покушении на жизнь Матильды Станжерсон. Обстоятельства этого покушения долгое время оставались невыясненными.

не сомневаться в его приезде. В ожидании этого человека я подошел к адвокату Анри-Роберу и Андре Гессу, которые вполголоса обменивались воспоминаниями о наиболее интересных моментах версальского процесса*. Я рассеянно слушал их разговор, приглядываясь к окружающей обстановке.

Боже мой, как же неприглядна эта церковь Сен-Николя-дю-Шардонне! Потрескавшаяся, с отвалившейся штукатуркой, грязная, без того величественного отпечатка седой старины, который составляет лучшее украшение каменных стен, церковь была темной снаружи и весьма зловещей внутри, покрытой пылью и плесенью, как и большинство старинных зданий кварталов Сен-Виктор и Бернардинцев, на скрещении которых она построена. Небо как будто избегает это святое место, посылая туда лишь скупой свет, с невероятным трудом пробивающийся через вековые рамы. Читали ли вы «Воспоминания детства и юности» Ренана?** Войдите в церковь Сен-Николя-дю-Шардонне, и вы поймете, почему автору «Жизни Иисуса», который обучался в соседней семинарии и покидал ее лишь для молитвы в этой церкви, так часто приходила здесь мысль о смерти.

---

* В результате процесса, происходившего в городе Версаль, Фредерик Ларсан, который бесследно исчез, был признан виновным в покушении на Матильду Станжерсон, а Робер Дарзак оправдан.

** Ренан, Жозеф Эрнест (1823–1892) — французский историк и философ. Собираясь стать священником, поступил в семинарию. В 1845 году, утратив веру, оставил семинарию и продолжил образование в Сорбонне. Этот период своей жизни Ренан описал в «Воспоминаниях детства и юности» (1883). Также известна его «История происхождения христианства» (1863–1883) в восьми томах, где он развивает свою позицию рационалистической критики, особенно в первом томе, «Жизнь Иисуса», при объяснении чудес, сотворенных Иисусом. Этот труд вызвал скандал среди французских католиков.

И в этом могильном мраке, в этом углу, созданном, казалось бы, лишь для горя и оплакивания мертвых, нам предстояло праздновать свадьбу Робера Дарзака и Матильды Станжерсон! Мне стало не по себе, я усматривал в этом печальное предзнаменование.

Рядом со мной Анри-Робер и Андре Гесс продолжали болтать, и первый признался второму, что не может быть вполне спокоен за судьбу Робера Дарзака и Матильды Станжерсон даже после счастливого исхода версальского процесса, пока официально не подтверждена смерть их беспощадного врага, Фредерика Ларсана. Известно, что через несколько месяцев после принятия Дарзака в Сорбонну произошла ужасная катастрофа с трансатлантическим пароходом «Дордонь», совершавшим рейсы между Гавром и Нью-Йорком. В туманную ночь близ берегов Ньюфаундленда на «Дордонь» наскочило трехмачтовое судно, разрезавшее носом машинное отделение парохода. И в то время, как ветер уносил парусное судно, пароход за десять минут пошел ко дну. Лишь тридцать пассажиров, чьи каюты находились на палубе, успели спастись в спущенных на воду шлюпках. На другой день они были подобраны рыбачьим судном, доставившим их в Сен-Жан. В последующие дни океан выбросил на берег сотни трупов, среди которых было опознано тело Ларсана. Документы, зашитые в одежду найденного трупа, подтверждали, что на сей раз Ларсан действительно мертв. Матильда Станжерсон наконец освободилась от своего загадочного мужа, с которым обвенчалась тайно, благодаря легкости американских законов, в неосторожную минуту доверчивой юности. Этот опасный мошенник, чье настоящее имя — Боллмейер — небезызвестно в криминальной хронике, женился на ней под именем Жана Русселя. Теперь же он больше не мог встать

преступной тенью между Матильдой и тем человеком, который столько лет безмолвно и героически любил ее. В свое время я во всех подробностях рассказал об этом страшном деле*, одном из самых интересных в судебных летописях; оно получило бы роковую развязку без гениального вмешательства восемнадцатилетнего репортера Жозефа Рультабия, который сумел отгадать, что под маской полицейского агента Фредерика Ларсана скрывался сам Боллмейер!..

Смерть злодея, похоже, положила конец цепочке трагических происшествий и послужила причиной быстрого выздоровления Матильды Станжерсон, у которой после ужасных событий в Гландье помутился рассудок.

— Видите ли, дорогой друг, — говорил Анри-Робер Андре Гессу, который беспокойно оглядывал церковь, — видите ли, в жизни всегда нужно быть оптимистом. Все наладится, даже несчастья мадемуазель Станжерсон... Но что с вами? Вы ждете кого-нибудь?

— Да, — ответил Андре Гесс, — я жду Фредерика Ларсана.

Анри-Робер рассмеялся настолько громко, насколько позволяла святость места, но мне вовсе не было смешно, так как я сам был недалек от того, чтобы разделить беспокойство Андре Гесса.

Несомненно, я не мог предвидеть невероятное происшествие, которое нам угрожало, но, когда я мысленно переношусь в то время и стараюсь отвлечься от всего, что я узнал после, — а я постараюсь в течение всего своего рассказа открывать истину лишь по мере того, как она прояснялась для нас самих, — я очень хорошо припоминаю странное волнение, которое овладело мной при мысли о Ларсане.

---

* Имеется в виду роман «Тайна Желтой комнаты».

— Да бросьте, Сенклер! — воскликнул Андри-Робер, заметивший мое волнение. — Вы же видите, что Гесс шутит...

— Кто знает, — возразил я.

И я невольно стал осматриваться вокруг, как это только что делал Андре Гесс. Действительно, мошенника так часто считали мертвым в то время, когда он звался Боллмейсром, что ему нетрудно было воскреснуть еще раз в виде Ларсана.

— Посмотрим! Вот и Рультабий, — заметил Робер. — Держу пари, что он знает больше вас.

— Он очень бледен! — проговорил Гесс.

Молодой репортер подошел к нам и довольно рассеянно пожал нам руки.

— Здравствуйте, Сенклер, здравствуйте, господа... Я не опоздал?

Мне показалось, что голос его дрожит... Он сейчас же отошел, уединился в углу, опустился на колени, как ребенок, перед аналоем и в молитве закрыл свое бледное лицо руками.

Я не знал, что Рультабий набожен, и его горячая молитва удивила меня. Когда он поднял голову, глаза его были полны слез. Он не пытался скрыть их и нисколько не интересовался тем, что происходило вокруг него, отдавшись молитве, а может быть, и горю.

Но какому горю? Разве не счастлив он был, присутствуя на этой долгожданной свадьбе?.. Не его ли рук делом был этот счастливый союз Робера Дарзака и Матильды Станжерсон?.. В конце концов, быть может, молодой человек плакал от счастья. Он поднялся с колен и скрылся в тени за колонной. Я не решился последовать за ним, так как видел, что он хочет побыть один. В это время Матильда Станжерсон как раз входила в церковь под руку со своим отцом. Робер Дарзак шел за ними.

Как изменились все трое! Драма в Гландье очень тяжело отразилась на них. Но, странное дело, Матильда Станжерсон теперь казалась еще прекраснее. Правда, она не была уже той античной богиней, тем живым мрамором, той холодной красавицей, возбуждавшей шепот восхищения на официальных празднествах Третьей республики[*], на которых Матильду обязывало появляться видное положение ее отца. Казалось, напротив, судьба, заставившая Матильду искупить неосторожность юности, ввергла ее на время в пропасть отчаяния и безумия лишь для того, чтобы сбросить каменную маску, за которой скрывалась чуткая и нежная душа. И ее душа сияла в этот день, мне казалось, нежным блеском на чистом овале ее лица, на гладком белом лбу, в глазах, исполненных счастливой грусти, в которых читалась любовь ко всему прекрасному и доброму.

Что касается ее туалета, то, к своему стыду, я должен сознаться, что не помню его и не сумею даже назвать цвет ее платья. Но зато я хорошо помню странное выражение, которое было на ее лице, пока она не увидела среди нас того, кого искала. Она совершенно успокоилась и овладела собой только тогда, когда увидела Рультабия за колонной. Она улыбнулась ему, а затем и нам.

— У нее все еще полубезумный взгляд!

Я порывисто обернулся, чтобы посмотреть, кто произнес эту недобрую фразу. За моей спиной стоял жалкий господин, которого Робер Дарзак,

* Третья республика — буржуазно-демократический режим во Франции в 1870–1940 годах, при нем главой государства являлся президент, а высшей законодательной властью обладал двухпалатный парламент, перед которым было ответственно правительство.

по своей доброте, устроил у себя в Сорбонне помощником лаборанта. Звали его Бриньоль; он был отдаленным родственником жениха. Никто не знал других родных у Дарзака, чья семья происходила из южных провинций. Дарзак давно лишился отца и матери, братьев и сестер у него не было, и он потерял всякую связь с родным Провансом, откуда принес горячую жажду успеха, редкую трудоспособность, крепкую голову и природную потребность в привязанности и преданности, которая проявилась по отношению к профессору Станжерсону и его дочери. Дарзака также отличал мягкий акцент, который вначале вызывал улыбку у его сорбоннских учеников; вскоре они, однако, полюбили эту тихую и музыкальную речь, смягчавшую неизбежную сухость лекций их молодого и уже знаменитого учителя.

В одно прекрасное весеннее утро прошлого года, — следовательно, минуло уже около года, — Робер Дарзак представил нам Бриньоля. Последний приехал прямо из Экса, где работал в физическом институте; из-за какого-то проступка его выбросили на улицу, но он вовремя вспомнил о своем родстве с Дарзаком, отправился в Париж и сумел так разжалобить жениха Матильды Станжерсон, что последний взял его к себе. В то время здоровье Робера Дарзака нельзя было назвать цветущим, он еще не успел оправиться после потрясений, пережитых им в Гландье и зале суда, но уже можно было с уверенностью сказать, что выздоровление Матильды и ожидание их скорой свадьбы должны были благоприятно повлиять как на моральное, так и на физическое состояние профессора. Между тем мы все заметили, что с тех пор, как появился Бриньоль, помощь которого должна была существенно облегчить работу Дарзаку, последний лишь слабел.

Нельзя сказать, что Бриньоль вообще принес с собой удачу, так как во время опытов один за другим произошли два несчастных случая. Первый был вызван необъяснимым разрывом гейслеровой трубки*, осколки которой могли опасно поранить Дарзака, но поранили самого Бриньоля — у него до сих пор остались шрамы на руках. Второй случай, более опасный по возможным последствиям, произошел вследствие неожиданного взрыва небольшой бензиновой горелки, над которой Дарзак как раз в этот момент наклонился. Пламя могло сжечь ему все лицо, но, к счастью, опалило лишь ресницы и расстроило на некоторое время зрение, так что он с трудом переносил яркий солнечный свет.

Со времени таинственных приключений в Гландье я был склонен относиться с крайним подозрением к самым обыденным вещам. Мне довелось присутствовать при последнем несчастном случае. Я сам отвел нашего друга к аптекарю, а оттуда к доктору и довольно сухо попросил Бриньоля, выразившего желание нас сопровождать, оставаться на месте. По дороге Дарзак спросил, почему я так резко обошелся с этим бедным Бриньолем; я ответил, что вообще не испытываю симпатии к этому человеку, так как мне не нравятся его манеры, к тому же я считал его виновным в роковой случайности. Дарзак хотел узнать причину, но я не сумел назвать ее, и он рассмеялся. Однако смех его прекратился, когда доктор объявил, что он мог потерять зрение и лишь чудо спасло его.

* Гейслерова трубка — наполненная разреженными газами, запаянная стеклянная трубка с впаянными электродами, служащая для изучения световых явлений, сопровождающих электрические разряды в разреженных средах.

Мои подозрения по поводу Бриньоля, без сомнения, были смешны, и несчастные случайности больше не повторялись. Тем не менее я настолько был предубежден против него, что в глубине души не мог простить ему ухудшения здоровья Дарзака. В начале зимы Дарзак стал кашлять, так что я, да и все мы умоляли его взять отпуск и отправиться на юг. Доктора посоветовали ему Сан-Ремо. Он поехал и уже через неделю написал нам, что чувствует себя гораздо лучше; ему казалось, что с тех пор, как он прибыл туда, «с его груди свалилась какая-то тяжесть...» «Я дышу!.. Я дышу!.. — говорил он нам. — Уезжая из Парижа, я задыхался!..» Это письмо Дарзака заставило меня призадуматься, и я поделился своими мыслями с Рультабием. Последний был также очень удивлен тем фактом, что Дарзак плохо чувствовал себя вблизи Бриньоля и поправлялся, лишь расставшись с ним... Моя убежденность в этом была настолько сильна, что я ни за что не хотел позволить Бриньолю уехать из Парижа. Нет, ни за что! Если бы он уехал, я последовал бы за ним! Но он не уехал — наоборот, Станжерсоны никогда не видели его у себя чаще, чем в эти дни. Якобы для того, чтобы справиться о здоровье Дарзака, он все время захаживал к профессору и торчал у него. Как-то раз ему удалось повидать и Матильду, но я нарисовал невесте Дарзака такой портрет Бриньоля, что навсегда возбудил в ней отвращение к нему и был очень доволен этим успехом.

Дарзак провел в Сан-Ремо четыре месяца и вернулся почти совершенно выздоровевшим. Впрочем, глаза его все еще были очень слабы, так что ему необходимо было сохранять большую осторожность. Рультабий и я решили следить за Бриньолем и обрадовались, узнав, что свадьба должна состояться в самом ближайшем времени и что Дарзак уедет с женой

в далекое путешествие, подальше от Парижа и... Бриньоля. Вернувшись из Сан-Ремо, Дарзак спросил меня:

— Ну, как ваши дела с бедным Бриньолем? Примирились ли вы с ним?

— Увы, нет! — ответил я.

И он снова стал подсмеиваться надо мной и засыпать меня своими провансальскими остротами, которые пускал в ход, когда был весел, и которые приобрели новые краски после пребывания на юге. Он был счастлив! Но мы могли получить верное представление о его счастье, — мы очень редко встречались с ним в тот период времени, — лишь на пороге этой церкви, где он предстал перед нами будто преображенным. Он был горд и держал прямо свой обыкновенно слегка сгорбленный стан, отчего казался выше и красивее.

Я поспешил отойти от Бриньоля, который вызывал во мне отвращение, и встал позади несчастного Станжерсона; последний всю церемонию простоял, скрестив на груди руки, ничего не видя и не слыша. Когда все было окончено, мне пришлось тронуть его за плечо, чтобы вывести из забытья.

Все перешли в ризницу, и Андре Гесс облегченно вздохнул.

— Наконец-то! — сказал он. — Можно перевести дух...

— Отчего же вы не могли сделать это раньше, друг мой? — спросил его Анри-Робер.

Тогда Гесс признался, что до последней минуты опасался появления мертвеца.

— Что вы хотите! — возразил он подтрунивавшему над ним приятелю. — Я не могу привыкнуть к мысли, что Фредерик Ларсан согласился наконец умереть!..

Все мы — нас было человек десять — собрались в ризнице, где свидетели расписывались в книгах, в то время как остальные мило поздравляли новобрачных. В этой ризнице было еще темнее, чем в церкви, и я мог бы именно темнотой объяснить себе то обстоятельство, что не вижу Рультабия, если бы комната не была так мала. Он исчез — это было совершенно очевидно. Что это могло означать? Матильда уже два раза спрашивала о нем, и Дарзак попросил меня поискать его, что я охотно исполнил, но вернулся в ризницу один, так как нигде не нашел Рультабия.

— Как это досадно, — заметил Дарзак, — и совершенно необъяснимо. Уверены ли вы, что посмотрели везде? Он, наверно, сидит в каком-нибудь углу и мечтает.

— Я везде искал и звал его, — возразил я.

Но Дарзак не удовлетворился моим ответом и решил сам обойти церковь. Он оказался удачливее меня, узнав у нищего, стоявшего у входа, что несколько минут назад из церкви вышел и уехал на извозчике молодой человек, который не мог быть никем иным, как Рультабием. Когда Дарзак сообщил об этом своей жене, она чрезвычайно огорчилась и, подозвав меня, сказала:

— Дорогой Сенклер, вы знаете, что мы уезжаем через два часа с Лионского вокзала; разыщите и привезите нашего молодого друга, скажите ему, что его необъяснимое поведение сильно меня беспокоит...

— Вы можете рассчитывать на меня, — ответил я и пустился по горячим следам за Рультабием.

Но на Лионский вокзал я приехал в самом угнетенном состоянии: ни дома, ни в редакции, ни в кафе «Барро», где Рультабию часто приходилось бывать по роду занятий, мне не удалось найти его. Никто из его товарищей также не мог сказать мне, где он.

Вы представляете себе, с какой грустью меня встретили на вокзале. Дарзак был взволнован и огорчен моим донесением; занятый размещением — профессор Станжерсон направлялся в Ментону и сопровождал молодых до Дижона, откуда те должны были поехать дальше через Кюлоц и Монсени, — он попросил меня передать его жене эту печальную новость. Я исполнил поручение, прибавив, что Рультабий наверняка приедет на вокзал до отбытия поезда. Но Матильда расплакалась и покачала головой:

— Нет! Нет!.. Он не приедет!.. — И она вошла в вагон.

В это время все тот же невозможный Бриньоль, видя волнение новобрачной, не мог отказать себе в удовольствии еще раз повторить Андре Гессу (который, впрочем, довольно резко оборвал его):

— Посмотрите! Посмотрите! Я говорю вам, что у нее полубезумный взгляд!.. Ах! Робер глупо поступил... лучше ему было подождать!

Я как сейчас вижу Бриньоля, произносящего эту фразу, и испытываю чувство ужаса. Я уже давно не сомневался, что Бриньоль был злым и, главное, завистливым человеком: он не мог простить своему родственнику услуги, которую тот ему оказал, определив на подчиненное место. У Бриньоля было желтое лицо с удлиненными, вытянутыми чертами. Все в нем дышало горечью, и все казалось длинным: длинная талия, длинные руки, длинные ноги и длинная голова. Исключение составляли лишь кисти рук и ступни ног: конечности у него были маленькие и почти изящные.

После того как Андре Гесс осадил Бриньоля, тот обиделся, поздравил молодых и покинул вокзал. Во всяком случае я думал, что он покинул вокзал, так как не видел его больше. Оставалось три минуты

до отхода поезда. Мы все еще не теряли надежды на прибытие Рультабия и оглядывали платформу, рассчитывая увидеть в толпе запоздавших пассажиров нашего молодого друга. Как случилось, что он не появился, по своему обыкновению расталкивая всех и вся и не обращая внимания на раздававшиеся ему вслед возгласы протеста? Что он делал?.. Уже закрывали дверцы вагонов, раздавалось их резкое щелканье... кондуктора приглашали пассажиров занимать места... послышался резкий сигнал к отбытию... рев паровоза, и поезд двинулся... Рультабия все нет!.. Мы были опечалены и удивлены этим, дочь профессора Станжерсона бросила долгий взгляд на платформу и, когда поезд стал набирать ход, уверившись, что уже не увидит своего молодого друга, протянула мне в окно конверт.

— Для него! — сказала она.

И вдруг с выражением такого внезапного ужаса на лице и таким странным тоном, что я не мог не вспомнить злобных замечаний Бриньоля, прибавила:

— До свидания, друзья!.. Или прощайте!

Глава II

В КОТОРОЙ РЕЧЬ ИДЕТ ОБ ИЗМЕНЧИВОМ НАСТРОЕНИИ РУЛЬТАБИЯ

Когда я в одиночестве возвращался с вокзала, меня охватила необъяснимая грусть. После версальского процесса, за всеми перипетиями которого я так внимательно следил, я еще сильнее привязался к профессору Станжерсону, его дочери и Роберу Дарзаку. Я должен был радоваться состоявшейся, ко всеобщему удовлетворению, свадьбе. Вероятно, отсутствие молодого репортера оказывало влияние на мое настроение. Станжерсоны и Дарзак считали Рультабия своим спасителем, в особенности с тех пор, как Матильда покинула лечебницу, где провела несколько месяцев из-за расстройства рассудка.

С тех пор как дочь знаменитого профессора Станжерсона стала отдавать себе отчет в той роли, что этот отважный мальчик сыграл в драме, которая без его вмешательства окончилась бы весьма плачевно для тех, кого она любила, с тех пор, как она разобралась в стенографическом отчете прений судебного процесса в Версале, где Рультабий проявил себя как маленький герой, — она окружала моего друга поистине материнской заботой. Она интересовалась всем, что его касалось, вызывала его на откровенность, хотела знать о Рультабие больше, чем я знал о нем, и больше даже, чем он, быть может, сам знал о себе. Она постоянно и с каким-то диким упорством выказывала желание выяснить его происхождение, о котором не знал никто из нас.

Очень чуткий к нежной дружбе, оказываемой ему несчастной женщиной, Рультабий проявлял по отношению к ней крайнюю сдержанность, что меня всегда удивляло со стороны мальчика, которого я всегда знал как пылкого, поддающегося первым впечатлениям и цельного в своих симпатиях и антипатиях. Я неоднократно делал ему замечания по этому поводу, и он всякий раз отвечал мне очень уклончиво, не забывая, впрочем, упомянуть о своей преданности особе, которую он уважал, по его словам, больше всех на свете и для которой готов был пожертвовать всем, если бы судьба пожелала дать ему такую возможность.

Время от времени им овладевало совершенно необъяснимое настроение. Так, например, по-детски обрадовавшись перспективе провести целый день у Станжерсонов, которые сняли на лето — в Гландье они не хотели больше жить — хорошенькую усадьбу на берегу Марны, он вдруг, без всякой видимой причины, отказывался сопровождать меня. И я вынужден был уезжать один, оставляя его в маленькой комнатке на углу бульвара Сен-Мишель и улицы Месье-ле-Пренс. Я негодовал на него за то огорчение, которое он причинял, таким образом, нашей доброй Матильде.

Как-то раз в воскресенье дочь профессора решила вместе со мной поехать к нему в его убежище в Латинском квартале. На мой стук в дверь нам ответили энергичным «войдите», однако Рультабий, работавший за своим маленьким столиком, побледнел так, что мы испугались, как бы он не упал без чувств.

— Боже мой, — воскликнула Матильда Станжерсон, бросаясь к нему.

Но, прежде чем она приблизилась к столу, на который юноша опирался, он накинул на разбросанные бумаги скатерть, тем самым скрыв их от наших глаз.

Матильда, разумеется, заметила этот жест и остановилась в недоумении.

— Мы помешали вам, — сказала она с нежным упреком.

— Нет, — возразил Рультабий, — я уже закончил работу... Я покажу вам ее позже. Это мое творение, пьеса в пяти действиях, для которой я никак не могу найти развязки.

И он улыбнулся. Вскоре он вполне овладел собой и принялся шутить и благодарить нас за вторжение, нарушившее его одиночество. Он непременно захотел угостить нас обедом, и мы втроем отправились в один ресторанчик в Латинском квартале. Рультабий вызвал по телефону Робера Дарзака, который подоспел к десерту. В то время Дарзак был еще здоров и странный Бриньоль еще не появился в столице. Мы веселились, как дети. Этот летний вечер в опустевшем Люксембургском саду был так прекрасен!

Прежде чем расстаться с Матильдой Станжерсон, Рультабий попросил у нее прощения за странные выходки, виня во всем свой скверный характер. Вместо ответа Матильда поцеловала его, то же сделал и Робер Дарзак. Рультабий был так этим растроган, что за всю дорогу, — я проводил его до самой двери, — не обмолвился со мной ни словом, но, прощаясь, так крепко пожал мне руку, как никогда этого не делал. Забавный чудак!.. О! Если бы я знал!.. Как я раскаиваюсь теперь за то, что порой судил о нем слишком поверхностно!

Так, охваченный грустью и полный смутных предчувствий, возвращался я с Лионского вокзала, вспоминая о бесконечных фантазиях, страхах, а иногда и капризах Рультабия, с которыми я сталкивался за эти два года, но ничто, однако, не объясняло мне того, что произошло. Где же был Рультабий?

Я подошел к его дому на бульваре Сен-Мишель, говоря себе, что если не застану его дома, то смогу по крайней мере оставить ему письмо госпожи Дарзак. Каково же было мое удивление, когда, войдя в дом, я наткнулся на своего лакея с моим чемоданом в руках! Я потребовал от него объяснений и услышал в ответ, что он ничего не знает, что нужно спросить об этом господина Рультабия.

Репортер, в то время как я искал его всюду, кроме собственной квартиры, приехал ко мне, на улицу Риволи, прошел в спальню, приказал лакею принести чемодан и аккуратно уложил в него все, что необходимо человеку для четырех- или пятидневного путешествия. Затем он велел принести этот багаж к себе, на бульвар Сен-Мишель.

Одним прыжком я оказался в комнате моего друга. Тот укладывал в дорожный мешок туалетные принадлежности и белье. До тех пор, пока он не покончил с этим, я ничего не мог добиться от Рультабия, так как в этих мелочах повседневной жизни он был очень щепетилен и, несмотря на скромность своего бюджета, старался жить как можно приличнее, приходя в ужас от малейшего беспорядка. Наконец, он соблаговолил сказать мне, что, раз я свободен и его газета «Эпок» отпускает его на три дня, мы уезжаем на пасхальные каникулы и что нам лучше всего поехать отдохнуть «на берег моря». Я даже не ответил ему — так я был раздосадован его поведением и находил нелепым его предложение ехать любоваться океаном или Ла-Маншем в эту отвратительную весеннюю погоду, которая ежегодно в течение двух или трех недель заставляет нас с сожалением вспоминать о минувшей зиме. Впрочем, мое молчание нисколько его не смутило, и, взяв мой чемодан в одну руку, а свой мешок в другую и подталкивая меня

к двери, Рультабий вскоре заставил меня сесть в экипаж, ожидавший нас у дверей дома. Полчаса спустя мы сидели в купе первого класса и следовали по северной дороге, ведущей в Трепор через Амьен. Когда наш поезд уже подходил к Крейлю, Рультабий вдруг спросил меня:

— Отчего же вы не отдали мне письма, которое вам передали для меня?

Я смотрел на него во все глаза. Он угадал, что госпожа Дарзак будет расстроена, не повидав его перед отъездом, и напишет ему. Особой хитрости здесь не было. Я ответил:

— Потому что вы его не заслуживаете.

И я начал засыпать его упреками. Он даже не пытался оправдаться, что меня разозлило больше всего. Наконец, я отдал ему письмо. Он взял его в руки, оглядел, затем вдохнул его тонкий аромат. Видя, что я смотрю на него с любопытством, он нахмурился, пытаясь скрыть под этой комичной гримасой охватившее его сильное волнение. В конце концов, он повернулся к окну и погрузился в изучение пейзажа.

— Что же, — спросил я его, — вы не хотите прочесть письмо?

— Нет, — ответил он, — не здесь!.. Там!..

Мы приехали в Трепор посреди непроницаемой ночи, после шестичасового переезда; погода стояла отвратительная: леденящий морской ветер гулял по пустынному перрону. Мы никого не встретили, кроме таможенного стражника в плаще с капюшоном, шагавшего по мосту через канал. Ни одного экипажа, само собой разумеется, не было. Несколько газовых рожков, дрожащих в своих стеклянных колпачках, излучали тусклый свет, освещая местами широкие потоки дождя, обливавшие нас с ног до головы, в то время как мы гнули спины, чтобы устоять

против шквалистого ветра. Издали доносилось постукивание по звучным плитам деревянных башмаков какой-нибудь запоздавшей обитательницы Трепора.

Если мы не свалились в черный провал внешней гавани, то лишь потому, что нас предупреждали об опасности соленые брызги, летевшие снизу, и шум прибоя. Я шлепал за Рультабием, который с трудом пробирался среди влажной тьмы. Тем не менее местность, судя по всему, была ему знакома, так как мы, пусть и промокнув до костей, все-таки добрались до единственного открытого в это отвратительное время года отеля. Рультабий сейчас же потребовал ужин и огня, так как мы были очень голодны и страшно промерзли.

— Черт возьми! — не выдержал я. — Соблаговолите ли вы, наконец, сказать мне, что рассчитываете найти в этой трущобе, кроме ревматизма и воспаления легких?

Рультабий все время кашлял и никак не мог согреться.

— О, — ответил он, — сейчас скажу. Мы приехали на поиски аромата дамы в черном.

Эта фраза дала мне столько пищи для размышлений, что я не мог заснуть всю ночь. Снаружи по-прежнему бушевал морской ветер, наполняя своим жалобным воем набережную и затем вдруг врываясь в узкие улицы города. Я услышал какой-то шум из соседней комнаты, где жил мой друг; я встал и приоткрыл его дверь. Несмотря на холод и ветер, он отворил окно, и я ясно рассмотрел, как он посылал во тьму поцелуи. Он целовал ночь!

Я тихо закрыл дверь и снова улегся в постель. На следующее утро меня разбудил Рультабий; на его лице отражалось крайнее волнение. Он протянул мне телеграмму из Бурга, пересланную ему, соглас-

его распоряжению, из Парижа. Вот что она гласила: «Приезжайте немедленно, не теряя ни минуты. Отказались от путешествия на восток и едем на соединение со Станжерсоном в Ментону, к Рансам. Пусть эта телеграмма останется между нами. Не надо никого пугать. Придумайте какой угодно предлог, но приезжайте. Телеграфируйте мне до востребования в Ментону. Скорее, я вас жду. Ваш в отчаянии, Дарзак».

Глава III

АРОМАТ

— Черт возьми, — вскрикнул я, вскакивая с постели, — меня это не удивляет!..

— Вы что, в самом деле не поверили в *его* смерть? — спросил Рультабий с отчаянием, которого я не мог себе объяснить, даже если брал в расчет телеграмму Дарзака.

— Не особенно, — ответил я. — Ему так важно было сойти за мертвого, что он мог пожертвовать некоторыми бумагами во время катастрофы «Дордони». Но что с вами, друг мой?.. Вы совсем ослабли. Здоровы ли вы?..

Рультабий тяжело опустился на стул. Дрожащим голосом он поведал мне, в свою очередь, что только тогда поверил в *его* смерть, когда закончилась брачная церемония. Он не мог свыкнуться с мыслью, что Ларсан позволит совершиться обряду, который навеки отдавал Матильду Станжерсон Дарзаку. Чтобы расстроить свадьбу, Ларсану достаточно было появиться. Сколь ни опасно было для него такое появление, он пошел бы на этот риск, зная набожность дочери профессора Станжерсона, зная, что она никогда не согласится связать свою судьбу с другим человеком при здравствующем первом муже, несмотря на то что людские законы освобождали ее от этих уз! Напрасно ей доказывали недействительность первого брака перед французскими законами — для нее священник навеки связал ее с негодяем.

И Рультабий, отирая выступивший на лбу пот, прибавил:

— Увы! Вспомните, мой друг... В глазах Ларсана дом священника не потерял своей прелести, а сад своего блеска!*

Я положил руку на плечо Рультабия. Его трясла лихорадка. Мне хотелось его успокоить, но он меня не слушал.

— И вот он решил переждать эту свадьбу, выждать несколько часов, чтобы появиться снова, — вскрикнул он. — Потому что для меня, как и для вас, Сенклер, не правда ли, телеграмма Дарзака значит лишь одно — Ларсан вернулся!

— Но Дарзак мог ошибиться!..

— О, Дарзак не трусливый ребенок... Однако нужно надеяться, нужно надеяться, не правда ли, Сенклер, что он ошибся!.. Нет, это невозможно, это было бы слишком ужасно!.. Слишком ужасно... О! Сенклер, это было бы чудовищно!..

Я никогда, даже в самые трудные минуты, не видел Рультабия таким взволнованным. Он вскочил с кресла и стал шагать по комнате, переставляя мебель, и, поглядывая на меня, повторял: «Слишком чудовищно!.. Слишком чудовищно!»

Я заметил ему, что неблагоразумно приходить в такой ужас из-за телеграммы, которая ровным счетом ничего не доказывает и может быть лишь плодом галлюцинации... Затем я прибавил, что сейчас не время предаваться отчаянию, что нам понадобится все наше хладнокровие, что это непростительно для человека с таким характером, как у него...

— Непростительно!.. Вы правы, Сенклер, непростительно!..

* В романе «Тайна Желтой комнаты» Фредерик Ларсан, узнав, что Матильда собирается замуж за Дарзака, написал ей письмо, где упоминал дом священника, который они снимали совместно в Америке после тайного венчания, и умолял вернуться к нему.

— Но, мой дорогой... Вы меня пугаете!.. Что случилось?

— Сейчас вы это узнаете... Положение ужасное... И почему он не умер?

— Да кто же сказал вам, что это не так?

— Дело в том, видите ли, Сенклер... Тсс... Молчите... Молчите, Сенклер!.. Дело, видите ли, в том, что, если он жив, я предпочел бы умереть!

— Да вы с ума сошли! Вы с ума сошли! Вот именно, если он жив, нужно жить и вам, чтобы защитить ее, ее!

— Да, да, вы правы, Сенклер! Вы совершенно правы. Спасибо, мой друг!.. Вы произнесли одно слово, которое только и способно заставить меня жить: «она»! Поверите ли!.. Я думал только о себе!.. Только о себе!..

И Рультабий засмеялся так, что мне стало страшно. Я взял его за руку, умоляя объяснить мне, чего он так испугался, почему он заговорил о своей смерти, почему он так смеялся...

— Как своему другу, Рультабий, как лучшему своему другу! Скажите же... Доверьте мне свою тайну — ведь она душит вас!..

Рультабий положил мне руку на плечо и, заглянув мне в глаза, сказал:

— Вы все узнаете, Сенклер, вы будете знать столько же, сколько и я, и вы испытаете тот же страх, мой друг, потому что вы добры и, я знаю, любите меня!

Но вместо того, чтобы, как я ожидал, сделать мне признание, он попросил железнодорожный указатель.

— Мы поедем часовым поездом, — сказал он, — в это время года нет прямого сообщения между д'О и Парижем, так что мы приедем домой лишь в семь часов. Но нам вполне хватит времени уложить

чемоданы и попасть с Лионского вокзала на девятичасовой поезд на Марсель и Ментону.

Он даже не спрашивал моего мнения и вез в Ментону так же, как и в Трепор, прекрасно зная, что при данном стечении обстоятельств я ни в чем не сумею ему отказать. Да если бы он и хотел обойтись без меня, я все равно не оставил бы его в таком взволнованном состоянии. Кроме того, наступало праздничное время, и я был совершенно свободен.

— Итак, мы отправляемся в город д'О?

— Да, там мы сядем в поезд. От Трепора ехать в экипаже в д'О не более получаса...

— Недолго же мы пробудем в этих местах, — заметил я, взглянув в окно.

— Достаточно, я надеюсь, для того, зачем я приехал сюда, увы!..

Я вспомнил об аромате дамы в черном и замолчал. Ведь Рультабий обещал посвятить меня в свою тайну. Он повел меня на взморье. Ветер был еще очень силен, и нам пришлось укрыться за маяком. Некоторое время он простоял перед морем, задумавшись и закрыв глаза.

— Вот здесь, — произнес он, наконец, — я в последний раз видел ее.

Он взглянул на каменную скамью.

— Мы сели здесь, она прижала меня к своему сердцу. Я был еще совсем маленьким мальчиком: мне было девять лет... Она велела мне сидеть на этой скамье, а сама ушла, и я никогда ее больше не видел... Это было вечером... теплым летним вечером, когда нам вручали награды. О, она не присутствовала при этом, но я знал, что она придет вечером... вечером, когда сияли звезды и было так светло, что я надеялся рассмотреть ее лицо. Но она со вздохом опустила свою вуаль. А затем уехала, и я никогда больше ее не видел...

— А вы, мой друг?

— Я?

— Да, что вы сделали? Вы еще долго сидели на скамейке?..

— Мне очень хотелось... но за мной приехал кучер, и мне пришлось вернуться...

— Куда?

— Как куда... в колледж...

— Значить, в Трепоре есть колледж?

— Нет, но колледж есть в д'О.

Рультабий сделал мне знак следовать за собой.

— Поедем туда... Или вам хочется остаться здесь?.. Но здесь слишком дует!..

Через полчаса мы были в д'О. Проехав каштановую аллею, наша карета с шумом покатилась по булыжной мостовой холодной и пустынной площади; кучер возвестил о нашем прибытии, щелкая бичом и наполняя мертвый городок этой душераздирающей музыкой. Над крышами раздался бой часов — со здания колледжа, как объяснил мне Рультабий, затем все смолкло.

Лошадь с экипажем застыла посреди площади. Кучер скрылся в кабачке. Мы вошли в холодную тень высокой готической церкви, замыкавшей с одной стороны обширную площадь. Рультабий окинул взором замок из розового кирпича, увенчанный высокими крышами в стиле Людовика XIII, с мрачным фасадом, будто оплакивавшим своих изгнанных принцев, квадратное строение мэрии с ее грязным флагом, офицерское кафе, парикмахерскую, лавку букиниста. Не здесь ли покупала ему первые книги дама в черном?

— Ничего не изменилось!..

Старая полинявшая собака лежала на пороге лавки букиниста, лениво положив морду на отмороженные лапы.

— Это Шам! — вскрикнул Рультабий. — О! Я сразу узнал его!.. Это Шам! Мой славный Шам!

И он позвал собаку:

— Шам, Шам!..

Собака приподнялась, повернувшись к нам и прислушавшись к звавшему ее голосу. Она с трудом сделала несколько шагов, обнюхала нас и вернулась на место, потеряв к нам всякий интерес.

— О! — вздохнул Рультабий. — Это он!.. Но он не узнает меня больше...

Он увлек меня на улицу, круто спускавшуюся вниз и замощенную гладкими камнями. Рультабий все время держал меня за руку, и я чувствовал, как он дрожит. Вскоре мы остановились перед небольшой церковью в иезуитском стиле. Толкнув низкую дверь, Рультабий ввел меня под ее величественные своды; в глубине на каменных плитах пустых гробниц стояли две прекрасные мраморные коленопреклоненные фигуры.

— Часовня колледжа, — прошептал мне спутник.

В часовне никого не было. Мы поспешно пересекли ее. Затем Рультабий открыл дверь, что вела под небольшой навес.

— Идем, — прошептал он. — Так мы сумеем пробраться в колледж, и привратник меня не увидит. Он наверняка узнал бы меня...

— Что же в этом дурного? — недоумевал я.

Перед навесом прошел человек с непокрытой головой, со связкой ключей в руках. Рультабий бросился в тень.

— Это папаша Симон! Ах, как он постарел! Совсем лысый! В это время он ходит убирать дортуары младших учеников... Сейчас все в классе... О! Нам никто не помешает! Одна лишь жена Симона сидит в своей будке, если только она еще жива... В любом случае

отсюда она нас не увидит... Но подождем!.. Вон отец Симон идет обратно!..

Почему Рультабий так тщательно прятался? Несомненно, я ничего не знал об этом юноше, хоть и воображал, что знаю его прекрасно. Каждый час, проведенный с ним, ставил передо мной все новые загадки. Выждав, пока удалится отец Симон, мы с Рультабием незаметно вышли из-под навеса и, укрывшись в углу небольшого садика за кустами, могли, свесившись над кирпичным откосом, свободно осматривать обширные дворы и строения колледжа под нами. Рультабий с такой силой сжимал мне руку, точно боялся упасть...

— Боже мой, — заговорил он глухим голосом, — как все здесь изменилось! Старые классы, где я отыскал как-то ножик, снесены, а внутренний дворик, в котором мы прятали деньги, перенесен дальше... Но стены часовни на том же месте! Посмотрите, Сенклер, нагнитесь: вон та дверь, ведущая в подвалы часовни, — это дверь младшего класса. Сколько раз ребенком я проходил через нее, боже мой!.. Но никогда, никогда я не выходил из нее с такой радостью, даже в часы самых веселых перемен, как в те дни, когда отец Симон приходил за мной, чтобы отвести в приемную, где меня ожидала дама в черном!.. Бог мой! Только бы они оставили нетронутой приемную!..

И он, осторожно высунув голову, оглянулся назад.

— Смотрите, вон она, приемная!.. рядом со сводами... первая дверь направо... Вот туда она приходила... туда... Мы сейчас пройдем туда, как только выйдет отец Симон...

У него стучали зубы.

— Это безумие, — продолжал он. — Мне кажется, я схожу с ума... Что же делать! Это сильнее меня... Мысль, что я сейчас увижу вновь приемную, где она

ждала меня... Я жил надеждой увидеть ее, и, когда она уходила, я, несмотря на обещание быть благоразумным, впадал всякий раз в такое глубокое отчаяние, что все боялись за мое здоровье. Вывести меня из этого состояния удавалось лишь угрозой лишить свидания с ней, если я заболею. До следующего посещения я не расставался с воспоминанием о ней и ее аромате. У меня ни разу не было возможности хорошенько рассмотреть дорогие мне черты лица, и, упиваясь до потери сознания ее ароматом, когда она сжимала меня в своих объятиях, я хранил в памяти этот запах. В дни, которые следовали за ее посещением, я время от времени убегал во время перемен в приемную и, когда в ней, как сегодня, не было никого, я вдыхал, я благоговейно дышал тем воздухом, которым дышала она, я набирал его в легкие и уходил с переполненным сердцем... Это был самый нежный, самый тонкий, самый естественный, самый сладкий аромат в мире, и я был уверен, что никогда больше не услышу его, до того дня, о котором я вам говорил, Сенклер... Вы помните... до дня приема в Елисейском дворце...

— В тот день, мой друг, вы встретили Матильду Станжерсон...

— Да, Матильду Станжерсон... — ответил Рультабий дрогнувшим голосом...

О, если бы я знал в ту минуту, что дочь профессора Станжерсона от первого своего брака в Америке имела ребенка, сына, примерно одного возраста с Рультабием, — быть может, после путешествия, которое мой друг совершил туда и где, очевидно, навел нужные справки, быть может, я понял бы, наконец, его волнение, его страдания, его странное смущение, с которым он произнес это имя Матильды Станжерсон в стенах колледжа, куда когда-то приходила дама в черном!

Наступило молчание, которое я решился прервать:

— И вы никогда не узнали, почему дама в черном не вернулась?

— О! — возразил Рультабий. — Я уверен, что она приходила... Но меня уже здесь не было!..

— Кто же забрал вас отсюда?

— Никто!.. Я убежал!..

— Зачем?.. Чтобы отыскать ее?

— Нет! Нет!.. Чтобы скрыться от нее, Сенклер... Но она-то вернулась!.. Я уверен, что она вернулась!..

— Она, должно быть, пришла в отчаяние, не увидев вас!..

Рультабий поднял руки к небу и покачал головой.

— Разве я знаю?.. Откуда мне знать?.. Ах, как я несчастен!.. Тсс, мой друг!.. Отец Симон... Он уходит... наконец!.. Скорей!.. В приемную!..

Мы оказались там в три прыжка. Это была обыкновенная комната, довольно большая, с убогими шторами на голых окнах. Меблировка ее состояла из шести соломенных стульев, расставленных вдоль стен, зеркала над камином и стенных часов. В ней было довольно темно.

Входя в эту комнату, Рультабий обнажил голову с тем уважением и почтением, которое обычно проявляют в священном месте. Он покраснел и, продвигаясь маленькими шажками, застенчиво мял в руках свое кепи. Затем повернулся ко мне и едва слышно, еще тише, чем в часовне, проговорил:

— Сенклер! Вот она, приемная!.. Возьмите меня за руку! Я весь горю... я покраснел, не правда ли?.. Я всегда краснел, когда входил сюда, зная, что увижу ее здесь! Это понятно, я бежал... я прибегал, запыхавшись... не мог ждать! О, мое сердце, мое сердце — оно бьется, как тогда, когда я был ребенком... Смотрите:

я подбегал сюда... вот сюда, к этой двери, и стыдливо останавливался... Но я видел ее темную тень в уголке, она молча раскрывала мне свои объятия, и я бросался в них сразу же, и мы целовались и плакали!.. Это было так приятно! Это была моя мать, Сенклер!.. Она не говорила мне этого, наоборот, часто повторяла, что моя мать умерла, а она ее подруга... Но только она просила меня называть ее «мама» и плакала, когда я ее целовал, и я знаю, что она была моей матерью... Постойте, она всегда садилась вот здесь, в этом темном углу, и приходила, когда уже смеркалось, но еще не зажигали свет в приемной... Приходя, она клала на этот подоконник большой белый пакет, перевязанный розовой ленточкой. Это были бисквиты. Я обожаю бисквиты, Сенклер!..

Рультабий не мог больше сдерживаться. Он облокотился на камин и заплакал. Когда ему стало немного легче, он поднял голову, посмотрел на меня и грустно улыбнулся. А затем утомленно сел. Я молчал, так как прекрасно осознавал, что он говорил не со мной, а со своими воспоминаниями...

Я видел, как он дрожащими руками вынул из-за пазухи переданное мною письмо, распечатал его и медленно прочел. Вдруг рука его опустилась, и он тихо простонал. Только что такой красный, он внезапно побледнел, как будто вся кровь ушла из его сердца. Я сделал движение, но он жестом остановил меня и закрыл глаза.

Можно было подумать, что он уснул. Тогда я тихо, на цыпочках, как в комнате тяжелобольного, отошел к окну, выходившему на небольшой двор, в центре которого возвышалось громадное каштановое дерево. Сколько времени простоял я так, рассматривая каштан? Откуда мне знать!.. Откуда мне знать, что мы ответили бы, если бы кто-то из обитателей

колледжа вошел в эту минуту в приемную? Я размышлял о странной и таинственной судьбе моего друга, об этой женщине, которая была его матерью, а может быть, и нет!.. Рультабий был в то время так юн, ему так нужна была мать, что он просто мог создать ее в своем воображении... Рультабий!.. Под каким другим именем он числился здесь, в этой школе?.. Жозеф Жозефен? «Это не имя», как говорил редактор «Эпок». И зачем он приехал сюда? Отыскать след аромата?.. Пережить воспоминание?.. Иллюзию?..

Я обернулся, услышав шум. Рультабий встал, он казался очень спокойным, просветлевшее выражение его лица свидетельствовало об одержанной им внутренней победе.

— Сенклер, нам уже пора уходить... Пойдемте, мой друг!.. — И Рультабий вышел из приемной, даже не обернувшись. Я последовал за ним.

На улице, куда мы выбрались, не замеченные никем, я остановил его и с беспокойством спросил:

— Что же, мой друг, отыскали ли вы аромат дамы в черном?..

Несомненно, он видел, что я вложил в свой вопрос всю свою душу, полную горячего желания, чтобы это посещение вернуло ему душевный покой.

— Да, — ответил он серьезно. — Да, Сенклер... Я нашел его... — И он показал мне письмо дочери профессора Станжерсона.

Я с изумлением посмотрел на него, ничего не понимая, так как я ничего тогда еще не знал... Он взял меня за руки и, глядя в глаза, произнес:

— Я хочу доверить вам большую тайну, Сенклер... тайну моей жизни, а быть может, и моей смерти... Что бы ни случилось, она должна остаться между вами и мной!.. У Матильды Станжерсон был ребенок... сын... этот сын умер, умер для всех, кроме вас и меня!..

Я отступил, пораженный, оглушенный таким признанием... Рультабий — сын Матильды Станжерсон!.. И вдруг меня, как удар грома, поразила мысль... Но тогда Рультабий был сыном Ларсана! О! Теперь я понял все колебания Рультабия... Я понял, почему мой друг в это утро, предчувствуя истину, говорил: «Почему он не умер? Если он жив, я предпочел бы умереть!»

Рультабий, очевидно, прочел в моих глазах эту мысль и ответил мне простым жестом, который должен был значить: «Это так, Сенклер, теперь вы поняли!» Затем он громко сказал:

— Ни слова!

Приехав в Париж, мы расстались, условившись встретиться на вокзале. Здесь Рультабий передал мне новую телеграмму, подписанную профессором Станжерсоном. Вот ее содержание: «Дарзак передал мне, что вы свободны на несколько дней. Мы все будем очень рады, если вы проведете их с нами. Ждем вас у Артура Ранса, который будет счастлив представить вас своей жене. Моя дочь также будет очень рада вас видеть».

Наконец, когда мы уже сидели в вагоне, привратник дома, где жил Рультабий, добежав до нас через всю платформу, передал третью телеграмму. Она была уже из Ментоны, подписана Матильдой и содержала всего лишь два слова: «На помощь!»

Глава IV

В ДОРОГЕ

Теперь мне все ясно. Рультабий только что рассказал мне о своем необыкновенном и богатом приключениями детстве, и теперь я также знаю, почему он больше всего боится, что Матильда Дарзак разгадает разделяющую их тайну. Я не смею больше ничего говорить, ничего советовать моему другу. Ах, бедолага!.. Прочитав эту телеграмму: «На помощь!» — он поднес ее к губам и, до боли сжав мою руку, сказал: «Если я приеду слишком поздно, я отомщу за нас!» С какой холодной и дикой решимостью он произнес эти слова! Время от времени слишком резкое движение выдавало состояние его души, но в целом он был спокоен. Какое решение он принял, сидя с закрытыми глазами в углу приемной, где прежде сидела дама в черном?..

...Пока мы катимся к Лиону и Рультабий дремлет, вытянувшись на своем диванчике, я расскажу вам, как и почему мальчик убежал из колледжа и что произошло после.

Рультабий оставил колледж, как вор! Нет необходимости подыскивать другое выражение, потому что его обвинили в воровстве. Вот как было дело. В девять лет он был уже очень развитым ребенком, умевшим решать самые невероятные, самые трудные задачи. Учитель математики удивлялся его необыкновенной логике, цельности его умозаключений — иными словами, философским подходом. Мальчишка так и не вызубрил таблицу умножения и считал на пальцах. Делать вычисления он просил товарищей, как поручают грубую домашнюю работу прислуге...

Но предварительно он указывал им путь решения. Не знакомый еще с принципами алгебры, он придумал собственную алгебру и с помощью своеобразных знаков, напоминавших клинопись, отмечал все этапы своего математического рассуждения, составляя общие формулы, понятные ему одному. Учитель с гордостью сравнивал его с Паскалем, который сам вывел основные теоремы Евклида. И в повседневной жизни ученик применял тот же удивительный метод рассуждения: так, например, после какого-нибудь случая — шалости школьника, скандала, доноса — он находил виновника из десяти одноклассников, находил его безошибочно, опираясь на сведения, сообщенные ему другими, или свои личные наблюдения.

Для него не было ничего проще, чем отыскать спрятанную, потерянную или украденную вещь... В этой области он проявлял невероятную сообразительность, как будто природа, стремясь к вечному равновесию и создав отца, который был гением среди воров, пожелала произвести от него сына, который стал добрым гением обокраденных. Эта способность, снискавшая ему уважение среди воспитателей колледжа, оказалась для него роковой. Он непостижимым образом отыскал небольшую сумму денег, украденную у начальника школы, и никто не хотел верить, что он сделал это исключительно благодаря своему уму и проницательности. Такое предположение казалось всем невозможным, и вскоре, из-за неудачного совпадения времени и места, Рультабия самого обвинили в воровстве. Хотели заставить его сознаться, он защищался с ожесточением, за что был строго наказан. Начальник произвел расследование, в котором Жозефа Жозефена предали его же товарищи, с присущим детям легкомыслием: многие жаловались, что у них воровали книги и школьные

предметы, и формально обвинили того, кто уже был в их глазах запятнан. То, что у него не было родителей и никто не знал, откуда он родом, послужило против него. Говоря о нем, дети называли его не иначе как «вор». Он вступал в драку, но оказывался побит, так как не был достаточно сильным. Тогда он пришел в отчаяние и стал думать о самоубийстве. Начальник, неплохой, в сущности, человек, к несчастью, был убежден, что имеет дело с маленьким порочным существом, на которое нужно воздействовать, лишь дав ему понять весь ужас совершенного проступка, и не придумал ничего лучше, чем сказать ему, что выгонит его из школы и в тот же день напишет даме, которая заботится о нем, — госпоже Дарбель, как она себя называла, — чтобы его забрали из колледжа, если он не признается в воровстве. Ребенок ничего не ответил; его увели в небольшую комнатку и заперли там. На другой день мальчика тщетно искали — он убежал. Он рассудил, что начальник, которому его доверили с самого нежного возраста, так что он не мог представить себе свою жизнь иначе, как в стенах колледжа, — всегда был к нему добр и теперь обращался с ним так сурово лишь потому, что поверил в его виновность. А следовательно, и дама в черном, в свою очередь, поверит в нее. Оказаться вором в глазах дамы в черном — уж лучше смерть! И он убежал, перепрыгнув ночью через садовую ограду. Оттуда он направился прямо к каналу, в который и бросился, рыдая, с последней мыслью о даме в черном. К счастью, в своем отчаянии бедный мальчуган забыл, что умеет плавать.

Я так подробно рассказал об этом случае из детства Рультабия лишь потому, что, я уверен, в нынешнем положении дел его важность будет всем понятна. В то время Рультабий еще не предполагал, что он сы-

Ларсана, но и тогда он не мог без ужаса думать о том, что дама в черном действительно поверит в его виновность, — как же велики, как бесконечны были его страдания теперь, когда он уверился в естественности и законности его связи с Ларсаном! Узнав о происшествии, его мать должна была подумать, что преступные инстинкты отца оживали в сыне и, может быть, — мысль более ужасная, чем сама смерть, — она порадовалась его гибели!

Итак, его сочли мертвым. Следы беглеца вели к каналу, откуда после долгих поисков выловили его школьный берет. Как же он выжил? Покинув свою купель и твердо решив уйти подальше от колледжа, этот мальчуган, которого тщетно искали в канале и в окрестностях, придумал очень оригинальный способ пройти через всю страну, не привлекая к себе внимания. Его гений помог ему. Как и всегда, он рассуждал: он знал из рассказов о сорванцах и отчаянных мальчишках, убегавших от родителей в поисках приключений, что они скрывались днем в полях и лесах, шли ночью и вскоре попадались жандармам или вынуждены были вернуться домой сами, потому что их запасы быстро заканчивались, а попрошайничать у них не хватало духу. Наш маленький герой спал, как и все люди, ночью и шел среди бела дня, ни от кого не скрываясь. Высушив свое платье, — наступило, к счастью, лето, и ему не пришлось страдать от холода, — он превратил его в лохмотья, в которые и облекся, выпрашивая по дороге милостыню; грязный и босоногий, он протягивал руку, уверяя прохожих, что отец его изобьет, если он не принесет ему денег. И его принимали за цыганенка.

Вскоре подошло время лесной земляники. Он собирал ее и продавал в маленьких корзинках

из листьев. Рультабий уверял меня, что сохранил бы самые светлые воспоминания об этом периоде своей жизни, если бы его не мучила мысль, что дама в черном считает его вором. Настойчивость и природная смелость помогали ему продолжать это путешествие, которое тянулось целые месяцы. Куда он шел? В Марсель! Попасть туда было его мечтой!

В учебнике географии ему нередко попадались пейзажи юга, и он всегда тяжело вздыхал при мысли, что ему, наверно, никогда не придется увидеть этот роскошный край. Вынужденный бродяжничать, он познакомился с небольшим табором цыган, направлявшимся той же дорогой в Сен-Мари-де-ла-Мер, чтобы выбрать там своего нового короля. Мальчик оказал этим людям несколько услуг, сумел им понравиться, и они, не имея привычки спрашивать у прохожих документы, удовлетворились этим, решив, что ребенок убежал от каких-нибудь акробатов, которые с ним дурно обращались. Таким образом, он добрался до юга.

В окрестностях Арля он расстался со своими спутниками и попал, наконец, в Марсель. Здесь был рай, вечное лето и... порт! Порт был настоящей сокровищницей для маленьких бездельников. Рультабий черпал из нее, сколько ему хотелось, по мере своих потребностей, которые были, впрочем, невелики. Так, например, он сделался «ловцом апельсинов». В одно прекрасное утро, как раз в то время, когда он занимался этой достойной профессией, он познакомился на набережной с парижским журналистом Гастоном Леру. Знакомство оказало такое влияние на судьбу Рультабия, что я считаю не лишним привести здесь статью, в которой сотрудник газеты «Матен» увековечил эту незабвенную встречу:

Маленький ловец апельсинов

Когда солнце пронзило наконец тучи и заиграло лучами на стенах марсельского собора Нотр-Дам — де-ла-Гард, я спустился на набережную. Ее большие плиты были еще влажными, в них отражались дрожащие силуэты прохожих. Матросы и грузчики возились около бревен, привезенных с севера, устанавливали домкраты и натягивали канаты. Пряный ветер с открытого моря проскальзывал между башней Сен-Жан и фортом Сен-Николя и бороздил зыбью воды Старого порта. Борт о борт покачивались в такт небольшие баркасы, протягивая друг к другу реи с подобранными парусами. Рядом с ними, вознося к разорванным облакам неподвижные мачты, степенно отдыхали тяжелые шхуны, утомленные долгими скитаниями по неведомым морям. Через лес рей и снастей я различил башню — живого свидетеля того, как двадцать пять веков назад дети древней Фокеи бросили якорь в этой счастливой бухте, приплыв из далеких вод Ионии. Затем я перенес внимание на набережную и увидел маленького ловца апельсинов. Он стоял, утопая в оборванной куртке, которая покрывала его до пят, без шапки, босой, с белокурыми волосами и черными глазами; на вид ему можно было дать лет девять. На веревке, перекинутой через плечо, висел холщовый мешок. Левую руку он заложил за спину, а правой опирался на палку, раза в три длиннее его, с пробковым кольцом на конце. Мальчуган стоял неподвижно и задумчиво. Тогда я спросил его, что он делает, и услышал в ответ: «Вылавливаю апельсины!»

Он, по-видимому, очень гордился своей профессией ловца апельсинов и не стал выпрашивать у меня несколько су, как это делают другие портовые

оборванцы. Я заговорил с ним опять, но он не соблаговолил мне ответить, внимательно глядя на поверхность воды. Мы стояли как раз между кормой судна «Фидес», пришедшего из Кастелламаре, и легким трехмачтовиком из Генуи. Дальше виднелись две баржи, пришедшие утром и под завязку набитые апельсинами, которые вываливались отовсюду. Апельсины плавали на воде, покачиваясь на волнах и приближаясь к нам. Мой мальчуган прыгнул в лодку, подбежал к корме и остановился в ожидании, вооруженный своей палкой, увенчанной петлей. Затем он принялся за ловлю. Кольцом на своей палке он подцепил один апельсин, два, три, четыре. Они быстро исчезали в мешке. Он поймал еще пятый, вылез на набережную и снял кожу с золотистого фрукта. Затем его зубы жадно вонзились в сочную мякоть...

— Приятного аппетита, — сказал ему я.

— Ничего так не люблю, как фрукты, — ответил он, весь перепачканный сладким соком.

— А чем ты питаешься, когда нет апельсинов?

— Тогда подбираю уголь.

И, запустив руку в мешок, он вытащил огромный кусок угля. Сок апельсина попал на борт его куртки. Мальчуган вытащил из кармана не поддающийся описанию платок и старательно вытер куртку. Затем с гордостью спрятал платок в карман.

— Чем занимается твой отец? — спросил я.

— Он беден.

— Но чем он занимается?

Ловец апельсинов пожал плечами:

— Он ничем не занимается, потому что беден.

По-видимому, мои вопросы о его генеалогии не особенно ему понравились. Он двинулся вдоль набережной, и я последовал за ним. Так мы подошли к месту, где стояли небольшие прогулочные яхты, сверкавшие

безупречной белизной. Мальчуган рассматривал их с видом знатока и, по-видимому, находил в этом созерцании невероятное наслаждение. Подошла хорошенькая яхта, распустив свой белоснежный парус, ослепительный под лучами солнца.

— Ничего себе судно, — заметил мой новый знакомый.

С этими словами он нечаянно наступил в лужу, забрызгав грязью куртку, которая, похоже, занимала его больше всего на свете. О, ужас! Он готов был заплакать. Быстро вытащив из кармана платок, он принялся оттирать куртку. Затем, умоляюще взглянув на меня, спросил:

— Я не грязный сзади?

Я заверил его, что нет. Тогда он доверчиво кивнул и снова спрятал платок в карман. В нескольких шагах от нас, на тротуаре, тянувшемся вдоль ряда старых желтых, красных и синих домишек, в окнах которых развевалось сохнувшее тряпье самых разнообразных цветов, сидели за прилавками торговки мидиями. На каждом маленьком столике были разложены ракушки, заржавевший нож и бутылка с уксусом. Мы подошли к столикам, моллюски были свежи и соблазнительны, и я остановил ловца апельсинов:

— Если бы ты не сказал, что любишь фрукты больше всего, я предложил бы тебе дюжину ракушек.

Черные глазенки паренька заблестели, и мы вдвоем принялись за моллюсков. Торговка открывала их; ее предложение воспользоваться уксусом мой спутник отверг повелительным жестом. Порывшись в мешке, он с триумфом вытащил оттуда лимон. Лимон, побывав в соседстве с углем, стал совершенно черным. Но его владелец, не смущаясь, достал все тот же платок. Затем он разрезал лимон пополам

и любезно предложил мне половину, но я предпочитаю ракушки без ничего, поэтому, поблагодарив, отказался.

Позавтракав, мы вернулись на набережную. Ловец апельсинов попросил у меня сигарету и прикурил ее с помощью спички, находившейся в другом кармане его куртки.

С сигаретой в зубах, пуская в небо клубы дыма, как взрослый мужчина, оборванец уселся на парапете, свесив над водой ноги и устремив взгляд вверх, на собор Нотр-Дам-де-ла-Гард. Он сидел, выпрямившись, с необычайно гордым видом и, казалось, хотел наполнить своей фигуркой весь порт.

Гастон Леру

На другой день Жозеф Жозефен вновь встретил в порту Гастона Леру, который искал его с газетой в руках. Мальчуган прочел статью, и журналист дал ему монету в сто су. Рультабий не затруднился взять ее. «Я принимаю деньги, — сказал он Гастону Леру, — за свое сотрудничество». На эти сто су он купил себе великолепный ящик со всеми принадлежностями для чистки сапог. В течение двух лет в его владение попадали ноги всех, кто приходил в ресторан «Брегальон», чтобы съесть там традиционный паштет. В перерывах между чистками он усаживался на свой ящик и читал. Он получил слишком хорошее воспитание и первоначальное образование и понимал, что если он не закончит самостоятельно того, что так хорошо было начато другими, то лишит себя единственной возможности добиться положения в обществе.

Клиенты заинтересовались этим маленьким чистильщиком, у которого постоянно лежали на ящике учебники по истории или математике, и один судовладелец взял его прислуживать в свою контору.

Вскоре Рультабий дослужился до звания клерка и смог сделать кое-какие сбережения. В шестнадцать лет, с небольшой суммой денег в кармане, он сел в поезд до Парижа. Зачем он туда ехал? Искать даму в черном. Ни на один день не переставал он думать о таинственной посетительнице; хотя она ни разу не говорила ему, что живет в столице, он был уверен: никакой другой город в мире не был достоин дамы, которая распространяла вокруг себя такой чудесный аромат. К тому же разве не говорили маленькие школьники, которым удавалось заметить ее, когда она входила в приемную: «Смотри! Парижанка приехала!»

Рультабий просто хотел видеть даму в черном, издали смотреть на нее, как смотрит верующий на святой лик. Осмелится ли он подойти к ней? Ужасная история о воровстве по-прежнему стояла между ними стеной, за которую он не имел права зайти. Впрочем, может быть... В любом случае он хотел ее видеть — в этом Рультабий был твердо уверен.

Приехав в столицу, он прежде всего отыскал Гастона Леру, напомнил ему о себе и объявил, что, не чувствуя особого призвания к какому-нибудь определенному занятию, — а это очень досадно для человека, столь жаждущего работы, как он, — решил сделаться журналистом и просит немедленно дать ему место репортера. Гастон Леру пробовал отговорить его от этой рискованной идеи, но напрасно. Тогда-то, утомившись бесплодным спором, он сказал: «Мой юный друг! Раз уж вам нечего больше делать, постарайтесь найти левую ногу с улицы Оберкампф».

И он вышел с этими странными словами, которые заставили бедного Рультабия думать, что журналист над ним просто издевается. Между тем, купив газету, он прочел, что «Эпок» предлагает солидную премию

тому, кто найдет недостающую часть тела женщины, разрезанной на куски на улице Оберкампф.

Ранее я уже рассказывал*, как блестяще проявил себя в этом деле Рультабий, а для тех, кто об этом не знает или по какой-либо причине забыл, сообщу, что этот смышленый юноша не поленился осмотреть все окрестности места происшествия и обнаружил страшную находку в ближайшей сточной канаве.

Я уже рассказывал, как случай однажды вечером привел Рультабия в Елисейский дворец, где он уловил аромат дамы в черном. Он заметил, что аромат исходит от Матильды Станжерсон. Что мне еще прибавить? Рассказывать о чувствах, охвативших Рультабия во время событий в Гландье и в особенности после его путешествия в Америку? Нетрудно угадать их. Все его колебания, все эти резкие перемены настроения — кто теперь не поймет их? Полученные им в Цинциннати сведения относительно ребенка той, которая была женой Жана Русселя, были достаточно убедительны, чтобы он предположил, что этот ребенок — он сам, но недостаточно точны, чтобы он был в этом уверен. Однако инстинкт так влек его к дочери профессора, что иногда ему стоило неимоверных усилий сдержаться и не броситься ей на шею, крича: «Ведь ты моя мать! Ты моя мать!»

Он убегал, как убежал из церкви, чтобы в минуту слабости не выдать тайны, которая снедала его изнутри в течение многих лет. Его удерживал страх! А вдруг она оттолкнет его!.. Вдруг она отречется от него, маленького воришки!.. От него, сына Русселя-Боллмейера, унаследовавшего преступную натуру Ларсана!.. А вдруг он потеряет возможность видеться с ней, жить рядом с ней, вдыхать ее дорогой

* Имеется в виду роман «Тайна Желтой комнаты».

аромат, аромат дамы в черном. Эти ужасные опасения заставляли его душить в себе желание спросить ее при встрече: «Ты ли это? Ты ли дама в черном?» Что касается Матильды, то она сразу полюбила его, но, скорее всего, за услугу, оказанную им в Гландье... Если это была действительно она, она должна была считать его мертвым!.. А если это была не она... если фатальная судьба обманывала и его инстинкт, и его рассудок... если это была не она... Разве он мог неосторожно открыть ей, что бежал из колледжа из-за воровства?.. Нет! Нет! Только не это!..

Она часто спрашивала его: «Где вы воспитывались, мой друг? Где получили начальное обучение?» И он отвечал: «В Бордо!» С таким же успехом он мог бы ответить: «В Пекине».

Тем не менее эти муки не могли длиться вечно. Если это она, он сумеет смягчить ее сердце. Так он часто рассуждал. Он готов был сделать что угодно, только бы не лишиться ее материнской ласки. Но ему недоставало уверенности!.. уверенности не рассудочной, а безусловной — как собака уверена в том, что обнюхивает своего хозяина. Это некрасивое сравнение, возникшее в уме у Рультабия, и навело его на мысль «снова взять след». Так мы очутились в Трепоре и в д'О. Однако я позволю себе заметить, что это путешествие не принесло бы плодов, если бы не письмо, которое я передал Рультабию в поезде, — оно внушило ему уверенность. Я не читал его сам. В глазах моего друга это столь священный документ, что никто и никогда его не увидит, но я знаю, что нежные упреки, которые она обыкновенно делала ему за дикость и недоверчивость, приняли в этом письме такой оттенок горечи, что Рультабий не мог бы ошибиться, если бы даже дочь профессора Станжерсона не упомянула в последней фразе,

в которой слышались рыдания несчастной матери, что ее симпатия к нему обусловлена не столько оказанными им услугами, сколько воспоминанием о маленьком мальчике, сыне ее любимой подруги, который девяти лет от роду покончил жизнь самоубийством, показав себя взрослым мужчиной». Рультабий был очень на него похож!

Глава V

ПАНИКА

Дижон... Макон... Лион... Я убежден, что там, над моей головой, на верхней полке, Рультабий не спит... Я окликнул его и не получил ответа, и все-таки я готов положить в огонь свою руку, если он спит!.. О чем он думает?.. Как он спокоен! Что могло внушить ему такое спокойствие?.. Я вспоминаю, как он сидел там, в приемной, а затем вдруг поднялся и произнес «идем!» таким уверенным, таким спокойным и решительным тоном... На что он решился пойти? К кому? К ней, конечно, так как ей грозила опасность и никто, кроме него, не мог ее спасти, к ней, которая была его матерью, но не должна была узнать об этом!

«Эта тайна должна остаться между вами и мной!» Таким было его решение — ничего ей не говорить. А ведь он, несчастный сын, приезжал сюда лишь затем, чтобы иметь право рассказать ей! Но в ту самую минуту, как он узнал, он обрек себя на молчание.

Рультабий, с его поистине героической душой, понял, что дама в черном, нуждаясь в его помощи, не захочет быть спасенной ценой борьбы между сыном и отцом. Как далеко могла зайти эта борьба? Каким кровавым столкновением окончиться? Для того чтобы спасти даму в черном, нужно было предвидеть все и иметь руки развязанными, не правда ли, Рультабий?

Рультабий лежит так тихо, что я не слышу его дыхания. Встаю, наклоняюсь над ним — его глаза открыты.

— Знаете, о чем я думаю? — говорит он. — О телеграмме из Бурга, подписанной Дарзаком, и о другой, из Валенса, от Станжерсона.

— Я тоже думал об этом. Тут действительно есть что-то странное. Через Бург Дарзаки проезжали уже одни, расставшись в Дижоне со Станжерсоном. Впрочем, это ясно и из телеграммы: «Едем на соединение со Станжерсоном». С другой стороны, телеграмма Станжерсона, продолжавшего путь прямо на Марсель, свидетельствует о том, что он уже виделся с Дарзаками. Значит, Дарзаки догнали Станжерсона на Марсельской линии, но в таком случае можно предположить, что профессор останавливался в дороге. Зачем? Он не предусматривал остановок. На вокзале он говорил: «Я буду в Ментоне завтра утром в десять часов». Посмотрите на телеграмме, в котором часу она отправлена из Валенса, и отыщите в указателе, когда Станжерсон должен был проезжать через Валенс, если бы он не останавливался в пути.

Мы сверились с указателем. Станжерсон должен был проехать через Валенс в 00 часов 47 минут, а телеграмма была помечена «00 часов 44 минуты», то есть посылал ее Станжерсон, проезжая Валенс. В это время он уже должен был соединиться с Дарзаками. Благодаря указателю мы поняли следующее. Станжерсон расстался с Дарзаками в Дижоне, куда все они приехали в 6 часов 27 минут вечера. Профессор пересел в поезд, отходивший из Дижона в 7 часов 8 минут и прибывавший в 10 часов 4 минуты в Лион и 00 часов 47 минут в Валенс. В это время Дарзаки, выехав из Дижона в 7 часов, продолжали свой путь на Модан и через Сент-Амур прибыли в Бург в 9 часов 3 минуты вечера, с поездом, который должен был отходить из Бурга в 9 часов 8 минут. В телеграмме Дарзака из Бурга стояло время «9 часов 28 минут». Значит, Дарзаки остались в Бурге, пропустив свой поезд. Можно было предположить и то, что поезд задержался. В любом случае мы должны были понять.

что заставило Дарзака послать телеграмму между Дижоном и Бургом, после отъезда Станжерсона. Можно было сказать и точнее: между Луаном и Бургом, так как поезд останавливался в Луане и, если бы происшествие случилось до Луана, Дарзак мог бы телеграфировать именно с этой станции.

Обратившись затем к расписанию поездов между Бургом и Лионом, мы установили, что телеграмма Дарзака была отправлена за минуту до отхода поезда на Лион — в 9 часов 29 минут. Этот поезд приходит в Лион в 10 часов 33 минуты, тогда как поезд Станжерсона лишь в 10 часов 34 минуты. Пробыв какое-то время в Бурге, Дарзаки могли и должны были догнать Станжерсона в Лионе, куда попадали на одну минуту раньше него. Итак, какая драма могла заставить их сбиться с намеченного пути?

Нам оставалось лишь строить самые грустные предположения, в основе которых, увы, лежало появление Ларсана. Что представлялось нам совершенно очевидным, так это взаимное желание наших друзей никого не пугать. Как Робер, так и Матильда должны были сделать все, чтобы скрыть друг от друга серьезность положения. Что касается Станжерсона, то мы не знали, посвящен ли он в новые обстоятельства дела.

Разобрав, таким образом, представленные нам факты, Рультабий предложил воспользоваться удобствами спального вагона и подал мне пример, занявшись своим вечерним туалетом с такой же тщательностью, как если бы находился у себя дома. Четверть часа спустя он храпел, впрочем, я не особенно-то верил в его храп. Во всяком случае я сам не мог заснуть. В Авиньоне Рультабий соскочил с постели, натянул на себя одежду и выбежал на платформу, чтобы выпить чашку горячего шоколада. Что касается меня,

то мне не хотелось есть. От Авиньона до Марселя путь наш прошел в молчании; при виде Марселя, где Рультабий вел столь романтический образ жизни, он, желая скрыть волнение, возраставшее по мере приближения часа, когда мы должны были все узнать, стал рассказывать мне какие-то древние анекдоты. Я не слушал его.

Так мы прибыли в Тулон. Наше нетерпение превзошло все границы. В Каннах мы нисколько не удивились, увидев на перроне искавшего нас Дарзака. Очевидно, он получил телеграмму, посланную ему Рультабием из Дижона и уведомлявшую о времени нашего прибытия в Ментону. Приехав лишь накануне в десять часов утра с женой и тестем в Ментону, он должен был в то же утро выехать, чтобы встретить нас по дороге в Канны: судя по его виду, у него было что сообщить нам с глазу на глаз. Он казался мрачным и расстроенным. Увидев его, мы почувствовали тревогу.

— Несчастье?.. — спросил Рультабий.

— Нет еще!.. — ответил он.

— Слава богу! — произнес Рультабий со вздохом облегчения. — Значит, мы успели вовремя...

Дарзак лишь сказал:

— Спасибо, что не отказались приехать!

И он молча пожал нам руки, увлекая нас в купе, в котором запер дверь и тщательно задернул занавески. Когда поезд двинулся, он наконец заговорил. Волнение его было так велико, что голос заметно дрожал.

— Итак, — начал Дарзак, — он жив!

— Мы почти не сомневались в этом, — сказал Рультабий. — Но уверены ли вы?

— Я видел его так, как сейчас вижу вас.

— А ваша супруга также видела его?

— Увы! Но необходимо убедить ее в том, что это галлюцинация, плод больного воображения! Иначе она может снова лишиться рассудка!.. О, друзья мои, как рок преследует нас!.. С какой целью этот человек появился вновь?.. Чего он хочет от нас?..

Я посмотрел на Рультабия. Он был еще мрачнее, чем Дарзак. Удар, которого он так боялся, был нанесен, и, оглушенный, он сидел в своем углу. Мы все молчали. Затем Дарзак снова заговорил:

— Послушайте! Мерзавец должен исчезнуть!.. Это необходимо!.. Надо с ним повидаться, надо узнать, чего он хочет... и какую сумму денег он бы ни попросил, нужно дать ее... Или я убью его, это просто!.. Я думаю, что это самое простое!.. Не правда ли?..

Мы не ответили ему. На него было больно смотреть. Рультабий, победив волнение, попросил Дарзака успокоиться и рассказать нам в мельчайших подробностях все, что стряслось после их отъезда из Парижа.

Тогда он сообщил нам, что случай произошел в самом Бурге, как мы и предполагали. Нужно заметить, что Дарзак взял два купе, соединявшиеся между собой уборной. В одном из них положили чемодан и несессер госпожи Дарзак, в другом — мелкие вещи. В этом последнем купе профессор Станжерсон и супруги Дарзак ехали от Парижа до Дижона. Здесь все трое вышли и пообедали на станции. Времени было достаточно, так как, прибыв в Дижон в 6 часов 27 минут, Станжерсон должен был выехать из него в 7 часов 8 минут, а Дарзаки — ровно в семь.

После обеда профессор простился с дочерью и зятем на перроне вокзала. Дарзаки вошли в свое купе — с мелким багажом — и стояли у окна, прощаясь с профессором Станжерсоном, пока поезд не тронулся.

От Дижона до Бурга ни муж, ни жена не входили в соседнее купе. Дверь из него в коридор была притворена еще в Париже, как только туда внесли вещи госпожи Дарзак. Однако дверь эта не была заперта ни снаружи на ключ кондуктором, ни изнутри на задвижку. Занавеска на двери купе была задернута госпожой Дарзак изнутри, так что из коридора не было видно, что происходит в купе. Занавеска же на двери купе, где сидели путешественники, не была задернута. Все это Рультабию удалось восстановить посредством целого ряда вопросов.

Приехав в Бург, путешественники узнали, что вследствие несчастья на линии Кюлоца поезд не может отправиться из Бурга раньше чем через полтора часа. Дарзаки вышли из вагона и немного прогулялись по платформе. Дарзак, разговаривая с женой, вспомнил, что так и не написал несколько срочных писем. Они вдвоем вошли в буфет, где Дарзак попросил принадлежности для письма. Матильда присела рядом, но вскоре сообщила ему, что пройдется немного по привокзальной площади, пока он пишет.

«Прекрасно, — ответил Дарзак. — Я догоню вас, как только покончу с письмами».

Дальше я предоставляю слово самому Дарзаку.

— Я закончил писать, — рассказывал он, — и встал, чтобы пойти к Матильде, как вдруг она вбежала обезумевшая в буфет. Увидев меня, она испустила жуткий крик и бросилась в мои объятия. «Боже мой, боже мой!» — повторяла она, вся дрожа. Я убедил Матильду, что ей нечего бояться, пока я рядом, и терпеливо расспросил о причинах столь внезапного ужаса. Затем я усадил ее, так как ноги отказывались ее держать, и стал уговаривать выпить воды, но она сказала, что не сможет проглотить ни капли. У нее стучали зубы. Наконец, она совладала с собой

и объяснила мне, что случилось, прерываясь на каждой фразе и с ужасом озираясь. Итак, она пошла погулять перед вокзалом, но не решалась далеко отойти, думая, что я скоро закончу писать. Затем вернулась на вокзал и прошла по перрону, направляясь к буфету, как вдруг через освещенные окна вагонов увидала служителей, убиравших купе. Она вспомнила, что оставила открытым свой несессер, в котором лежали безделушки, и захотела сейчас же закрыть его — не потому, что сомневалась в честности служащих, а просто из понятной в дороге осторожности. Итак, она вернулась в вагон и подошла к двери купе, в которое мы не заходили с самого нашего отъезда из Парижа. Открыв дверь, она испустила душераздирающий крик. Впрочем, крик этот остался неуслышанным, так как в вагоне никого не было, кроме того, в эту минуту проходил поезд, наполняя вокзал шумом. Что же произошло? Нечто необъяснимое, безумное, чудовищное. В купе маленькая дверь в уборную была открыта вполоборота к входившему. В дверь было вделано зеркало. И вот в этом зеркале Матильда увидела лицо Ларсана! Она бросилась назад, взывая о помощи, и так спешила, что упала на колени, выпрыгивая из вагона. Поднявшись, она, наконец, добралась до буфета. Когда она рассказала мне обо всем, я сделал вид, что не верю, прежде всего, потому что не хотел верить сам, — это было слишком чудовищно, — во-вторых, из опасения, что Матильда вновь теряет рассудок. Разве Ларсан не умер?.. По правде, я и сам верил в то, что внушал ей: всему виной ее воображение. Естественно, мне хотелось убедиться в этом воочию, и я предложил ей тотчас пойти вместе со мной в купе, чтобы доказать, что она обманулась. Она воспротивилась этому, крича, что мы не должны больше возвращаться в это купе

и что она отказывается продолжать путешествие ночью! Все это она высказала короткими, отрывистыми фразами... ей не хватало дыхания... Мне было невыразимо жаль ее... Чем больше я доказывал ей, что появление Ларсана немыслимо, тем увереннее она настаивала на реальности увиденного! Я сказал ей, что она редко видела Ларсана во время драмы в Гландье и недостаточно хорошо помнит, как он тогда выглядел, а потому легко может ошибиться при встрече с кем-нибудь похожим на него. Но она ответила, что прекрасно помнит лицо Ларсана, появлявшегося два раза при таких обстоятельствах, что она никогда его не забудет, проживи она хоть сто лет! Теперь, когда ей известно, кто скрывался под именем Ларсана, она узнала не только черты полицейского, но за ними и страшное лицо человека, который уже так давно преследовал ее!.. Она клялась своей головой, что видела Боллмейера, что Боллмейер жив!.. жив со своим бритым лицом Ларсана и большим голым лбом!.. Она ухватилась за меня, точно боялась новой разлуки, еще более ужасной, чем все предыдущие!.. Так она увлекла меня на перрон... И вдруг оставила меня и бросилась в контору начальника станции... Последний испугался не меньше меня, увидев мою бедную жену в таком состоянии. Я подумал про себя: «Она сойдет с ума». Начальнику станции я объяснил, что жена моя испугалась, оставшись одна в купе, и попросил его позаботиться о ней, пока я постараюсь выяснить, что ее так напугало... И вот, друзья мои, — продолжал Робер Дарзак, — я уже собирался выйти из конторы начальника станции, но не успел переступить порог, как отскочил назад и быстро захлопнул дверь. У меня было, очевидно, довольно странное выражение лица, так как начальник станции посмотрел на меня с удивлением. И я, я также увидел Ларсана!

Нет-нет! Моя жена не грезила наяву... Ларсан был там, на вокзале... на перроне, за этой дверью.

Сказав это, Робер Дарзак замолчал, как будто воспоминание об этом видении отняло у него силы продолжать рассказ. Он провел рукой по лбу, вздохнул и начал снова:

— Перед дверью конторы был газовый фонарь, а под фонарем стоял Ларсан. Без сомнения, он поджидал, он караулил нас... И, что удивительно, он не прятался! Напротив, можно подумать, что стоял он там лишь для того, чтобы его заметили!.. Движение, с которым я отпрыгнул назад и захлопнул дверь, было совершенно инстинктивно. Когда я снова открыл дверь, решившись идти прямо на негодяя, его уже там не было!.. Начальник станции, вероятно, думал, что имеет дело с двумя помешанными. Матильда смотрела на меня, не произнося ни слова, широко открыв глаза, как безумная. Вернувшись к действительности, она осведомилась, далеко ли от Бурга до Лиона и какой ближайший поезд туда идет. Одновременно она попросила меня распорядиться относительно багажа, решив ехать навстречу отцу, и как можно скорее. Я не видел другого средства успокоить Матильду и, не пытаясь спорить с ней, тотчас принялся исполнять ее просьбу. В конце концов, после того, как я собственными глазами, да, собственными глазами увидел Ларсана, я понял, что наше путешествие стало невозможным, и, должен признаться, мой друг, — прибавил Дарзак, обратившись к Рультабию, — стал думать, что нам угрожает опасность, одна из тех таинственных и фантастичных опасностей, от которой вы один можете спасти нас, если есть еще время. Матильда была признательна мне за ту покорность, с которой я принял все меры, чтобы без промедления догнать ее отца, и горячо меня поблагодарила.

узнав, что через несколько минут, — вся эта драма продолжалась не более четверти часа, — мы сможем сесть в поезд, отходящий из Бурга в 9 часов 29 минут и прибывающий в Лион около 10 часов. Сверившись с указателем, мы увидели, что можем встретиться с профессором Станжерсоном уже в Лионе, по поводу чего Матильда опять выразила мне благодарность, как будто это счастливое совпадение зависело от меня. Она немного успокоилась, когда пришел девятичасовой поезд, но, когда настало время садиться и мы быстро переходили по перрону у того самого фонаря, под которым я увидел Ларсана, я почувствовал, что силы опять оставляют ее. Быстро оглядевшись вокруг, я, однако, не заметил ничего подозрительного. На мой вопрос, не увидела ли она опять кого-нибудь, Матильда ничего не ответила. Между тем волнение ее возрастало, и она умоляла меня не уединяться и занять места в купе, уже на две трети заполненном пассажирами. Под предлогом, что нужно присмотреть за багажом, я оставил ее среди этих людей, побежал на телеграф и послал вам ту самую телеграмму... Я ничего не сказал Матильде об этой телеграмме, так как продолжал делать вид, что она обманулась, и ни за что не хотел укреплять ее уверенность в этом восстании из мертвых. Открыв несессер моей жены, я убедился, что все безделушки целы. Ночью мы обменялись несколькими словами и решили сохранить все в тайне от профессора Станжерсона, для которого это новое горе могло стать смертельным. Я не буду рассказывать о том, как удивился последний, увидев нас на перроне Лионского вокзала. Матильда объяснила ему, что вследствие большого повреждения железнодорожной линии на Кюлоц нам предстояло сделать большой круг, и мы решили присоединиться к нему и провести вместе несколько дней у Артура

Ранса и его молодой жены, которые уже давно нас приглашали.

Теперь, вероятно, будет весьма уместно и своевременно прервать рассказ Дарзака и донести до сведения читателя, что мистер Артур Уильям Ранс, долгие годы питавший безнадежную любовь к дочери профессора, получив от нее решительный отказ, вступил в брак с молодой американкой, нисколько не похожей на дочь знаменитого профессора.

После драмы в Гландье, еще в то время, когда мадемуазель Станжерсон находилась в лечебнице в окрестностях Парижа, в один прекрасный день стало известно, что мистер Артур Уильям Ранс женится на племяннице старого геолога, члена Академии наук в Филадельфии. Те, кто знал о его несчастной страсти к Матильде и имел случай измерить всю ее силу и глубину — она чуть не сделала алкоголиком столь серьезного и сдержанного человека, — решили, что Ранс женится с отчаяния, и не ожидали ничего хорошего от столь неожиданного союза. Рассказывали, что дело, впрочем весьма выгодное для Артура Ранса, так как мисс Эдит Прескотт была богата, — устроилось довольно оригинальным образом. Но об этом я поведаю вам, когда у меня будет больше времени. Вы узнаете тогда, каким образом молодые Рансы обосновались в Красных Скалах, в старинном замке-крепости на полуострове Геркулеса, который они купили прошлой осенью.

Сейчас же я должен передать слово Дарзаку, продолжавшему рассказ о своем странном путешествии.

— Когда мы с женой привели эти объяснения профессору Станжерсону, — говорил наш друг, — мы увидели, что профессор не понял ничего из нашего рассказа и вместо того, чтобы радоваться нашему возвращению, был им опечален. Матильда направи-

старалась казаться веселой — ее отец прекрасно видел, что после нашей с ним разлуки произошло нечто, о чем мы не хотели ему говорить. Матильда сделала вид, что не замечает этого, и завела речь о нашей свадьбе. Она упомянула вас, мой друг, — Дарзак обратился к Рультабию, — и я воспользовался случаем и дал понять Станжерсону, что вы были бы польщены приглашением провести со всеми нами в Ментоне несколько дней, воспользовавшись для этого своим отпуском. В Красных Скалах места хватит всем, и мистер Ранс и его молодая жена будут лишь рады доставить вам удовольствие. В то время как я это говорил, Матильда ободряла меня взглядом и нежно пожимала мою руку, обрадованная моим предложением. Таким образом, по прибытии в Валенс я подал телеграмму, которую Станжерсон написал по моему настоянию и которую вы, конечно, получили. Вы можете себе представить, что мы не спали всю ночь. Пока отец Матильды отдыхал в соседнем отделении, она открыла мой саквояж и достала из него револьвер. Зарядив его, она положила его мне в карман со словами: «Если на нас нападут, вы будете защищать нас!» Ах, какую ночь, друг мой, какую ночь мы провели!.. Мы сидели молча, обманывая самих себя и делая вид, что дремлем, закрыв глаза, мы не решались погасить свет. Несмотря на то что двери купе были закрыты изнутри на задвижку, мы все-таки боялись его появления. Наши сердца замирали при звуке шагов в коридоре... Нам все казалось, что это его шаги... Матильда задернула зеркало из боязни вновь увидеть в нем его лицо! Ехал ли он за нами?.. Сумели ли мы обмануть его?.. Ускользнули ли мы от него?.. Сел ли он в поезд на Кюлоц?.. Могли ли мы надеяться на это?.. Что касается меня, то я так не думал... А она! Она!.. Я чувствовал, что она, сидевшая в углу неподвижно

и безмолвно, как мертвая, исполнена отчаяния и более несчастна, чем я сам. Мне хотелось утешить ее, вдохнуть в нее надежду, но я не находил подходящих слов; едва я заговорил, она безнадежно махнула мне рукой, и я понял, что милосерднее молчать. Тогда я последовал ее примеру и закрыл глаза...

Таким был рассказ Робера Дарзака. Мы с Рультабием сочли его настолько важным, что по прибытии в Ментону восстановили его со всей возможной точностью. Мало того, мы показали текст Роберу Дарзаку, который внес в него несколько несущественных изменений, после чего рассказ принял тот вид, в каком вы и нашли его здесь.

В ночь совместного путешествия Станжерсона с Дарзаками не произошло ничего достойного внимания. На вокзале их встретил Артур Ранс, удивившийся при виде молодых супругов, но когда он узнал, что они решили провести у него несколько дней вместе со Станжерсоном и принять, таким образом, приглашение, которое Дарзак до сих пор отклонял под разными предлогами, то просиял и объявил, что жена его будет этому очень рада. Также он обрадовался и известию о предстоящем приезде Рультабия. Нельзя сказать, что мистеру Артуру Рансу была безразлична сдержанность, с которой Дарзак продолжал относиться к нему даже после его женитьбы на Эдит Прескотт. Во время своего последнего путешествия в Сан-Ремо молодой профессор Сорбонны ограничился в высшей степени церемонным визитом в его замок. Между тем по возвращении во Францию он был сердечно встречен на ментонском вокзале — ближайшей к границе станции — Рансами, поспешившими перехватить его в дороге и поздравить с выздоровлением. В конце концов, Артур Ранс со своей стороны делал все, чтобы его отношения с Дарзаками наладились.

Мы уже знаем, как появление Ларсана в Бурге разрушило планы Дарзаков, заставив их позабыть о своей сдержанности по отношению к Рансу и отправиться вместе со Станжерсоном к людям, мало им симпатичным, но честным и способным, по их мнению, защитить их. В то же время супруги позвали на помощь Рультабия. Дарзак запаниковал по-настоящему, особенно тогда, когда на вокзале в Ницце нас встретил сам Артур Ранс. Но еще до нашей встречи произошел маленький инцидент, который я не считаю возможным обойти молчанием. Прибыв в Ниццу, я сейчас же выскочил на перрон и побежал на телеграф справиться, нет ли телеграммы на мое имя. Мне подали голубую бумажку, и, не вскрывая ее, я побежал разыскивать Рультабия и Дарзака.

— Прочтите, — сказал я репортеру.

Рультабий вскрыл телеграмму и прочел: «Бриньоль не выезжал из Парижа с 6 апреля, ручаюсь в этом». Рультабий посмотрел на меня и усмехнулся.

— Вот оно что, — проговорил он. — Это вы навели справку? Что вам взбрело на ум?

— В Дижоне, — ответил я, несколько обиженный тоном Рультабия, — мне пришла в голову мысль, что Бриньоль, вполне вероятно, принимает какое-нибудь участие в несчастьях, о которых можно было догадываться из полученных вами телеграмм. Я попросил одного из моих друзей уведомлять меня о поведении этого господина. Мне очень хотелось знать, не уезжал ли он из Парижа.

— Теперь вы знаете, — ответил Рультабий. — Надеюсь, впрочем, вы не предполагаете, что под маской Бриньоля скрывается воскресший Ларсан?

— Глупости! — воскликнул я раздраженно, так как ясно видел, что Рультабий издевается надо мной. По правде сказать, я допускал именно эту мысль.

— Вы все еще продолжаете подозревать Бриньоля? — грустно спросил Дарзак. — Это несчастный человек, но славный малый.

— Я так не думаю, — возразил я, забившись в свой угол.

Вообще говоря, мне не особенно везло в моих личных умозаключениях рядом с Рультабием, который часто надо мной подсмеивался. Но на этот раз, несколько дней спустя, мы все же получили доказательство, что, если Бриньоль и не представлял собой нового воплощения Ларсана, он все же был большим негодяем. И Рультабий, и Дарзак, отдав должное моей проницательности, принесли мне извинения. Если я упомянул об этом случае, то лишь для того, чтобы показать, насколько меня преследовала мысль о Ларсане, скрывавшемся за кем-нибудь из мало нам знакомых людей. Черт возьми! Боллмейер так часто доказывал свой талант в этой области, скажу даже свой гений, что я был вправе никому и ничему не доверять. Однако вскоре мне пришлось понять, — и неожиданное прибытие мистера Артура Ранса сыграло в этом немалую роль, — что Ларсан на сей раз переменил тактику. Бандит не скрывался, а, напротив, показывался, по крайней мере некоторым из нас, с невероятной смелостью. Чего он мог опасаться в этой стране? Ни Дарзак, ни Матильда не выдали бы его, следовательно, и друзья их также! По-видимому, он имел целью разрушить счастье молодых супругов, которые решили, что навсегда избавились от него. Но тут возникал вопрос. Почему он избрал этот способ мести? Не проще ли ему было объявиться еще до свадьбы? Он сорвал бы ее! Да, но тогда ему пришлось бы показаться в Париже! Имели ли мы право полагать, что опасность, сопряженная с таким

появлением, могла остановить Ларсана? Кто решился бы утверждать это?

Но послушаем Артура Ранса, который присоединился к нам в купе. Он, разумеется, ничего не знал об истории в Бурге, о появлении Ларсана в поезде и сообщил нам ужасную новость. Если мы до сих пор могли сохранять хоть какую-нибудь надежду, что Ларсан отстал по дороге на Кюлоц, — теперь нам приходилось от нее отказаться. Артур Ранс, — и он также, — только что видел Ларсана! Он тотчас поехал нам навстречу, чтобы предупредить нас до нашего прибытия на место и тем самым дать нам возможность выработать план действий.

— Мы проводили вас на вокзал, — рассказывал Ранс Дарзаку. — После отправления поезда ваша супруга, профессор Станжерсон и я вышли с вокзала и прогулялись до бульвара. Станжерсон вел под руку госпожу Дарзак, а я шел справа от профессора. Вдруг, в тот момент, когда мы выходили из общественного сада и остановились, чтобы пропустить трамвай, я столкнулся с господином, который произнес: «Простите»! Я вздрогнул, услышав знакомый мне голос, и поднял глаза: то был Ларсан! Именно этот голос я слышал в зале суда! Он пристально посмотрел на нас непроницаемым взглядом. Я не знаю, как мне удалось удержать возглас, готовый сорваться с моих уст, и не назвать негодяя по имени! Как я не закричал: «Ларсан»? Я быстро увлек за собой профессора Станжерсона и его дочь, которые ничего не видели, заставил их обойти вокруг музыкального павильона и подвел к стоянке экипажей. На тротуаре перед ней я снова увидел Ларсана. Я не понимаю, как Станжерсон и госпожа Дарзак не заметили его!..

— Вы уверены в этом? — с беспокойством спросил Дарзак.

— Совершенно уверен!.. Я сослался на легкое головокружение, мы сели в карету, и я приказал кучеру трогать. Ларсан так и стоял на тротуаре, не спуская с нас ледяного взгляда, пока мы не отъехали.

— И вы уверены, что моя жена не видела его? — спросил, волнуясь все больше, Дарзак.

— О да, я уверен, говорю вам...

— Боже мой! — вмешался Рультабий. — Если вы думаете, Дарзак, что сможете долго вводить жену в заблуждение при новых появлениях Ларсана, вы сильно ошибаетесь.

— Однако, — возразил Дарзак, — мне почти удалось внушить Матильде, что это была галлюцинация, и по приезде в Гараван она казалась мне совсем спокойной.

— По прибытии в Гараван? — спросил Рультабий. — Вот, дорогой Дарзак, телеграмма, которую ваша жена послала мне из Гаравана. — И репортер передал ему телеграмму, в которой были только эти два слова: «На помощь!»

Эта новость стала настоящим ударом для несчастного Дарзака.

— Она снова потеряет рассудок! — промолвил он, скорбно покачав головой.

Именно этого мы все и боялись. Приехав, наконец, в Ментону, мы обнаружили на вокзале Станжерсона и госпожу Дарзак — они пришли встретить нас, несмотря на обещание, которое Артур Ранс взял с профессора, — не выходить из замка до его возвращения. Госпожа Дарзак встретила Рультабия со словами, которые лишь подтверждали наши опасения. Увидев молодого человека, она бросилась к нему и, как всем нам показалось, едва сдержалась, чтобы не заключить его в свои объятия. Я видел, что она хватается за него, как утопающий хватается

за руку, которая может вытащить его из бездны, и услышал ее шепот: «Я чувствую, что схожу с ума!» Что касается Рультабия, то я иногда видел его таким же бледным, но никогда еще — таким холодным и сдержанным.

Глава VI

ФОРТ ГЕРКУЛЕС

Сойдя на станции Гараван, путешественник — в какое бы время года он ни вздумал посетить эту волшебную страну, — может подумать, что попал в сады Гесперид*, золотые плоды которого привлекли взор Геркулеса. Я, вероятно, не стал бы упоминать о сыне Юпитера и Алкмены, если бы все здесь не наводило на мысли о его мифологической славе и сказочном путешествии на эти роскошные берега. Рассказывают, что финикийцы, перевозя своих пенатов** под сень скал, на которых потом поселились Гримальди***, дали маленькой бухте, горе, мысу и полуострову имя Геркулеса, которому они поклонялись, но мне думается, что это имя они уже встретили там; если боги, утомленные белой пылью дорог Эллады, действительно отправились на поиски чудесной страны, теплой и благоуханной, чтобы в ней отдохнуть от своих приключений, они не могли найти ничего прекраснее. Это были первые туристы Ривьеры. Сад Гесперид мог находиться только здесь, и Геркулес приготовил место для своих товарищей с Олимпа, освободив этот чудный уголок от стоглавого дракона.

Когда, выйдя с вокзала, мы молча дошли до берега, перед нашим взором предстал громадный силуэт

---

* Сады Гесперид — мифологические сады с золотыми яблоками, которые сторожил стоглавый дракон.

** Пенаты — домашние божества у римлян, охранявшие целость семьи.

*** Гримальди — с конца XIII в. правящая династия в княжестве Монако, старейшая среди владетельных домов Европы. Род Гримальди известен с XII в. и происходит из Генуи.

замка-форта на полуострове Геркулеса, который, увы, лет десять назад из-за работ, произведенных на границе, перестал быть собственно полуостровом. Под косыми лучами солнца стены старинной Квадратной башни сверкали на фоне морской воды, как золотая кольчуга. Башня, как древний часовой, помолодевший под солнечным светом, охраняла залив Гаравана, изогнутый в виде лазурного серпа. По мере того как мы продвигались вперед, блеск ее угасал — светило склонялось за гребень гор.

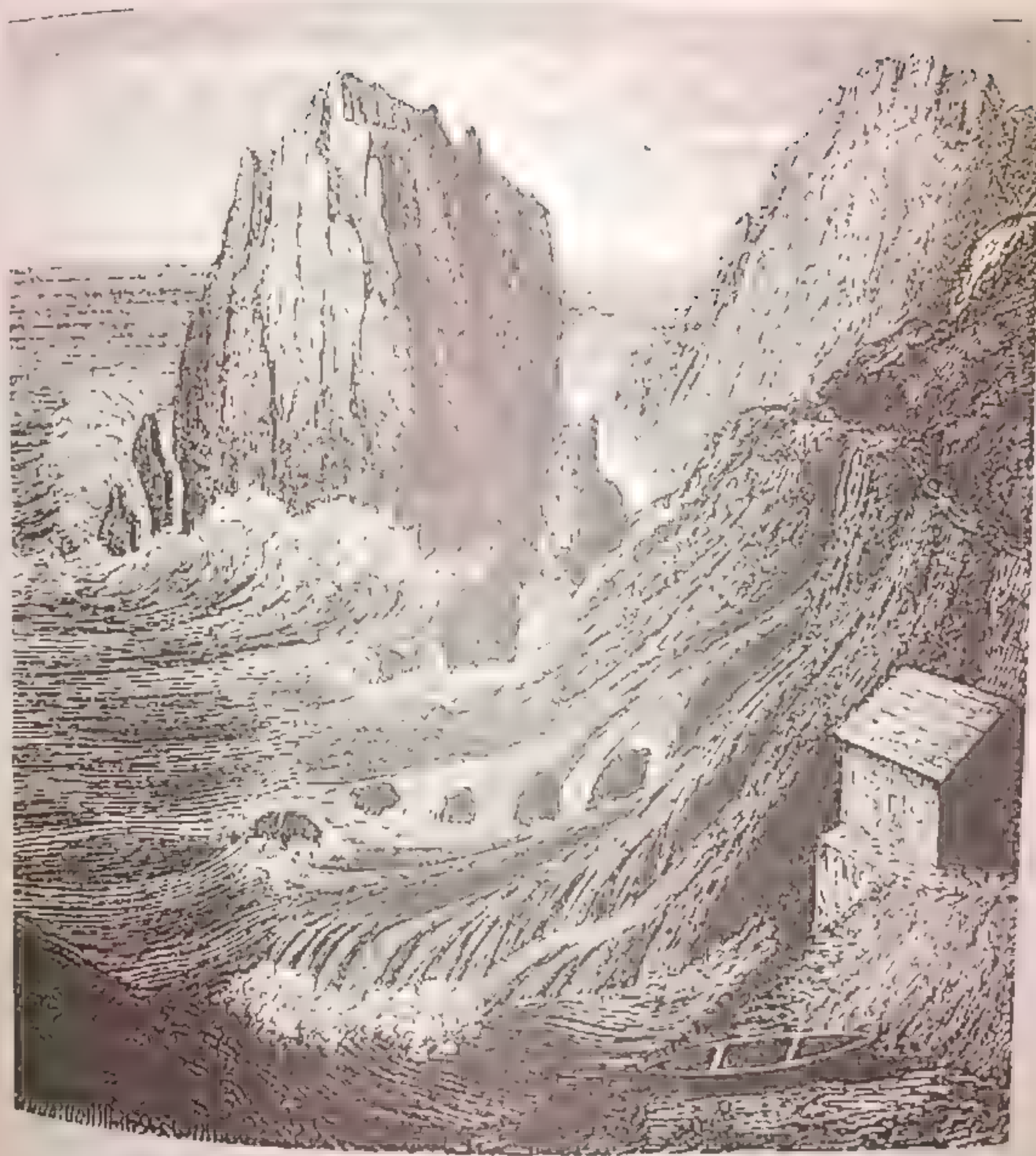
На западе выступы скал уже укутались своим пурпурным плащом, и замок вырисовывался на их фоне мрачной и грозной громадой, когда мы переступали его порог. На первых ступенях узкой лестницы, которая вела в одну из башен, стояла нежная и прелестная фигурка. Это была жена Артура Ранса, прекрасная Эдит. Ах, дорогая Эдит, когда хотят быть олицетворением романтичного образа в средневековой рамке, образа неведомой принцессы, далекой, милосердной и меланхоличной, нельзя обладать такими глазами! И волосы ваши чернее воронова крыла. Этот цвет — вовсе не ангельский. Ангел ли вы, Эдит? Естественна ли в вас эта ленивая медлительность движений? Не лгут ли эти нежные черты? Простите, что задаю все эти вопросы, Эдит, но, увидев вас впервые, очарованный гармонией вашего образа, словно застывшего на этом каменном пьедестале, я подметил и черный взгляд ваших глаз, обращенный на дочь профессора Станжерсона, подметил его жесткость, которая шла вразрез с дружеским тоном вашего голоса и приветливой улыбкой на устах.

Голос молодой женщины полон очарования, от всей ее фигуры веет безупречной грацией, жесты ее гармоничны. Артур Ранс представляет ей гостей, а она отвечает приветливо и гостеприимно.

Рультабий и я делаем вежливую попытку сохранить за собой свободу передвижений и высказываем желание поселиться где-нибудь в гостинице, вне замка. Эдит строит прелестную гримаску, по-детски пожимает плечами, объявляет, что наши комнаты готовы, и тут же заговаривает о другом:

— Идемте! Идемте же! Вы еще не видели замка!.. Вы сейчас увидите!.. О, Волчицу я покажу вам в другой раз... Это единственное здесь печальное место, зловещее, мрачное и холодное! Там страшно! Я обожаю страх!.. О! Рультабий, вы мне расскажете, не правда ли, парочку страшных историй?..

И она скользит в своем белом платье впереди нас. Она ходит, как актриса. Ее красота кажется своеобразной в этом восточном саду, между старинной и грозной башней и цветущими легкими арками разрушенной часовни. Обширный двор, который мы пересекаем, со всех сторон зарос растениями, травой, кактусами и алоэ, вишневником, лаврами, дикими розами и маргаритками, как будто вечная весна избрала своим местом пребывания именно этот двор, где в прежние времена собирались воины, отправляющиеся в поход. С помощью небесных ветров и человеческой небрежности двор сам собой превратился в сад, прекрасный, дикий сад, в котором совсем не заметно руки человека, стремящейся привести все в порядок и, если хотите, опошлить. За всей этой благоухающей зеленью виднелись руины древней архитектуры. Представьте себе готические арки, воздвигнутые на старинном фундаменте римской часовни, колонны, обвитые плющом и вербеной, которые устремляются из своего благоухающего укрытия и завершаются на фоне лазурного неба стрельчатой аркой, точно висящей в воздухе без всякой опоры. От часовни не осталось ни крыши, ни самих стен — только

этот кусочек каменного кружева, по каким-то чудесным законам равновесия держащийся в вечернем сумраке... А вот слева от нас — громадная массивная башня XII столетия, которую местные жители, как рассказала нам Эдит, называют Волчицей и которую не поколебало ничто — ни время, ни люди, ни мир, ни война, ни бури. Она все та же, какой была в 1107 году при сарацинах, овладевших островами Лерен и оказавшихся бессильными против форта Геркулеса; все та же, какой была при Саладжери и генуэзских корсарах, когда те овладели всем фортом, даже Квадратной башней и Старым замком, а она устояла, одинокая, так как ее защитники взорвали куртины*, соединявшие ее с другими частями форта, и продержались до прибытия провансальских принцев, освободивших ее. Ее-то и выбрала миссис Эдит для проживания. Но я прекращаю осматривать замок и начинаю наблюдать за людьми. Артур Ранс, например, не спускает глаз с госпожи Дарзак. Последняя общается с Рультабием. Дарзак и Станжерсон обмениваются какими-то замечаниями. В сущности, одна и та же мысль владеет всеми этими людьми. Мы подошли к потайному выходу из замка.

— Это место мы называем башней Садовника, — продолжала болтать с прежней детской непосредственностью Эдит. — Этот выход служит ключом ко всему замку, как к северной, так и к южной его части. Посмотрите!

Она обводит вокруг рукой, за которой тянется шарф, и со смехом продолжает:

— Все эти камни имеют свою историю. Я расскажу вам ее как-нибудь, если вы будете этого достойны!..

* Куртины — участок крепостной ограды обычно прямолинейного начертания, соединяющий обращенные друг к другу части двух соседних бастионов.

— Как Эдит весела, — шепчет Артур Ранс. — Я здесь не вижу ничего веселого!

Мы прошли через потайную дверь и очутились в другом дворе. Перед нами старая башня. У нее действительно внушительный вид. Она очень высокая и имеет квадратную форму, поэтому ее и называют Квадратной. Так как она в то же время занимает самый важный угол крепости, ее называют также Угловой башней... Стены у этого донжона* высокие и толстые. До половины высоты они сложены из камней, высеченных легионами Цезаря...

— А вон та башня, в противоположном углу, — продолжает Эдит, — это башня Карла Смелого, названная так в честь герцога, составившего превосходный план, когда нужно было переделать укрепления, чтобы они могли противостоять артиллерии... Старый Боб устроил себе из этой башни кабинет, что очень досадно, так как мы могли бы сделать там великолепную столовую... Но я никогда не могла в чем-либо отказать старому Бобу!.. Старый Боб — это мой дядя... он сам потребовал, чтобы я так его называла, когда я была еще совсем маленькой... Сейчас его здесь нет. Пять дней тому назад он уехал в Париж и вернется завтра. Он отправился туда, чтобы сравнить кости, найденные им в Красных Скалах, с теми, что находятся в парижском музее естественных наук... Ах! А вот и каменный мешок...

И она показывает нам обычный колодец посреди этого второго двора, который она из чистого романтизма называет каменным мешком. Эвкалипты наклоняются над ним, как женщина над источником.

После того как мы вошли во второй двор, мы стали лучше понимать — я по крайней мере, так

* Донжон — главная башня замка.

как Рультабий, равнодушный ко всему, по-видимому, ничего не слышал и не видел, — устройство форта Геркулеса. Так как это играет очень важную роль в описании тех невероятных происшествий, которые начались после нашего прибытия в Красные Скалы, я представляю здесь глазам читателя общий план форта в том виде, как он был составлен впоследствии самим Рультабием.

Замок был построен в 1140 году владетелями Мортолы. Чтобы отрезать его от суши, последние без лишних раздумий сделали остров из полуострова, перерезав узкий перешеек, соединявший его с берегом. На самом берегу они построили в форме полукруга укрепление, которое должно было прикрывать подъемный мост и две входные башни. От этого укрепления не осталось никаких следов. И перешеек с течением веков принял свою первоначальную форму: подъемный мост был уничтожен, и ров засыпан. Стены форта Геркулеса опоясывали полуостров, по форме представлявший собой неправильный шестиугольник. Стены эти нависали над скалами, местами выступавшими над водой, и последняя без устали подмывала их, так что образовала у их подножия впадины, куда в тихую погоду могла подойти маленькая лодочка.

Таким образом, попасть в форт можно было лишь через северные ворота, охраняемые двумя башнями, A и A_1, связанными общим сводом. Эти башни, сильно пострадавшие во время последних нападений генуэзцев, Ранс привел в сносное состояние, пригодное для жилья. В них помещалась прислуга. Низ башни A служил помещением для привратника. Небольшая дверь вела из башни A под свод ворот и позволяла сторожу, не выходя из своей комнаты, следить за проходящими. Тяжелые дубовые ворота,

окованные железом, стояли бесчисленное число лет открытыми, — настолько трудно было открывать и закрывать их, — и вход в замок защищался лишь небольшой решеткой, которую каждый входящий, кем бы он ни был, открывал сам. Проникнуть в замок можно было лишь через этот вход. Как я уже сказал, пройдя эти ворота, вошедший попадал на первый двор, закрытый со всех сторон оградой и башнями, или, вернее, развалинами башен. Ограда не сохранила своей первоначальной высоты. Прежние куртины, соединявшие башни, были уничтожены и заменены круговым валом, к которому из двора вел довольно пологий скат. Вал окаймлялся с наружной стороны парапетом с бойницами для небольших орудий. Это преобразование было произведено в XV столетии,

когда каждому владельцу замка приходилось принимать в расчет артиллерию.

Что касается башен B, B_I и B_{II}, которые долго еще сохраняли свое первоначальное устройство и высоту, то переделка их ограничилась снятием остроконечных крыш и устройством вместо них площадок, удобных для установки пушек, позднее их сравняли с уровнем парапета, сохранив лишь наружные стены, выступавшие в форме полумесяцев. Эта перестройка была произведена в XVII веке, во время сооружения Нового замка, до сих пор сохранившего это название, хотя он и был уже наполовину в развалинах. Новый замок отмечен на плане BB_I.

Засыпав спесивые башни землей, на образовавшихся площадках посадили пальмовые деревья, которые, однако, плохо прижились под ветром и брызгами морской воды. Нагнувшись над парапетом, опоясывавшим весь замок и нависавшим над скалой, образуя с ней одно целое, всякий мог убедиться, что замок остался таким же неприступным, как и в те времена, когда куртины стен достигали на две трети высоты старых башен. Волчицу пощадили, как я уже сказал. Старое помещение для челяди, прилегавшее к парапету между B и B_I, было отдано под конюшни и кухни.

Я описал всю переднюю часть замка Геркулеса. Во второй двор можно было попасть лишь через тайный проход H, который мистер Артур Ранс называл башней Садовника и который представлял собой в сущности флигель с толстыми стенами, находившийся прежде под защитой башни B_I, а также другой, расположенной в C и совершенно уничтоженной при постройке Нового замка CC_I. От B_{II} тянулась ограда со рвом, примыкавшая к башне Карла Смелого, выступая в C посреди первого двора в виде

контрфорса* и совершенно отделяя его от второго. Ров существовал до сих пор, по-прежнему широкий и глубокий, но ограда была уничтожена по всей длине Нового замка, ее вполне заменила стена замка. Центральная дверь в D, которой теперь не существует, выходила на мост, переброшенный через ров и служивший для непосредственного сообщения с первым двором. Этот подъемный мост был снят или обрушился, и, так как окна замка располагались высоко над рвом и сохранили свои толстые железные решетки, можно было с уверенностью сказать, что второй двор оставался таким же недоступным, как и в то время, когда Нового замка еще не существовало и двор отделялся высокой оградой.

Уровень этого второго двора, двора Карла Смелого, как его называли, был несколько выше уровня первого. Скала образовывала в этом месте естественный приподнятый пьедестал для величественной и мрачной громады Старого замка, совершенно квадратного, прямого, высеченного точно из одной гранитной глыбы, — Старого замка, отбрасывающего свою длинную тень на светлую поверхность воды. Доступ в Старый замок F был возможен через единственную дверь K. Старожилы этой местности называли его не иначе как Квадратной башней в отличие от Круглой башни Карла Смелого. Такой же, как и в первом дворе, парапет связывал между собою башни B_{II}, F и L, опоясывая со всех сторон второй двор.

Мы уже упоминали о том, что Круглая башня была срезана по высоте наполовину и переделана владетелем Мортолы по планам самого Карла Смелого.

* Контрфорс — каменная поперечная стенка, вертикальный выступ или ребро, усиливающее основную несущую конструкцию (в основном наружную стену) и воспринимающее горизонтальные усилия (например, распор от сводов, перекрывающих здание).

Эта башня имела пятнадцать туазов* в наружном диаметре; в ее основании находился орудийный каземат, пол которого был на один туаз ниже уровня скальной площадки. Спуск сюда шел по откосу, приводившему в восьмиугольную залу, своды которой опирались на четыре толстые цилиндрические колонны. В стенах этой комнаты были сделаны три громадные амбразуры для трех больших орудий. В этой-то восьмигранной зале Эдит и хотела устроить обширную столовую, так как, с одной стороны, зала всегда оставалась живительно прохладной благодаря невероятной толщине стен, а с другой стороны, свет совершенно свободно проникал в нее через три амбразуры, которые были увеличены и превращены в окна, заделанные, как и все остальные, железными решетками. На верхнюю площадку этой башни, в которой работал дядя Эдит, новая владелица замка приказала принести плодородной земли и, засадив ее растениями и цветами, превратила в чудесный висячий сад.

Во всем замке XVII столетия, называемом Новым, отремонтировали только две спальни и маленькую гостиную на первом этаже. Здесь должны были разместиться мы с Рультабием; что касается молодых супругов Дарзак, то им отвели помещение в Квадратной башне.

Две комнаты на нижнем этаже этой башни были заняты старым Бобом. Станжерсон поместился на первом этаже Волчицы под комнатами Ранса и его жены.

Эдит пожелала лично показать нам наши комнаты. Она провела нас через залы с осыпающимися потолками, с провалившимися полами, с источенными

* Туаз — французская единица длины, используемая до введения метрической системы; 1 туаз = 1,949 м.

плесенью стенами, но уцелевшие то здесь то там куски лепнины, трюмо, облупившееся панно, превращенная временем в лохмотья драпировка говорили о былой роскоши Нового замка, созданного в великий век фантазией Мортолы. Зато наши маленькие комнаты, которые разделяла гостиная, ничем не напоминали это великолепное прошлое. Они были чистые, без ковров, окрашенные в светлую краску и меблированные на современный лад. Они очень нам понравились.

Уже завязывая галстук, я окликнул Рультабийя, спрашивая его, готов ли он, но не получил ответа. Войдя к нему в комнату, я, к своему удивлению, обнаружил, что его уже нет. Я подошел к окну, которое так же, как и мое, выходило на двор Карла Смелого. Двор был пуст, занятый лишь громадным эвкалиптом. За парапетом аллеи раскинулось громадное, молчаливое пространство вод. Море с наступлением вечера приняло темно-синий оттенок, и ночные тени уже намечались на горизонте со стороны итальянского берега, надвигаясь с вершины Оспедалетти. Ни звука, ни дуновения ни на земле, ни в небесах. Мне никогда не приходилось наблюдать в природе такой тишины и неподвижности, иначе как в минуты, предшествующие страшной буре. Между тем ночь надвигалась ясная и тихая.

Но что это за тень мелькнула там? Откуда появилось это видение, скользившее по воде? На носу небольшой лодочки, которая двигалась под веслами рыбака, я узнал силуэт Ларсана! Кто мог бы обмануться? Ах, его нельзя было не узнать! Он с таким грозным вызовом обращал к нам свое лицо, что не мог бы заявить о себе лучше, даже если бы крикнул: «Это я!»

О да, это он! Он! Лодка с неподвижной статуей на носу безмолвно огибает замок. Она скользит теперь

под окнами Квадратной башни и затем поворачивает на мыс Гарибальди, к каменоломням в Красных Скалах. И человек стоит все так же, скрестив руки, повернув к башне голову, — дьявольское видение на грани ночи, которая коварно ползет за ним и окутывает его своим легким покрывалом, пряча от наших взглядов. Опустив глаза, я различаю во дворе Карла Смелого две тени: они стоят у маленькой двери в Квадратную башню. Одна из них, повыше, удерживает другую и умоляет. Меньшая хочет вырваться: кажется, будто она собирается броситься в море. Я слышу голос госпожи Дарзак:

— Берегитесь! Это не что иное, как ловушка!. Я запрещаю вам оставлять меня сегодня одну!..

И голос Рультабия:

— Ведь должен же он где-нибудь пристать к берегу. Пустите меня!

— Что вы будете делать? — с мольбой вопрошает Матильда.

— То, что следует.

И снова испуганный голос Матильды:

— Я запрещаю вам трогать этого человека!

Спустившись, я нашел Рультабия одного, он сидел на колодце. Я заговорил с ним, но он мне не ответил. Пройдя на другой двор, я встретил Дарзака, который еще издали взволнованно крикнул мне:

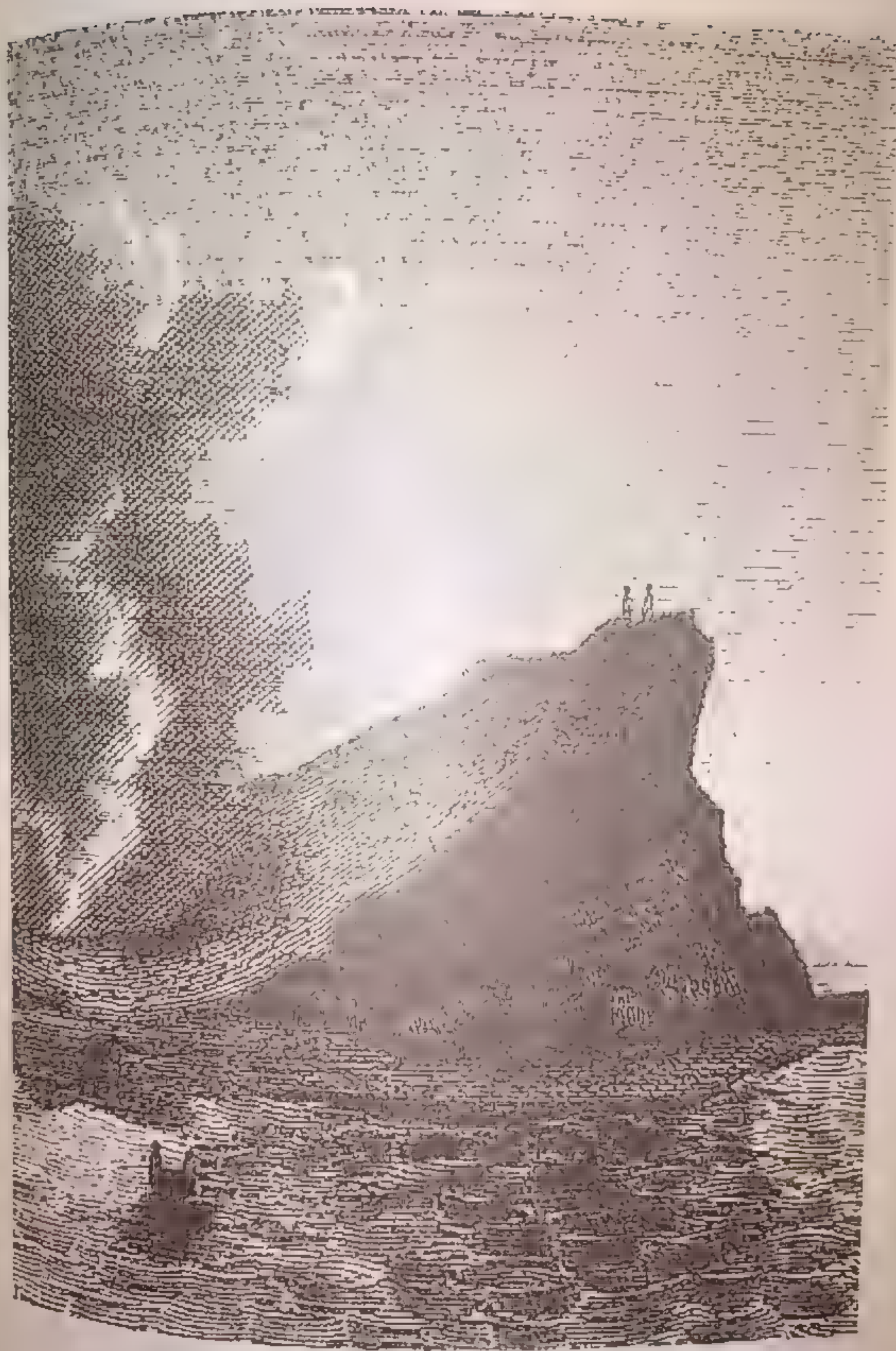
— Вы видели его?

— Да, я его видел, — ответил я.

— А она, не знаете, она видела?

— Видела. Она стояла с Рультабием, когда он проплывал мимо! Какая наглость!

Робер Дарзак весь дрожал. Он сообщил мне, что, едва заметив лодку, бросился, как безумный, к мысу Гарибальди, но опоздал, лодка исчезла как по волшебству. Дарзак тотчас оставил меня и побежал

искать Матильду, беспокоясь о том, какое впечатление произвело на нее появление Ларсана. Однако он вскоре вернулся опечаленный и подавленный. Дверь в ее комнату оказалась закрыта. Госпожа Дарзак хотела немного побыть одна.

— А Рультабий? — спросил я.

— Я его не видел.

Мы остались сидеть на парапете, вглядываясь в темноту, которая унесла Ларсана. Робер Дарзак был бесконечно грустен. Чтобы отвлечь его от тяжелых дум, я начал расспрашивать его о супругах Ранс, и он понемногу разговорился.

Таким образом, я узнал, что после версальского процесса Артур Ранс вернулся в Филадельфию, где в один прекрасный вечер очутился за столом на семейном банкете рядом с молоденькой романтичной барышней: она моментально покорила его своим незаурядным развитием, которое ему редко приходилось встречать в своих прекрасных соотечественницах. Немного бледная и высокомерная, нежная и меланхоличная, она напоминала прекрасных героинь Уолтера Скотта, который, между прочим, был ее любимым писателем. О, несомненно, она отстала от века, но отстала так восхитительно! Какими чарами эта нежная фигурка сумела заворожить Артура Ранса, который так сильно любил величественную Матильду? Это тайна сердец! Во всяком случае, почувствовав себя влюбленным, Артур Ранс напился в тот вечер самым безобразным образом. Вероятно, он позволил себе какую-нибудь выходку, намек, так как мисс Эдит внезапно и очень громко попросила его больше с ней не разговаривать. На следующий день Артур Ранс официально принес свои извинения мисс Эдит и поклялся, что ничего не будет пить, кроме воды; по-видимому, он сдержал свое слово.

Артур Ранс с давних пор знал дядю Эдит, этого славного старого Боба, как его прозвали в университете, большого чудака и исследователя, известного своими приключениями и открытиями в области геологии. Он был кроток, как ягненок, но не имел себе равных в охоте на тигров. Половину своей жизни он провел в Патагонии в поисках человека третичного периода или по крайней мере его скелета — человека, который был современником гигантских млекопитающих, заселявших нашу землю в третичную эпоху. Он возвращался обыкновенно из своих экспедиций с несколькими ящиками камней и солидным багажом берцовых и других костей, над которыми ученый мир ломал потом копья, но также и с богатой коллекцией «заячьих шкур», как он их называл, которые свидетельствовали, что старый ученый в очках еще не потерял способности владеть оружием, менее доисторическим, чем кремневый топор троглодита. Немедленно по возвращении в Филадельфию он вновь становился за кафедру, гнул спину над своими книгами и читал курс, развлекаясь тем, что забрасывал ближайших слушателей стружкой от длинных карандашей, которыми никогда не пользовался, но беспрестанно чинил. И когда он, наконец, попадал в цель, над кафедрой показывалась его славная седая голова, расплывшаяся под золотыми очками в беззвучной ликующей улыбке.

Все эти подробности сообщил мне впоследствии сам Артур Ранс, который был учеником старого Боба, но не видел его много лет перед тем, как познакомился с мисс Эдит. Если я так долго останавливаюсь здесь на них, то лишь потому, что, по естественному стечению обстоятельств, мы встретимся со старым Бобом в Красных Скалах.

Во время знаменитого вечера, на котором Артур Ранс был представлен мисс Эдит и на котором он вел себя так непозволительно, она казалась печальной, быть может, лишь потому, что получила от своего дяди довольно грустные известия. Старый Боб уже четыре года не мог решиться покинуть свою Патагонию. В последнем письме он сообщал Эдит о тяжелой болезни и отчаянии, которое охватывало его при мысли, что он не увидит племянницу перед смертью. Быть может, многим покажется странным, как могла племянница с таким нежным сердцем появиться на банкете, хотя и семейном, но мисс Эдит за время странствий своего дяди часто получала от него печальные известия, после которых он всегда появлялся целым и невредимым, поэтому никто не упрекнет ее в том, что печаль не удержала ее дома. Однако спустя три месяца после нового письма она решила ехать одна к дяде, находившемуся в дебрях Араукании. За эти три месяца произошло несколько достопамятных событий. Мисс Эдит была тронута раскаянием Артура Ранса и его непоколебимым решением не пить ничего, кроме воды. Она узнала, что невоздержанные привычки этого джентльмена явились следствием несчастной любви, и это обстоятельство понравилось ей больше всего. Ее романтическая натура, о которой я только что говорил, увлекла Артура Ранса, и ко времени отъезда мисс Эдит в Арауканию никто не удивился, что ее сопровождал бывший ученик ее дяди Боба. Для обручения недоставало лишь благословения геолога. Мисс Эдит и Артур Ранс нашли очаровательного дядюшку в Сан-Луисе. Он оказался в прекрасном настроении и добром здравии. Ранс, не видевший его очень давно, очень ловко польстил старику, заметив, что тот помолодел. Когда же племянница сообщила ему

что обручилась с этим милым молодым человеком, радости дяди не было границ. Все трое вернулись в Филадельфию, где и отпраздновали свадьбу. Мисс Эдит не бывала во Франции. Артур Ранс решил совершить туда свадебное путешествие. Таким-то образом, как я скоро расскажу, они нашли научный повод поселиться в окрестностях Ментоны, хоть и не в самой Франции, но в ста метрах от ее границы, в Красных Скалах.

Раздался звук колокола, и Артур Ранс пришел звать нас к обеду, который был сервирован в нижней зале Волчицы. Когда мы все собрались, Эдит спросила, заметил ли кто-нибудь из нас лодку, которая обошла замок вокруг и в которой стоял какой-то человек. Ее поразила необыкновенно вызывающая поза этого человека. Никто ей не ответил, и она продолжала:

— О, я выясню, кто это, так как мне знаком рыбак, которому принадлежит лодка. Это большой приятель старого Боба.

— В самом деле? — спросил Рультабий. — Вы знаете этого рыбака?

— Он заходит иногда в замок продавать рыбу. Местные жители дали ему странное прозвище, которого я не сумею передать на их жутком диалекте, но мне его перевели. Оно значит «морской палач»! Милое прозвище, не правда ли?

Глава VII

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЯХ, ПРИНЯТЫХ РУЛЬТАБИЕМ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ФОРТА ГЕРКУЛЕС ОТ ВРАГА

Рультабий из деликатности даже не удосужился спросить, с чем связано это удивительное прозвище. Он, по-видимому, был погружен в самые мрачные размышления.

Странный обед! Странный замок! Странные люди! За столом присутствовали две новобрачных пары – четверо влюбленных, которые должны были всем своим видом излучать радость! Но обед прошел очень грустно. Призрак Ларсана витал над присутствующими, даже над теми из нас, которые и не предполагали его близости.

Нужно сказать, что профессор Станжерсон не мог отделаться от этого призрака после того, как узнал жестокую и тяжелую правду о своей дочери. Мне думается, я не преувеличу, сказав, что первой и самой несчастной жертвой драмы в Гландье был профессор Станжерсон. Он потерял все: веру в науку, любовь к труду, и — самое ужасное — благоговение перед дочерью. Он так верил в нее! Она была для него предметом непрестанной гордости! Он в течение стольких лет приобщал ее, непорочную деву, к своим поискам неведомого! Его усыпила ее непреклонная решимость не отдавать своей красоты никому, кто мог бы отдалить ее от отца или науки. И, в то время как он в экстазе упивался этой жертвой, выяснилось, что если его дочь и отказывается выйти замуж, то лишь

потому, что уже стала женой гнусного Боллмейера! В тот день, когда Матильда, припав к ногам отца, осмелилась во всем ему признаться и поведать о своем прошлом, которое должно было в глазах профессора, уже насторожившегося после драмы в Гландье, осветить настоящее трагическим светом, — в тот день он принял дочь в дрожащие объятия. Он запечатлел поцелуй прощения на ее обожаемой головке, он смешал свои слезы с рыданиями той, которая потерей рассудка искупила свою вину, и поклялся, что никогда еще она не была так дорога ему, как теперь, когда он узнал, сколько она выстрадала. Она ушла от него немного утешенная. Но он — он стал другим человеком... одиноким человеком... совершенно одиноким! Профессор Станжерсон потерял свою дочь, свой идеал!

Он с безразличием отнесся к ее свадьбе с Робером Дарзаком, несмотря на то что тот был его любимым учеником. Тщетно пыталась Матильда согреть отцовское сердце нежностью. Она сознавала, что он больше не принадлежит ей, что взор его отворачивается от нее, что его глаза устремлены в прошлое, что если они и обращены к ней, к жене Дарзака, то видят рядом с ней не уважаемый облик честного человека, но вечно живой, позорный силуэт другого — того, кто был ее первым мужем, кто украл у него дочь!.. Профессор перестал работать. Великой тайне распада материи, которую он дал обет подарить людям, суждено было вернуться в небытие, откуда он извлек ее, и людям придется повторять долгие годы: «Ex nihilo nihil fit»*.

Обед казался еще мрачнее оттого, что был сервирован в темном зале, освещенном готической лампой

* Из ничего ничто не происходит (*лат.*).

и старинными железными канделябрами, среди крепостных стен, завешанных восточными коврами и уставленных старыми шкафами времен первого вторжения сарацинов и креслами на манер короля Дагобера*.

Я стал наблюдать за присутствующими, стараясь уяснить себе частные причины общей грусти. Матильда и Робер Дарзак сидели рядом. Хозяйка, очевидно, не хотела разлучать супругов, соединившихся лишь за день до этого. Я должен сказать, что из них более подавленным и печальным казался наш друг Робер. Он не произносил ни единого слова. Госпожа Дарзак еще принимала некоторое участие в разговоре, обмениваясь банальными фразами с Артуром Рансом. По этому поводу я должен прибавить, что после сцены между Рультабием и Матильдой, которую я наблюдал из окна, я ожидал видеть ее убитой, раздавленной этим грозным видением Ларсана, вынырнувшего из волн. Но нет, я наблюдал заметную разницу между ее растерянным видом на вокзале и нынешним хладнокровным состоянием. Можно было предположить, что после появления Ларсана ей, наоборот, стало легче.

Когда вечером я поделился своим соображением с Рультабием, молодой репортер согласился со мной и объяснил мне все очень просто: Матильда больше всего опасалась вновь потерять рассудок, и, осознав, что Ларсан не был плодом ее воспаленного воображения, она, несомненно, немного успокоилась. В любом случае Матильда предпочитала бороться с живым Ларсаном, нежели с его призраком! Во время первого ее разговора с Рультабием, пока я занимался своим

* Дагобер I — французский король из династии Меровингов (629–639).

туалетом, моему молодому другу показалось, что она совершенно подавлена мыслью о собственном безумии. Передавая мне этот разговор, Рультабий признался, что смог утешить ее, опираясь, однако, на соображения совершенно противоположные доводам Робера Дарзака, то есть прямо заявляя, что глаза ее не обманули и она действительно видела Фредерика Ларсана! Когда Матильда узнала, что Робер Дарзак скрывал от нее истину, боясь испугать ее, и что он первый вызвал Рультабия телеграммой, она испустила вздох, готовый перейти в рыдание. Она схватила руки Рультабия и вдруг стала покрывать их поцелуями, как это делает мать в порыве любви к своему ребенку. Очевидно, она бессознательно благодарила молодого человека, к которому ее неудержимо влекли таинственные силы материнского чувства, — благодарила за то, что он одним словом отогнал от нее нависшее над ней безумие. В этот момент они и увидели из окна башни Фредерика Ларсана, стоявшего в лодке во весь рост. Сначала они смотрели на него молча, застыв от изумления. Затем крик ярости вырвался из исстрадавшейся груди Рультабия, и он хотел тотчас броситься в погоню за негодяем! Мы уже рассказали о том, как Матильда удержала его...

Теперь она видела Ларсана не повсюду, а лишь там, где он на самом деле был. Бесспорно, это было ужасно, но не так ужасно, как могло быть обострившееся безумие!..

Нервная и терпеливая одновременно, Матильда окружила Робера Дарзака самой трогательной, самой нежной заботой. Она подавала ему то одно, то другое с обворожительной и серьезной улыбкой и следила за тем, чтобы слишком яркий свет не резал ему глаза. Робер благодарил ее, но, я должен сознаться, у него был совершенно убитый вид. И мне невольно

пришло на ум следующее: Ларсан появился как раз вовремя, чтобы напомнить госпоже Дарзак, что, прежде чем принять это имя, она была госпожой Жан Руссель — Боллмейер — Ларсан перед Богом и даже, с точки зрения известных заатлантических законов, перед людьми.

Если своим появлением Ларсан задумал нанести страшный удар молодому, только зародившемуся счастью, он вполне достиг своей цели!.. И, вероятно, мне следует особенно выделить, к чести Матильды, тот факт, что не только смятение заставило ее дать понять Дарзаку в первый же вечер, когда они остались одни в отведенном им помещении в Квадратной башне, что это помещение достаточно вместительно для того, чтобы каждый из них мог расположиться там отдельно. На этот шаг она пошла также из чувства долга, внутреннего долга перед своей совестью, которое и продиктовало ей это благородное решение. Я уже говорил, что Матильда Станжерсон была воспитана очень набожно — не своим отцом, который относился довольно равнодушно к религии, а женщинами и, главным образом, старой теткой в Цинциннати. Наука, которой Матильда впоследствии занялась с отцом, не поколебала ее веры, и профессор остерегся влиять в этом смысле на дочь. Последняя осталась привержена своей вере, подобно Пастеру и Ньютону, даже когда ее отец разрабатывал теорию, связанную с распадом материи. Если и будет доказано, говорила она, что мир образовался из ничего, то есть из невесомого эфира, и вечно возвращается в это ничто, постоянно вновь из него возрождаясь благодаря системе, близкой атомистическому представлению древних, то все же остается еще доказать, что это ничто — первопричина всего — не создано Богом. И, как для доброй католички, для нее этот

Бог был единственным Богом, чьим представителем на земле служил папа. Я, быть может, обошел бы молчанием религиозные убеждения Матильды, если бы они не оказали влияния на ее решение не оставаться наедине со своим мужем перед лицом людей, после того как ей стало известно, что муж ее перед лицом Бога еще жив. Поверив в несомненную для нее смерть Ларсана, она пошла под венец, как вдова, с благословения духовника. И вот она уже не вдова, а двумужница перед Богом! В конце концов, эта катастрофа не была непоправимой, и в грустных глазах Дарзака светилась надежда: папская курия, на рассмотрение которой нужно было представить эту дилемму, вполне могла принять решение в их пользу. Короче говоря, на основании всего вышесказанного Матильда и Робер Дарзак через сорок восемь часов после венчания в церкви Сен-Николя-дю-Шардонне занимали отдельные комнаты в Квадратной башне. Читатель поймет, что именно этим объяснялись глубокая меланхолия Робера Дарзака и трогательная заботливость Матильды.

В тот вечер я еще не был посвящен во все эти подробности, но в целом верно определял положение вещей. Я перевел взгляд на соседа Матильды, мистера Артура Ранса, и готов был уже занять мысли этим новым объектом для наблюдения, как дворецкий доложил, что привратник Бернье попросил разрешения переговорить с Рультабием. Последний тотчас встал, извинился и вышел.

— Как! — удивился я. — Разве Бернье не остались служить в Гландье?

Супруги Бернье были привратниками у профессора Станжерсона в Сент-Женевьев-де-Буа. В «Тайне Желтой комнаты» я рассказал, каким образом Рультабий снял с них обвинение, когда

их заподозрили как соучастников нападения в павильоне, находившемся в дубовой роще. Разумеется, их признательность по отношению к юному репортеру не знала границ, и Рультабий мог быть уверен в их преданности. Станжерсон объяснил мне, что все его слуги ушли из Гландье, которое он покинул навсегда. Так как Рансу был нужен привратник для форта Геркулес, профессор был счастлив уступить ему этих верных людей, на которых ему никогда не приходилось жаловаться, если не считать небольшой эпизод с браконьерством, который едва не окончился для них так печально. В настоящее время они жили в одной из башен у главных ворот, откуда и следили за всеми, кто входил или выходил из форта Геркулес.

Рультабий, по-видимому, ничуть не удивился, когда дворецкий доложил ему, что Бернье зовет его на пару слов. Следовательно, подумал я, он уже знал об их присутствии в замке. В общем, я убедился, что Рультабий не без пользы провел то время, которое я потратил на свой туалет и бесполезную болтовню с Дарзаком, думая, что репортер у себя в комнате.

Уход Рультабия обеспокоил всех. Каждый спрашивал себя, не имеет ли он отношение к какому-нибудь непредвиденному происшествию, связанному с появлением Ларсана. Госпожа Дарзак заволновалась. Заметив это, мистер Артур Ранс счел нужным также выразить беспокойство. Здесь будет уместно сказать, что Артур Ранс и его жена не были посвящены во все несчастья дочери профессора Станжерсона. С общего согласия их не стали посвящать в тайный брак Матильды с Жаном Русселем, который впоследствии взял имя Ларсан. Это была семейная тайна. Но хозяева лучше кого бы то ни было знали (Артур Ранс — потому что был замешан в драме, а жена

его — по рассказам мужа), с каким ожесточением печально известный сыщик Ларсан преследовал ту, которая должна была стать госпожой Дарзак.

Артур Ранс, естественно, объяснял себе выходки Ларсана безумной страстью: не нужно удивляться, что человек, так долго влюбленный в Матильду, не искал другого объяснения поведению Ларсана, уверенный в его отчаянной и безнадежной любви. Что касается Эдит, — я вскоре прекрасно стал отдавать себе в этом отчет, — то ей причины драмы в Гландье представлялись далеко не такими очевидными, как ее мужу. Чтобы разделять его мнение, ей недоставало того энтузиазма по отношению к Матильде, который проявлял Артур Ранс: напротив, в поведении Эдит будто все время сквозила мысль: «Да чем же, в конце концов, обладает эта женщина? Почему в течение столь долгих лет она внушает мужским сердцам столь высокие или столь преступные чувства?.. Ради этой женщины агент полиции убивает, уравновешенный человек теряет рассудок, а невинный позволяет осудить себя! Чем она превосходит меня, вышедшую замуж за человека, который никогда не стал бы моим, если бы она его не оттолкнула? Да, что в ней такого? Она ведь уже не молода!.. А между тем мой муж глаз с нее не сводит!» Вот что я читал в глазах госпожи Эдит, наблюдавшей за тем, как ее муж внимателен к Матильде. Ах, эти черные глаза нежной и томной Эдит!

Я рад, что представил наконец своих героев читателю. Очень важно, чтобы он знал, какие чувства владеют их сердцами, ведь всем им придется сыграть свою роль в необыкновенной драме, назревающей во мраке, который окутывает форт Геркулес. Впрочем, я еще ничего не сказал о старом Бобе и князе Галиче, но не сомневайтесь — придет и их черед. Дело

в том, что я принял за правило при описании столь сложного и важного происшествия описывать предметы и людей лишь по мере их появления в ходе событий. Таким образом, читатель испытает все терзания, которые пережили мы, переходя от беспокойства к спокойствию, от тайны к ясности, от непонимания к очевидности. Тем лучше, если в уме читателя блеснет луч разгадки раньше, чем он блеснул для меня. Так как в его распоряжении будет ни больше ни меньше сведений, чем было у нас, он может гордиться умом, достойным самого Рультабия.

Обед подошел к концу, а наш юный друг так и не вернулся. Мы встали из-за стола, не поделившись друг с другом своими сокровенными мыслями, которые были очень тревожны. Матильда, выйдя из Волчицы, тотчас отправилась в моем сопровождении на поиски Рультабия. Дарзак и Эдит последовали за нами. Станжерсон же попрощался и ушел к себе. Артур Ранс, исчезнувший на несколько минут, догнал нас, когда мы вступали под своды главных ворот. Ночь была светлая. Несмотря на это, фонари горели под сводами ворот, содрогавшихся под тяжелыми и глухими ударами. Мы услышали голос Рультабия, ободрявшего тех, кто был с ним. «Ну, еще раз! Нужно приналечь!» — командовал он, и за его словами слышалось учащенное дыхание людей, напрягавших все свои силы. Наконец, страшный грохот наполнил собой своды — в первый раз за сто лет соединились две створки громадных ворот.

Госпожа Эдит была очень удивлена этим распоряжением Рультабия и спросила, куда делась решетка, заменявшая до сих пор ворота. Но Артур Ранс схватил ее за руку, и она поняла, что ей лучше замолчать, однако не преминула пробормотать: «Право, можно подумать, будто нам предстоит выдержать

осаду». Но Рультабий уже увлек нас всех во двор и со смехом объявил, что всякий, кто пожелает сегодня прогуляться по городу, должен будет отказаться от этого намерения, так как он уже отдал необходимые распоряжения и никто не может больше ни войти, ни выйти из замка. Папаша Жак, прибавил он все в том же шутливом тоне, получил в этом смысле самые строгие указания, а каждый знал, что подкупить этого старого слугу невозможно. Таким образом, я узнал, что папаша Жак, которого я знал еще в Гландье, последовал за профессором Станжерсоном в качестве его лакея. Накануне он спал в небольшой комнате Волчицы рядом со спальней своего господина, но Рультабий все поменял, и папаша Жак занял место привратника у башни А.

— А где же тогда Бернье? — осведомилась Эдит.

— Они уже устроены в Квадратной башне, в первой комнате с левой стороны; они заменят там привратника, — ответил Рультабий.

— Но в Квадратной башне не нужны привратники! — вскрикнула Эдит, изумлению которой не было предела.

— Кто знает... — возразил без дальнейших объяснений репортер.

Однако он отвел Артура Ранса в сторону и дал ему понять, что необходимо поставить его жену в известность относительно появления Ларсана. Сей факт желательно было скрыть от профессора Станжерсона, а это не представлялось возможным без осознанной поддержки Эдит. Наконец, нужно, чтобы каждый в форте Геркулес был готов ко всему — иначе говоря, ничему бы не удивлялся.

Затем он подвел нас через первый двор к воротам в башне Садовника. Я уже говорил, что эти ворота вели во второй двор, однако ров в этом месте уже

давно был засыпан землей, и подъемный мост уничтожен. Ко всеобщему изумлению, Рультабий объявил, что прикажет завтра вновь вырыть ров и перекинуть через него подъемный мост.

В то же время он отдал распоряжения слугам замка загородить этот выход досками и старыми сундуками, найденными в башне Садовника. Забаррикадировавшись таким образом, Рультабий уже свободно и громко шутил над этим; Эдит, которую Артур посвятил в суть дела, не говорила больше ничего, втихомолку забавляясь странными гостями, которые превращали ее старинный замок в неприступную крепость из страха перед приближением одного лишь человека!.. Но Эдит не знала этого человека и не пережила тех ужасов, что выпали в недавнем прошлом на долю новоиспеченной госпожи Дарзак в поместье Гландье. Что касается остальных, — и Артур Ранс был в их числе, — они находили вполне естественным и благоразумным, что Рультабий пытался оградить их от чего-то неведомого, невидимого и непонятного, что бродило среди ночи вокруг форта Геркулес!

У ворот башни Садовника Рультабий решил остаться на ночь сам. Отсюда он мог наблюдать и за первым, и за вторым двором. Здесь был важнейший стратегический пункт. Для того чтобы добраться до Дарзаков, нужно было миновать в А папашу Жака, в Н — Рультабия и в К — супругов Бернье, охранявших дверь в Квадратную башню.

Молодой репортер решил, что никто из тех, кого он назначил часовыми, не должен ложиться спать. Когда мы проходили мимо колодца во дворе Карла Смелого, я заметил, что доски, покрывавшие его, были сдвинуты, а на краю стоит ведро с привязанной к нему веревкой. Чтобы узнать, не сообщается ли этот старый колодец с морем, Рультабий зачерпнул

из него воды, которая оказалась очень мягкой на вкус — это говорило о том, что она не смешивалась с соленой морской водой.

Госпожа Дарзак прошла вместе с Рультабием несколько шагов, а затем быстро попрощалась с нами и направилась в Квадратную башню. Робер Дарзак по просьбе репортера остался с нами, так же как и Артур Ранс. Последний принес извинения Эдит, дав ей понять, что она должна пойти спать. Та послушалась, напоследок с иронией пожелав спокойной ночи «господину коменданту».

Когда мы остались одни, без дам, Рультабий увлек нас в маленькую, темную и низкую комнатку в Садовой башне, откуда мы могли видеть все, оставаясь сами незамеченными. Здесь Артур Ранс, Робер Дарзак, Рультабий и я в темноте, не зажигая даже фонаря, держали свой первый военный совет. Я не знаю, как иначе назвать это сборище растерянных людей, которые прятались за каменными стенами старого замка, повидавшими столько кровавых битв.

— Здесь мы можем говорить спокойно, — начал Рультабий, — никто нас не услышит, и никто не застанет врасплох. Если кому-нибудь и удастся проникнуть через первые ворота незаметно для папаши Жака, мы сейчас же будем предупреждены об этом с аванпоста, который я установил в центре первого двора за развалинами часовни. Да, я поместил там вашего садовника Маттони, дорогой Ранс. Судя по тому, что мне о нем сказали, на него можно положиться. Что вы думаете на этот счет?

Я с восхищением слушал Рультабия. Эдит была права. Он действительно был нашим комендантом и уже принимал все меры для того, чтобы обеспечить защиту крепости. О да, он был намерен удержать ее любой ценой; он предпочел бы взлететь

с нами на воздух, нежели капитулировать. Сколько нужно было иметь смелости, чтобы решиться защищать форт Геркулес от Ларсана! Больше смелости, чем для защиты его от тысячи осаждающих, как это когда-то случилось с одним из графов Мортола, которому для освобождения крепости от осады нужно было лишь пустить в ход большие орудия, а затем расстреливать пришедшего в смятение врага огнем артиллерии, считавшейся в ту эпоху одной из самых совершенных. Но теперь с кем нам предстояло сражаться? С темной ночью! Где был враг? Везде и нигде! Мы не могли ни держать его на прицеле, ни перейти в наступление. Нам оставалось только запереться и ждать!

Мистер Артур Ранс заверил Рультабия, что отвечает за садовника Маттони, и наш молодой друг, уверенный отныне в прочном прикрытии с этой стороны, воспользовался появившимся свободным временем, чтобы объяснить нам положение вещей. Он закурил трубку, торопливо затянулся три или четыре раза и сказал:

— Так вот! Можем ли мы надеяться, что Ларсан, который так дерзко появился под нашими стенами, как бы бравируя и выказывая нам свое презрение, удовольствуется этой платонической манифестацией? Удовольствуется ли он моральным успехом — тем, что внес в наши души смятение, ужас и отчаяние? Исчезнет ли он? Откровенно говоря, я так не думаю. Во-первых, потому что это не в характере Ларсана — ему борьба необходима по натуре, и он не удовольствуется полууспехом, — во-вторых, потому что ничто не вынуждает его исчезнуть! Подумайте сами, ведь мы бессильны против него, мы можем лишь защищаться и только тогда нанести удар, когда он сам того пожелает! Нам неоткуда ждать

помощи извне. И он прекрасно это понимает, потому он так смел и спокоен! Кого мы можем позвать на помощь?

— Прокурора, — сказал не совсем уверенно Артур Ранс, прекрасно понимавший, что если Рультабий еще не упомянул о столь очевидном средстве, то на это у него были свои причины.

Рультабий посмотрел на своего собеседника с сожалением, не лишенным упрека, и ответил ледяным тоном, окончательно убедившим Артура Ранса в неуместности его предложения.

— Вы должны понимать, любезный друг, что я не для того спас в Версале Ларсана от французского правосудия, чтобы в Красных Скалах предать его в руки правосудия итальянского.

Мистер Артур Ранс, который, как я уже говорил, не знал о первом браке дочери профессора Станжерсона, не понимал, что мы не можем донести властям о появлении Ларсана, ведь это, в особенности после венчания в церкви Сен-Николя-дю-Шардонне, вызвало бы громкий скандал и ужасную катастрофу. Но после версальского процесса Артур по крайней мере осознавал, что больше всего мы боялись вновь заинтересовать публику, напомнив ей о так называемой «тайне мадемуазель Станжерсон».

В тот вечер он лучше чем когда-либо понял, что Ларсан держит нас в своих руках посредством одной из тех ужасных тайн, от которых зависит честь и жизнь людей.

Артур поклонился Роберу Дарзаку, не говоря больше ни слова; этим поклоном он хотел показать, что готов бороться за дело Матильды, как благородный рыцарь, мало считающийся с причинами битвы, раз он идет на смерть за даму сердца. По крайней мере, я так понял его жест, уверенный, что американец

несмотря на свою недавнюю женитьбу, отнюдь не излечился от прежней страсти.

— Нужно во что бы то ни стало отделаться от этого человека, — решительно заявил Дарзак, — заключив с ним мирный договор или убив его! Но прежде всего мы должны сохранять в тайне его появление. В особенности прошу вас от имени моей жены и от себя сделать все возможное, чтобы профессор Станжерсон не узнал, что этот бандит по-прежнему угрожает нам!

— Желание госпожи Дарзак — закон для всех нас, — ответил Рультабий. — Станжерсон ничего не узнает!..

Затем мы перешли к вопросу о размещении слуг и к тому, чего можно было ожидать от каждого из них. К счастью, папаша Жак и Бернье были наполовину посвящены в положение вещей и ничему бы не удивились. Маттони был достаточно предан госпоже Эдит, чтобы повиноваться без рассуждений. Остальные не шли в счет. Правда, оставался еще Уолтер, лакей старого Боба, но он уехал со своим господином в Париж и должен был вернуться вместе с ним только завтра.

Рультабий, поднявшись, обменялся через окно знаком с Бернье, который стоял у входа в Квадратную башню, и затем снова занял место среди нас.

— Ларсан должен быть недалеко, — сказал он. — Во время обеда я произвел маленькую рекогносцировку. За северными воротами мы располагаем прекрасной естественной защитой, заменяющей старинное передовое укрепление замка. В каких-нибудь пятидесяти шагах с западной стороны расположены два пограничных поста французской и итальянской таможни, непрестанная бдительность которых является для нас существенным подспорьем. Бернье в наилучших отношениях с этим славными ребятами, и мы ходили переговорить

с ними. Итальянский таможенник говорит только по-итальянски, но француз понимает оба языка, скорее, впрочем, местный жаргон, и этот-то пограничник (Мишель, как отрекомендовал его Бернье) послужил нам переводчиком. С его помощью мы узнали, что оба наши пограничника заинтересовались необычайными маневрами вокруг форта Геркулес маленькой лодочки Туллио, прозванного Морским Палачом. Старик Туллио — давнишний знакомый наших пограничников, это один из самых ловких контрабандистов в здешних местах. В тот вечер он вез в своей лодке человека, которого наши таможенники никогда раньше не видели. Лодка с Туллио и незнакомцем поплыла к мысу Гарибальди. Я сходил туда вместе с Бернье, и мы так же, как и Дарзак, который побывал там раньше, ничего не заметили. Однако Ларсан должен был высадиться на берег — у меня было какое-то предчувствие. Во всяком случае я убежден, что лодка Туллио пристала к берегу возле мыса Гарибальди...

— Вы убеждены в этом? — вскрикнул Дарзак.

— Но почему? — прибавил я.

— Потому что, — ответил Рультабий, — она оставила след на прибрежном песке, и, кроме того, Туллио забыл там жаровню, что топится сосновыми шишками; я нашел ее на берегу, пограничники признали ее как собственность рыбака — тот использовал ее вместо фонаря, когда ночью ловил осьминогов.

— Ларсан, несомненно, высадился, — воскликнул Дарзак. — Он где-нибудь в Красных Скалах!

— В любом случае, если лодка оставила его в Красных Скалах, он не возвращался оттуда, — продолжал Рультабий. — Оба пограничных поста расположены на узкой дороге, ведущей с Красных Скал во Францию, таким образом, что никто ни днем

ни ночью не может незаметно пройти по ней. С другой стороны тропинка обрывается перед отвесной скалой, приблизительно в трехстах метрах от границы, продолжаясь затем между Красными Скалами и морем. Утесы совершенно неприступны и образуют обрыв около шестидесяти метров высотой.

— Он не мог вскарабкаться по обрыву! — проговорил Артур Ранс, не проронивший до сих пор ни одного слова.

— Вероятно, спрятался в какой-нибудь пещере, — заметил Дарзак. — В утесах немало глубоких ущелий.

— Я уже думал об этом! — возразил Рультабий. — Отослав Бернье, я вернулся один в Красные Скалы.

— Вы поступили неосторожно, — заметил я.

— Я поступил так из осторожности, — поправил меня Рультабий. — У меня было о чем поговорить с Ларсаном с глазу на глаз. Одним словом, я вернулся в Красные Скалы; перед пещерами я звал Ларсана.

— Вы звали его! — воскликнул Артур Ранс.

— Да, я звал его в тишине спускавшейся ночи, я махал белым платком, как делают парламентеры. Может быть, он меня не слышал; может быть, он не видел моего флага, но он не отозвался.

— Может быть, его уже там не было, — осмелился я вставить слово.

— Я не знаю!.. Но я слышал шум в одной из пещер!..

— И вы не вошли в нее? — порывисто спросил Артур Ранс.

— Нет, — просто ответил Рультабий. — Но вы понимаете, это не потому, что я боюсь его...

— Не будем останавливаться на этом! — воскликнули мы единодушно, движимые одним и тем же чувством. — Надо раз и навсегда покончить с ним!

— Я думаю, — сказал Артур Ранс, — что у нас никогда не было более удобного случая схватить Ларсана. В Красных Скалах мы сделаем с ним что захотим!

Дарзак и Артур Ранс были готовы; я ждал, что скажет Рультабий. Одним жестом он успокоил их и попросил занять прежние места.

— Задумайтесь, — проговорил он, — Ларсан поступил так именно потому, что хотел заманить нас сегодня вечером в Красные Скалы. Он показался нам, причалил почти на наших глазах к мысу Гарибальди, ему оставалось только крикнуть, проплывая под нашими окнами: «Вы знаете, я в Красных Скалах! Я жду вас, приезжайте!..»

— Вы отправились в Красные Скалы, — снова начал Артур Ранс, сбитый с толку аргументами Рультабия, — и он не появился. Он прячется там и наверняка замышляет на эту ночь какое-нибудь гнусное преступление... Необходимо выкурить его оттуда.

— Конечно, — поспешил добавить Рультабий, — моя прогулка в Красные Скалы оказалась безрезультатной, потому что я пошел туда один... Но мы можем пойти туда все вместе и получим результат, вернувшись...

— Вернувшись? — переспросил Дарзак, не понимая, на что намекает Рультабий.

— Да, — объяснил репортер, — вернувшись в замок, где мы оставим госпожу Дарзак совершенно одну! И где мы, быть может, не найдем ее больше!.. О, — прибавил он посреди общего гнетущего молчания, — это только предположение. Но сейчас мы не имеем права рассуждать иначе как строя предположения...

Мы все переглянулись, подавленные этой мыслью. Несомненно, не будь Рультабия, мы совершили бы большой промах, который мог бы привести к полному поражению.

Рультабий поднялся и заговорил:

— В сущности, самое лучшее, что мы можем сделать в эту ночь, это забаррикадироваться. Я приказал закрыть железные ворота и поставил папашу Жака сторожить их. Маттони дежурит у часовни. Возле этих ворот, открывающих единственный доступ во второй двор, я устроил заграждение, которое буду охранять сам. Бернье всю ночь будет караулить дверь в Квадратную башню, а его жена, обладающая очень хорошим зрением и вдобавок вооруженная моим морским биноклем, будет сидеть до утра на площадке башни. Сенклер поместится в маленькой беседке из пальмовых листьев на террасе Круглой башни. С высоты он сможет наблюдать за вторым двором, аллеями и парапетом. Артур Ранс и Робер Дарзак отправятся на первый двор и будут прогуливаться до рассвета: первый - по восточному, а второй — по западному валу, ограничивающему первый двор со стороны моря. Нам придется трудно в эту ночь, потому что мы еще не организованы. Завтра мы распределим обязанности между нашим маленьким гарнизоном и верными слугами, на которых вполне можем положиться. Если кто-нибудь из них покажется нам подозрительным, его придется удалить из замка. Вы незаметно принесете в эту комнату все имеющееся у вас оружие — ружья, револьверы. Мы распределим их между собой и слугами. Я приказал стрелять во всякого, кто не ответит на вопрос «кто идет?» и не подойдет к часовому. Пароля нет, это бесполезно; чтобы пройти, достаточно назвать себя и показать свое лицо. Никто, кроме нас самих, не будет иметь права на передвижение здесь. Завтра утром я прикажу поставить с внутренней стороны северных ворот решетку, и торговцев, приходящих в течение дня, не будут пускать за нее — они станут складывать

свой товар в маленькой привратницкой, где разместился папаша Жак. С семи часов вечера железные ворота будут заперты. Завтра же утром мистер Артур Ранс прикажет позвать рабочих, плотников и каменщиков; все они будут пересчитаны и не должны ни под каким предлогом переступать порог второго двора, к семи часам вечера они снова будут пересчитаны и покинут замок. За этот день рабочие должны окончить всю свою работу и поставить ворота здесь, в башне Садовника, вместо этого заграждения, а также заделать небольшое отверстие в стене, соединяющей Новый замок с башней Карла Смелого, и другую брешь близ старой угловой башни B_1 на плане, охраняющей северо-восточную часть первого двора. После этого я буду спокоен за госпожу Дарзак, которой пока запрещаю покидать замок, и решусь отправиться на разведку, чтобы определить, где Ларсан разбил лагерь. Итак, мистер Ранс, к делу! Принесите сюда все оружие, каким располагаете на сегодняшний вечер... Я отдал свой револьвер Бернье, который будет охранять дверь в помещение госпожи Дарзак...

Если бы кто-нибудь незнакомый с происшествиями в Гландье случайно подслушал речь Рультабия, он непременно счел бы сумасшедшим и того, кто это говорил, и тех, кто это слушал! Но, повторяю, всякий переживший ночь на галерее в Гландье поступил бы, как я: он без долгих рассуждений зарядил бы свой револьвер и стал ждать утра!

Глава VIII

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О РУССЕЛЕ-ЛАРСАНЕ-БОЛЛМЕЙЕРЕ

Час спустя мы все были на своих местах и отмеривали шаги вдоль парапетов, внимательно всматриваясь в землю, небо и море и беспокойно прислушиваясь к малейшему ночному шуму, дыханию моря и ветру, который поднялся около трех часов утра. Проснувшаяся к этому времени Эдит зашла навестить Рультабия. Последний позвал меня, поручил охранять свои ворота и Эдит и отправился делать «обход караулов».

Эдит была в великолепнейшем настроении. Несколько часов сна освежили ее, и она от души смеялась над сонным видом супруга, которому только что отнесла стакан виски.

— О! Это безумно интересно! — говорила она мне, хлопая в ладоши. — Как бы мне хотелось познакомиться с вашим Ларсаном!..

Я невольно содрогнулся при этих словах. Несомненно, существуют романтичные натуры, которые не задумываются ни над чем и в своей наивной бессознательности гневят судьбу. Несчастная, если бы она знала, о чем говорит!

Я очень мило провел два часа в обществе обворожительной Эдит, рассказывая ей страшные истории о Ларсане — истории отнюдь не вымышленные. И раз мне представляется такой случай, я позволю себе познакомить уважаемого читателя с одиозной личностью Ларсана-Боллмейера, в существовании которого многие могли сомневаться. Ввиду того

что в настоящем моем повествовании его роль более чем значительна, я считаю своим долгом подготовить читателя к той мысли, что я только передаю факты и ничего не выдумываю. Кроме того, если бы я и вознамерился приукрасить столь страшную историю плодами собственного воображения, Рультабий воспротивился бы этому самым решительным образом и восстановил бы факты в их первоначальном виде. Появление таких выдумок может повлечь за собой слишком серьезные последствия, чтобы я позволил себе выйти за рамки строгой передачи событий, пусть даже несколько сухой и методичной. Я отсылаю тех, кто может счесть мой рассказ каким-нибудь детективным романом, к отчету о версальском процессе. Анри-Робер и Андре Гесс, адвокаты Дарзака, произнесли прекрасные защитные речи, которые были стенографированы.

Наконец, не нужно забывать, что значительно раньше, чем судьба свела Ларсана-Боллмейера с Рультабием, элегантный бандит задал немало работы судебным хроникерам. Стоит только развернуть газету «Судебный вестник» или пробежать раздел судебной хроники любой другой газеты, вышедшей в тот день, когда Боллмейер был приговорен судом присяжных к десяти годам каторги, чтобы составить себе представление об этой неординарной личности. Всякий поймет тогда, что не стоит ничего приукрашивать, раз можно рассказать такую историю; читатель, познакомившись с его «почерком», то есть манерой поведения, а также неизмеримой дерзостью, воздержится от улыбки, когда осторожный Жозеф Рультабий перекинет подъемный мост между Боллмейером-Ларсаном и госпожой Дарзак.

Альбер Батайль сотрудник газеты «Фигаро» и автор восхитительной книги «Уголовные и

гражданские дела», посвятил Боллмейеру немало интересных страниц.

У Боллмейера было счастливое детство. Сын богатого комиссионера, он мог мечтать о другой судьбе, но его призванием было воровство. Еще в юности он решил стать мошенником, как другие выбирают карьеру горного инженера. Он начал гениально: Боллмейер украл денежный пакет, адресованный в контору отца, сел с украденными деньгами в поезд на Лион и написал своему родителю:

«Сударь, я старый военный в отставке. Мой сын, почтовый чиновник, чтобы заплатить карточный долг, украл денежный пакет, адресованный вам. Я созвал всю семью; через несколько дней мы соберем сумму и возместим вам похищенное. Вы сами отец, так пожалейте меня, войдите в мое положение! Не разбивайте честного прошлого!»

Боллмейер-отец благородно откликнулся на этот призыв. Он до сих пор еще ждет возврата тех денег или, вернее, перестал его ждать, так как состоявшийся через десять лет процесс открыл ему, кто был истинным виновником кражи.

«Боллмейер, — пишет Альбер Батайль, — получил от природы все данные, чтобы стать избранным мошенником: необыкновенную изворотливость ума, дар убеждать наивных, способность подмечать мельчайшие детали обстановки, талант в переодевании, бесконечную осторожность, доходившую до того, что он помечал свое белье инициалами имени, которое считал наиболее подходящим для себя в данный момент времени. Но особенно характерны для него бравада, кокетливая ирония и презрение к суду. Мистифицировать судей, направить следствие по ложному следу — для него величайшее наслаждение, в котором он никогда себе не отказывает».

В полку́ Боллмейер похищает деньги из кассы своей роты и обвиняет в воровстве казначея. Он совершает кражу в сорок тысяч франков в торговом доме братьев Фюре и сейчас же доносит прокурору, что Фюре сами себя обокрали. Дело Фюре надолго сохранится в судебных летописях под этим, ставшим классическим, названием «телефонной шутки».

Боллмейер ворует вексель на тысячу шестьсот фунтов стерлингов, присланный почтой для торгового дома братьев Фюре на улице Пуассоньер, в контору которого он был принят в качестве служащего. Затем голосом Эдмона Фюре спрашивает банкира Когена, не согласится ли он учесть этот вексель. Получив утвердительный ответ и перерезав телефонный провод на тот случай, если будет дано обратное приказание или у него потребуют объяснений, Боллмейер спустя десять минут получает деньги через сообщника по имени Ривар, с которым он познакомился на военной службе в Африке, где им обоим пришлось оставить полк из-за нескольких неблаговидных историй.

Себе он берет львиную долю, а затем бежит к прокурору, доносит на Ривара и, как я уже сказал, на самого обокраденного Эдмона Фюре. Происходит весьма примечательная очная ставка в кабинете следователя Эспьерра, которому поручено дело.

«Послушайте, мой дорогой Фюре, — говорит Боллмейер ошеломленному коммерсанту, — я в отчаянии, что вынужден обвинить вас, но правда перед лицом правосудия выше всего. Это дело не будет иметь последствий, сознайтесь же! Вам понадобились сорок тысяч франков, чтобы ликвидировать небольшой долг, сделанный на бегах, и вы решили, что их выплатит ваша фирма. Ведь это вы телефонировали?» — «Я? Я?» — бормотал Эдмон Фюре, едва не теряя сознание. «Сознавайтесь же, ведь вас узнали по голосу».

Несчастный обворованный провел добрую неделю в тюрьме Мазас; в конце концов Крюппи, который в то время был государственным адвокатом, вынужден был принести ему извинения от имени правосудия. Что касается Ривара, он был заочно осужден на двадцать лет каторги!

Можно было бы рассказать о Боллмейере еще двадцать историй такого же рода. Следует описать обстоятельства одного из его исчезновений. Нет ничего комичнее, чем этот поступок заключенного, который составляет лживые показания только для того, чтобы развернуть их на столе следователя Уиллерса и, якобы нечаянно столкнув бланки, иметь возможность бросить взгляд на образец постановления об освобождении.

Вернувшись в тюрьму, негодяй пишет письмо, подписывая его именем «Уиллерс». В этом письме, согласно подмеченной форме, Уиллерс якобы просит начальника тюрьмы немедленно отпустить Боллмейера. Но на бумаге недостает печати следователя. Боллмейера не смутила такая мелочь. На следующий день он вновь появился в камере следователя, скрыв письмо в рукаве, кричал там о своей невинности, изображал искреннее негодование и, порывисто схватив лежавшую на столе печать, внезапно опрокинул чернильницу на голубые брюки сопровождавшего его тюремщика.

В то время как несчастный оттирал свои любимые штаны, Боллмейер воспользовался общим замешательством, быстро приложил печать к приказу об освобождении и рассыпался, в свою очередь, в извинениях. Дело было сделано. Негодяй вышел, небрежно бросив сторожам камеры бумагу, подписанную и скрепленную печатью.

«Что возомнил о себе этот Уиллерс? — возмутился он. — Заставляет меня таскать его бумаги! Лакей я ему, что ли?»

Сторожа бережно подобрали пакет, и бригадир приказал отнести его по адресу в Мазас. Это был приказ немедленно освободить из тюрьмы Боллмейера. В тот же вечер он оказался на свободе.

Это был уже второй его побег. Арестованный за кражу Фюре, он бежал первый раз, засыпав перцем глаза сопровождавшему его конвойному, и в тот же вечер присутствовал во фраке и белом галстуке на премьере в «Комеди Франсез». Уже осужденный военным судом на пять лет каторги за кражу в полку, он едва не вышел из тюрьмы при помощи товарищей, спрятавших его в мешок с мусором. Неожиданно произведенная перекличка разрушила этот так хорошо задуманный план. Но я могу очень долго рассказывать о необыкновенных приключениях Боллмейера первого периода.

То граф де Мопа, то виконт Друэ д'Эрлон, граф де Моттевиль, граф де Бонневиль — элегантный приятный игрок, законодатель мод, он объезжает курорты Биарриц, Экс-ле-Бен, Люшон, проигрывая по десять тысяч за вечер, окруженный красивыми женщинами, у которых пользуется большим успехом. В полку в него влюбилась, к счастью платонически, дочь командира полка! Теперь вам ясно, что это за личность? Вот этого-то человека и должен был победить Рультабий!

Мне подумалось, что я уже достаточно познакомил Эдит со знаменитым разбойником. Она слушала меня в глубоком молчании, которое, в конце концов встревожило меня, и тогда я, наклонившись к ней, увидел, что она заснула. При таком отношении к моим рассказам у меня могло, казалось, сложиться не бог весть какое мнение об этой особе. Но так как она позволила мне любоваться ею, сколько мне хотелось, результатом стало, наоборот, чувст-

которое я позже тщетно старался изгнать из своего сердца.

Ночь прошла спокойно. Наступивший день я встретил с глубоким вздохом облегчения. Тем не менее Рультабий отпустил меня спать только в восемь часов утра, отдав все распоряжения на текущий день. Он уже был среди призванных им рабочих, которые вовсю трудились над исправлением бреши в башне В. Работы велись так быстро и добросовестно, что форт Геркулес к вечеру того же дня был герметично закрыт со всех сторон. Сидя утром того же дня на толстом бревне, Рультабий начал зарисовывать в свою книжку план замка. Подсмеиваясь над усилиями, которые я, устав от бессонной ночи, предпринимал, чтобы не закрыть слипавшихся глаз, он сказал мне:

— Видите ли, Сенклер, глупцы могут подумать, что я укрепляюсь, чтобы защищаться. Это правда лишь отчасти, потому что я укрепляюсь, главным образом, для того, чтобы рассуждать. И если я и заделываю все бреши, то чтобы Ларсан не проник через них. Я не мог бы рассуждать, например, в лесу! В лесу невозможно сосредоточиться! А в запертом замке — другое дело! Если вы внутри и к тому же вы не сумасшедший, то и ваш разум находится при вас!

— Да-да! — повторял я, кивая. — Вы непременно во всем разберетесь...

— На этом, — подытожил он, — отправляйтесь-ка спать, мой друг, потому что вы спите на ходу.

Глава IX

НЕОЖИДАННОЕ ПРИБЫТИЕ СТАРОГО БОБА

Когда около одиннадцати часов утра старуха Бернье по приказанию Рультабия постучала в мою дверь, я в первую очередь поспешил к окну. Утро было бесподобно, и море так прозрачно, что солнечный свет пронизывал его насквозь, освещая подводные рифы, водоросли и все морское дно. Ментонский берег обрамлял гладь моря цветущей рамкой. Виллы Гаравана, белые и розовые, казалось, появились на свет в эту ночь. Полуостров Геркулес, как огромный букет, плавал на поверхности вод, даже древние камни и те благоухали.

Никогда еще природа не казалась мне более нежной, приветливой, любящей и в особенности достойной любви. Ясный воздух, нежные очертания берега, томное море, подернутые голубой дымкой горы — вся эта картина, которая для меня, жителя Севера, была совсем непривычна, навевала грезы о ласке. Вдруг я заметил человека, который хлестал какой-то палкой по поверхности моря. Негодяй, казалось, был вне себя от ярости. Я не мог понять, что заставило его так разозлиться на морскую воду, но у него, наверно, был какой-нибудь серьезный повод для неудовольствия, так как он не переставал наносить удары, вооружившись огромной хворостиной и стоя в маленькой лодочке, которую, дрожа, направлял веслом мальчуган. При этом незнакомец поднимал тучу брызг, к безмолвному негодованию нескольких иностранцев, столпившихся на берегу. Но, как это всегда бывает в тех случаях, когда никому не хочется

вмешиваться в то, что его не касается, ни один из них не выражал свой протест. Что могло возмутить этого дикаря? Быть может, само спокойствие моря, которое сейчас же восстанавливалось вновь, на миг нарушенное святотатством этого безумца.

Мои наблюдения были прерваны появлением Рультабия, который сообщил мне, что завтрак будет в двенадцать. Он весь вымазался в известке. Одной рукой он опирался на деревянный метр, а другой поигрывал отвесом. Я спросил его, заметил ли он человека, хлеставшего по воде хворостиной. Рультабий ответил, что это Туллио, который по-своему загоняет в сети рыбу, пугая ее. Тогда я понял, почему местные жители называли его Морским Палачом.

Рультабий сообщил мне, между прочим, что утром он расспросил Туллио о человеке, которого тот возил накануне вечером вокруг полуострова Геркулеса. Туллио сказал, что человека этого он не знает; тот сел в лодку в Ментоне, заплатив рыбаку пять франков, чтобы он высадил его у мыса возле Красных Скал.

Я быстро оделся и присоединился к Рультабию. К завтраку должен был приехать новый гость — старик Боб. Некоторое время его ждали и не садились за стол, но, так как его все не было, в конце концов решили завтракать без него на цветущей террасе круглой башни Карла Смелого.

Великолепный дымящийся буйабес*, принесенный из ближайшего ресторана и поданный под лучами теплого солнца, поднял нам настроение не меньше, чем все предосторожности Рультабия.

И правда, Ларсан был не так для нас страшен при блеске яркого солнца, сиявшего на чистом небе, чем при бледном свете луны и звезд. Ах! Как быстро

* Буйабес — рыбный суп, уха.

забывает и как легко поддается впечатлению человек! Стыдно сказать: мы очень легкомысленно и гордо — во всяком случае я говорю за себя и за Артура Ранса, а также, разумеется, и за Эдит — подсмеивались над нашими ночными страхами... когда появился старый Боб. Нужно сказать, что его появление окончательно развеяло все наши мрачные мысли. Я никогда не видел более комичную фигуру, чем Боб, разгуливавший на ослепительном весеннем солнце в высоком черном цилиндре, черном сюртуке, черном жилете, черных брюках, черных очках, с седыми волосами и розовыми щеками. Да-да, мы от души посмеялись за завтраком на террасе круглой башни Карла Смелого. И старый Боб смеялся вместе с нами.

Что же делал старый ученый в форте Геркулес? Пожалуй, пора рассказать об этом читателю. Как он решился покинуть и свои американские коллекции, и свои работы, и свои чертежи, и свой музей в Филадельфии? Читатель не забыл еще, быть может, что Артур Ранс у себя на родине уже считался многообещающим френологом*, когда его несчастная любовь к мадемуазель Станжерсон внезапно внушила ему отвращение к науке. Но после женитьбы на мисс Эдит, побуждаемый ею, он почувствовал, что с удовольствием отдастся науке вновь.

Во время их путешествия по Ривьере, осенью, предшествующей описываемым событиям, много шума вызвали новые открытия господина Аббо в Красных Скалах. В течение долгих лет, еще с 1874 года, ученые были заинтересованы человеческими останками, найденными в пещерах и гротах Красных Скал. Жюльен, Ривьер, Жирарден, Делело

* Френология — устаревшая теория о связи между формой черепа и умственными способностями человека.

приехали сюда и вскоре произвели сенсацию, установив, что первые люди жили в этом месте в доледниковый период. Правда, существование человека в посттретичный период* было доказано уже давно, но так как этот период, по мнению ученых, продолжался двести тысяч лет, то было интересно точнее определить время появления человека. Раскопки в Красных Скалах не прекращались и приводили ко все более удивительным открытиям. Однако лучший грот, Большая Барма, как его называли местные жители, оставался неприкосновенным. Это была собственность господина Аббо, державшего ресторан недалеко оттуда на морском берегу. Аббо решил, в свою очередь, начать раскопки в принадлежавшем ему гроте. И вот в обществе распространились слухи, что он нашел в Большой Барме необыкновенные человеческие кости, целые скелеты, превосходно сохранившиеся в железистой почве, современной мамонтам начала посттретичнго периода или даже конца третичного.

Артур Ранс и его жена приехали в Ментону, и, в то время как муж целыми днями рылся в насчитывавших сотни тысяч лет «кухонных отбросах», как принято выражаться в мире ученых, переворачивая землю Большой Бармы и измеряя черепа наших предков, его молодая жена усаживалась невдалеке, на древних стенах старинного замка на небольшом полуострове, соединенном с Красными Скалами несколькими глыбами, сорвавшимися с откоса. С этими напоминаниями о генуэзских войнах были связаны самые романтические истории, и прекрасной Эдит, меланхолично смотревшей на роскошный пейзаж, казалось, что она

* Третичный период — устаревшее название геологического периода истории Земли от вымирания динозавров (ок. 65 млн. лет назад) до начала последнего ледникового периода (ок. 1,8 млн. лет назад).

одна из тех знатных девиц отдаленного прошлого, о трогательных приключениях которых она с таким увлечением читала в романах любимых писателей. Замок продавался за очень скромную сумму. Артур Ранс купил его и этим доставил громадную радость своей жене, которая за три месяца с помощью плотников и обойщиков превратила это старинное здание в чудесное гнездышко для влюбленных.

Когда Артур Ранс собственными глазами увидел последний найденный в Большой Барме скелет и бедренные кости Elephas antiquus*, извлеченные из того же пласта земли, он пришел в неописуемый восторг и поспешил отправить телеграмму старому Бобу, извещая его о находке в нескольких километрах от Монте-Карло того, что старик уже столько лет тщетно искал в своей Патагонии. Но эта телеграмма не достигла адресата, так как старый Боб, обещавший навестить молодых через несколько месяцев после свадьбы, уже выехал в Европу. Несомненно, он уже знал по слухам, какие сокровища таили в себе Красные Скалы. Несколько дней спустя он высадился в Марселе и приехал в Ментону, где и устроился в компании с Артуром Рансом и своей племянницей в форте Геркулес, который тотчас наполнил раскатами своего хохота.

Веселость старого Боба показалась нам немного театральной, но это, несомненно, было связано с нашим подавленным настроением накануне. Душой старый Боб напоминал ребенка, к тому же отличался свойственным старикам кокетством: своим строгим благородным видом (черный сюртук, черный жилет, черные брюки, седые волосы, розовые щеки) он постоянно старался создать внушительное и гармоничное впечатление. В этой профессорской униформе

* Ископаемого слона (*лат.*).

старый Боб охотился на тигров в южноамериканских степях, а теперь рылся в гротах Красных Скал в поисках остальных костей Elephas antiquus.

Эдит познакомила нас, и старый Боб, что-то вежливо проворчав, снова начал смеяться во весь рот, растягивавшийся до самых бакенбард, старательно подстриженных треугольником. Старый Боб задыхался от негодования, и мы скоро узнали почему. Из своего визита в Парижский музей он вынес убеждение, что скелет из Большой Бармы не был древнее привезенного им из последней экспедиции на Огненную Землю. Он основывался в своих рассуждениях на том факте, что бедренная кость слона, которую владелец Большой Бармы одолжил ему, утверждая, будто она найдена в том же слое, что и знаменитый скелет, — будто эта бедренная кость принадлежит ископаемому слону середины посттретичного периода. Ах! Нужно было слышать, с каким презрением старый Боб говорил об этом посттретичном периоде!

Разве в наше время ученый, настоящей ученый, действительно достойный этого звания, мог интересоваться скелетом середины посттретичного периода! Скелет, привезенный Бобом с Огненной Земли, относился к началу этого периода и, следовательно, был старше на сто тысяч лет! Вы слышите? Сто тысяч лет! Он был уверен в этом благодаря лопатке, принадлежавшей пещерному медведю, лопатке, которую нашел он, старый Боб, в руках его собственного скелета. (Он говорил «мой собственный скелет», в своем энтузиазме не делая различий между своим скелетом, который он ежедневно одевал в черный сюртук, черный жилет и черные брюки, и доисторическим скелетом с Огненной Земли.)

— Таким образом, мой скелет является современником пещерного медведя!.. А этот-то с Красных

Скал! Самое большее — периода мамонтов... Нет-нет!.. ископаемых носорогов! Именно!.. Итак, милостивые государыни и государи, нечего уже больше открывать в период ископаемых носорогов!.. Даю вам слово старого Боба!.. Мой скелет относится к эпохе панцирных, как выражаются у вас, во Франции... Чего вы смеетесь, ослы!.. А этот ископаемый слон с Красных Скал... я даже думаю, не принадлежит ли он к новейшему периоду!.. Нет-нет, это чересчур! Elephas antiquus новейшего периода — невозможно! Этот слон сведет меня с ума! Он сделает меня больным! Ах! Я умру от радости... чертовы Красные Скалы!..

Миссис Эдит имела жестокость прервать эту пламенную речь старого Боба, объявив ему, что князь Галич, занявшийся раскопками в гроте Ромео и Джульетты, должно быть, сделал совершенно сенсационное открытие, потому что на следующий день после отъезда старого Боба в Париж она видела, как он проезжал мимо форта Геркулес, держа в руках небольшой ящичек, который и показал ей со словами: «Вот здесь, госпожа Ранс, у меня сокровище, настоящее сокровище». На все ее расспросы он не отвечал, поддразнивая ее и говоря, что хочет сделать сюрприз старому Бобу по его возвращении! В конце концов князь Галич признался, что ему удалось найти «самый древний череп человека». Не успела Эдит произнести эту фразу, как страшный гнев исказил черты старика Боба, и он закричал:

— Это неправда!.. Самый древний череп находится у старого Боба! Это череп старого Боба! Маттони! Маттони! Вели принести сюда мой чемодан! Скорее!..

Как раз в этот момент Маттони пересекал двор Карла Смелого с багажом старого Боба на спине. Он повиновался профессору и внес чемодан в столовую.

Старый Боб, достав связку ключей, бросился на колени и из чемодана, в котором в полном порядке были уложены вещи и белье, вытащил футляр для шляпы, а из футляра — череп, который и поставил на стол среди наших чашек для кофе.

— Вот он, самый древний череп человечества, — сказал он. — Это череп старого Боба!.. Поглядите-ка на него!.. Вот он! Старый Боб никуда не ездит без своего черепа!..

Он взял его и принялся гладить, причем его толстые губы растянулись в широкой улыбке. Если вы представите себе, что старый Боб неважно говорил по-французски и произносил слова наполовину на английский, наполовину на испанский манер, вам станет ясна вся сцена. Мы с Рультабием не могли больше сдерживаться и покатывались со смеху. Тем более что свои разглагольствования старый Боб прерывал возмущенными вопросами о причине нашей веселости. Его гнев имел у нас еще больший успех. Госпожа Дарзак тоже смеялась до слез, так как, действительно, трудно было вообразить себе что-нибудь более смешное, чем старый Боб с его древнейшим черепом.

Внезапно старый Боб стал серьезен. Он поднял череп правой рукой и, указывая пальцем левой руки на лоб предка, заявил:

— Глядя на череп сверху, мы видим ярко выраженную пятиугольную форму, обусловленную значительным развитием теменных шишек и выпуклостью затылочных покровов! Ширина лица определяется развитием скуловых сочленений... Тогда как в черепе троглодитов с Красных Скал что я вижу?..

Я не могу сказать, что он увидел в черепе троглодитов, так как я не слушал его больше — я смотрел на него. И мне уже не хотелось смеяться. Он показался мне отвратительным, ужасным, неестественным,

как старый актер, с его наигранной веселостью и плохого сорта наукой. Я не спускал с него глаз. Мне показалось, что его волосы шевелятся! Да, как шевелится парик! Меня вдруг охватила мысль о Ларсане; я уже был готов заговорить, но тут под мой локоть проскользнула рука, и Рультабий отвел меня в сторону.

— Что с вами, Сенклер? — спросил молодой человек встревоженно.

— Друг мой, — отозвался я, — я не скажу вам, потому что вы опять будете смеяться надо мной...

Рультабий увлек меня к западному валу. Тут, осмотревшись вокруг и убедившись, что мы совершенно одни, он произнес:

— Нет, Сенклер, нет... я не буду смеяться над вами. Вы правы, предполагая, что он повсюду. Если его и не было несколько минут тому назад, возможно, что он есть сейчас... О! Он сильнее, чем камни!.. Он сильнее всего!.. И я буду счастлив, если эти камни помешают ему войти... Сенклер, я чувствую его присутствие!..

Я сжал руку Рультабия, так как у меня — странное дело — было то же ощущение... я чувствовал на себе взгляд Ларсана... я слышал его дыхание... Когда возникло это ощущение? Мне казалось, что с прибытием старого Боба... Я с беспокойством сказал Рультабию:

— Старый Боб?

Он не ответил. Спустя несколько мгновений он произнес:

— Через каждые пять минут берите себя правой рукой за левую и спрашивайте: «Ты ли это, Ларсан?» Когда вы ответите себе, не будьте слишком уверены, потому что он, может быть, солгал вам и уже сидит в вашей шкуре, хотя вы еще об этом и не подозреваете!

С этими словами Рультабий оставил меня одного на западном валу. Здесь меня и нашел папаша Жак

который принес мне телеграмму. Прежде чем прочесть ее, я заметил ему, что он хорошо выглядит, хотя, как и все мы, он провел ночь без сна. Жак объяснил мне, что удовольствие видеть свою госпожу счастливой делало его моложе на десять лет. Затем он попытался расспросить меня о причинах странного караула, а также исключительных мер предосторожности, принятых для того, чтобы не впускать посто́ронних. Жак даже прибавил, что, если бы этот ужасный Ларсан не умер, он мог бы подумать, что опасаются его возвращения.

Я ответил ему, что сейчас не время рассуждать и что, если он честный малый, его долг, как и всех других слуг, стоять на своем посту, не пытаясь ни в чем разобраться и тем более что-либо оспорить. Он поклонился мне и удалился, покачивая головой. Очевидно, старика сильно заинтересовало происходящее, и я был доволен, что он подумывает о Ларсане, занимая столь ответственный пост, как северные ворота; он также едва не стал жертвой Ларсана и не забыл этого.

Я не спешил вскрывать телеграмму; впрочем, я сильно заблуждался на ее счет, так как она оказалась в высшей степени интересной. Мой парижский друг, однажды уже известивший меня о Бриньоле, сообщал, что вышесказанный Бриньоль покинул Париж накануне вечером. Он уехал с поездом в десять часов тридцать пять минут. Как писал мой друг, были все основания предполагать, что Бриньоль взял билет на Ниццу.

Но зачем Бриньолю ехать в Ниццу? Что ему там делать? Вот вопросы, которые я задавал себе и которые в приливе самолюбия не обсудил с Рультабием, в чем потом сильно раскаивался. Последний посмеялся надо мной, когда я показал ему первую телеграмму

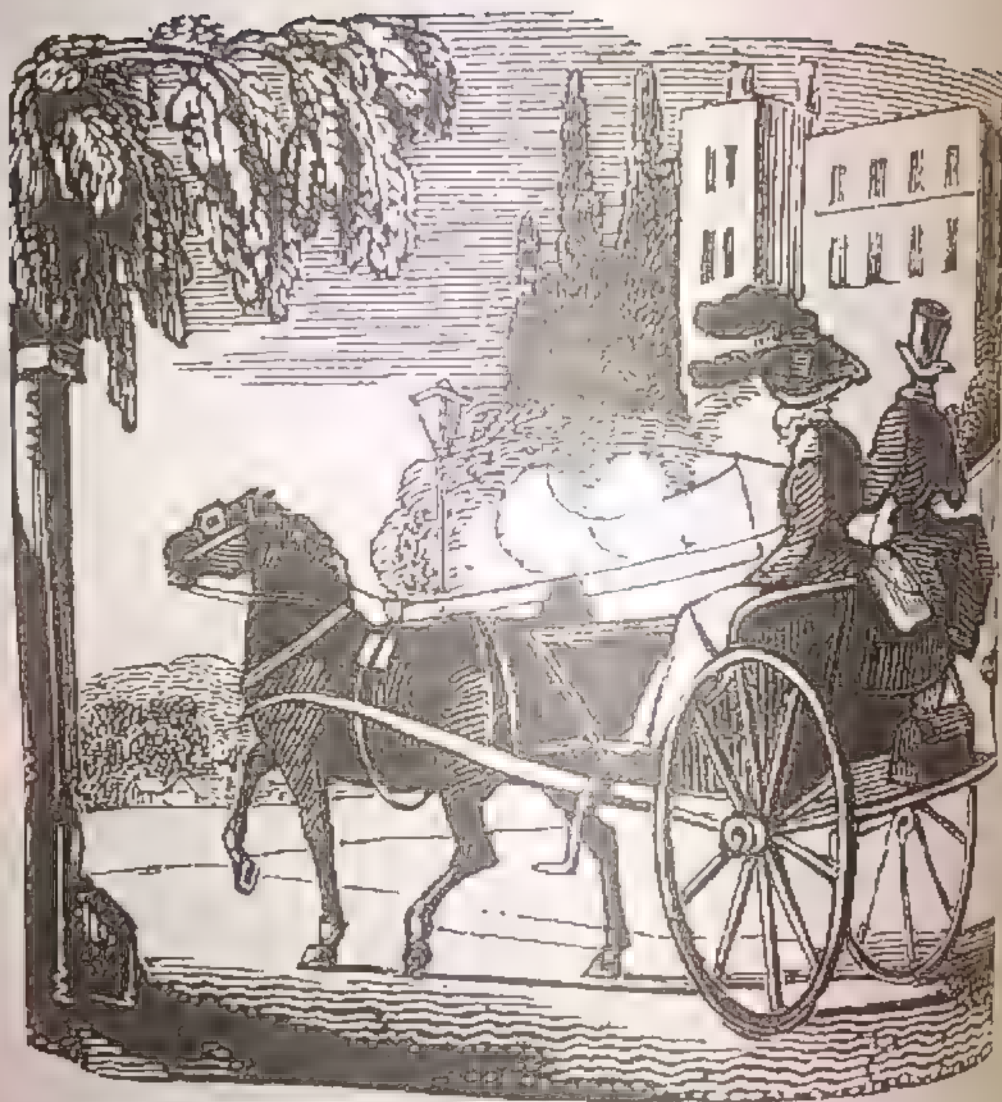
с известием, что Бриньоль не выезжал из Парижа, что я решил не делиться с ним второй, извещавшей о его отъезде. Раз Бриньоль был ему неинтересен, я не стану больше приставать к нему с этим! Рассуждая таким образом, я с самым безразличным видом подошел к Рультабию, находившемуся во дворе Карла Смелого. Он был занят укреплением дубовой крышки колодца с помощью железных брусьев: если бы колодец и сообщался с морем, то, кто бы ни пытался проникнуть в замок этим путем, приподнять крышку уже не представлялось возможным.

Рультабий обливался потом, засучив рукава, с тяжелым молотком в руках. Я находил, что он уж слишком старается над таким сравнительно простым делом, и не мог удержаться, чтобы не высказать ему этого. О, глупец, который не видит дальше своего носа! Неужели так трудно было угадать, что этот мальчик изнурял себя добровольно и отдавался физической усталости лишь для того, чтобы забыть горе, сжигавшее его отважное сердце? Но нет! Я понял это лишь через полчаса, застав его распластавшимся на камнях полуразрушенной часовни в тяжелом сне и уловив сорвавшееся с его губ слово, простое слово, которое сразу объяснило мне состояние его души: «Мама!» Рультабий видел во сне даму в черном!.. Быть может, он видел, что целует ее, как целовал прежде, когда был ребенком. Я приостановился на минуту, с беспокойством спрашивая себя, следует ли оставлять его здесь и не выдаст ли он случайно во сне свою тайну? Но, облегчив этим восклицанием свою душу, он стал мирно и звонко похрапывать. Мне думается, что с тех пор, как мы приехали из Парижа, Рультабий в первый раз по-настоящему спал.

Я воспользовался этим, чтобы выйти из замка, не предупредив никого, и вскоре с телеграммой

в кармане сел в поезд на Ниццу. Здесь я имел случай прочесть следующую заметку на первой странице «Пти Нисуа»: «Профессор Станжерсон прибыл в Гараван, где рассчитывает провести несколько недель у мистера Артура Ранса, купившего форт Геркулес и с согласия прелестной миссис Ранс предложившего своим друзьям пожить в этом роскошном средневековом уголке. Только что мы узнали, что дочь профессора Станжерсона, чья свадьба с Робером Дарзаком была отпразднована в Париже, также прибыла в форт Геркулес вместе с молодым и уже знаменитым профессором Сорбонны. Эти новые гости приехали к нам с севера в ту пору, когда все нас покидают. Как они правы! Во всем мире нет лучшей весны, чем на нашей Ривьере!» В Ницце, скрываясь за буфетным окном, я поджидал прибытия парижского поезда, которым мог приехать Бриньоль. И действительно, я увидел его выходившим из вагона! Мое сердце сильно билось. Глаза меня не обманывали: Бриньоль прятался. Опустив голову, он шел в толпе путешественников к выходу быстрой, воровской походкой. Но я следовал за ним по пятам. Он вскочил в закрытый экипаж, я бросился в не менее закрытую карету. На площади Массены он вышел из экипажа, прошел до набережной и взял другого извозчика; я по-прежнему следовал за ним.

Его уловки казались мне все более грубыми. Наконец, карета Бриньоля выехала на дорогу, называемую Корниш; я осторожно ехал сзади. Многочисленные повороты дороги давали мне возможность видеть, оставаясь невидимым. Я обещал хорошо заплатить моему вознице, если он поможет мне выполнить мое намерение, и он прекрасно справлялся со своей задачей. Так мы добрались до вокзала Больё. Тут я очень удивился, увидев, что экипаж Бриньоля остановился

и сам он выходит, расплачивается с извозчиком и направляется на вокзал. Он сядет в поезд. Как быть? Если я вздумаю сесть в тот же поезд, он заметит меня на этом маленьком вокзале, на этой пустынной платформе. Тем не менее я должен был попытаться.

Если он увидит меня, я изображу удивление и не отпущу его, пока не узнаю, зачем он сюда приехал. Но мне повезло: Бриньоль меня не заметил. Он сел в поезд, отходивший к итальянской границе. В конце концов, каждый шаг Бриньоля приближал его к форту Геркулес. Я сел в соседний вагон и на всех станциях наблюдал за движением пассажиров.

Бриньоль остановился только в Ментоне. Очевидно, он не хотел приехать туда с парижским поездом из опасения встретить на вокзале кого-нибудь из знакомых. Я видел, как он вышел из вагона, поднял воротник пальто и надвинул на глаза фетровую шляпу. Окинув взглядом платформу, он успокоился и направился к выходу. Выйдя с вокзала, он бросился в дряхлый дилижанс, стоявший у тротуара. Из пассажирской залы я наблюдал за ним. Зачем он явился сюда? И куда ехал в этом древнем и пыльном ковчеге? Обратившись за разъяснением к одному из служащих, я узнал, что дилижанс ходит в Соспель.

Соспель — маленький прелестный городок, затерянный в отрогах Альп, в двух часах езды на лошадях от Ментоны. Туда нет железной дороги. Это один из самых заброшенных и неизвестных уголков Франции. Но дорога, ведущая к нему, одна из самых красивых в мире: чтобы добраться до Соспеля, нужно обогнуть невероятное количество гор, двигаясь вдоль бездонных пропастей, и проехать до Кастильона через узкую и глубокую долину Карей, то дикую, как пейзаж Иудеи, то зеленую и цветущую, плодоносную и ласкающую взор серебристыми купами

5*

бесчисленных оливковых деревьев. Я ездил в Соспель несколько лет тому назад в компании английских туристов в огромном фургоне, запряженном восемью лошадьми, и сохранил от этого путешествия ощущение головокружения, которое живо воскресло во мне при одном напоминании о Соспеле.

Что Бриньоль собирался делать в Соспеле? Необходимо было выяснить это. Дилижанс заполнился и тронулся в путь, загремев железом и пляшущими стеклами. Я сел в один из экипажей, стоявших на площади, и в свою очередь спустился в долину Карей. Ах! Как я раскаивался уже, что не предупредил Рультабия! Странное поведение Бриньоля навело бы его на нужные мысли, тогда как я не умел «рассуждать» и мог лишь следовать за Бриньолем, как следует собака за хозяином или полицейский за выслеженным преступником. Ни за что на свете нельзя было выпускать его из виду — мне, возможно, предстояло сделать потрясающее открытие! Я позволил дилижансу опередить меня из предосторожности, которую считал необходимой, и приехал в Кастильон минут на десять позже Бриньоля. Кастильон расположен на самом высоком месте между Ментоной и Соспелем. Мой кучер попросил разрешения дать лошади немного передохнуть и напоить ее. Я вышел из кареты, и кого же я увидел у входа в туннель, под которым нужно было проехать, чтобы достичь противоположного ската горы? Бриньоля и Фредерика Ларсана!

Я застыл, как пригвожденный к земле, молча и неподвижно. Я был поражен этим зрелищем, как ударом грома! Мало-помалу ко мне вернулась способность мыслить. О! Я все-таки был прав! Я один догадался, что этот дьявол в образе Бриньоля представлял страшную опасность для Робера Дарзака

Если бы меня послушали, профессор давно бы расстался с ним! Бриньоль! Порождение Ларсана, сообщник Ларсана!.. Какое открытие!

Я же утверждал, что несчастные случаи в лаборатории — вовсе не случайность! Я надеюсь, мне поверят теперь! Итак, я видел Бриньоля с Ларсаном, споривших у входа в Кастильонский туннель. Я видел их... но теперь они исчезли. Куда же они пошли? В туннель, очевидно. Я ускорил шаг, оставив на месте кучера, и сам вошел в туннель, нащупав в кармане револьвер. Я страшно волновался! Что скажет Рультабий, когда я сообщу ему об этом?.. Мне удалось накрыть Бриньоля с Ларсаном!..

Но где же они? В туннеле не было ни Ларсана, ни Бриньоля!.. Я посмотрел на дорогу, спускавшуюся к Соспелю... Никого... Но влево, в сторону старого Кастильона, как будто скользят две тени... Они скрываются... Я бегу... Подбегаю к развалинам... Останавливаюсь... Кто поручится мне, что оба мошенника не высматривают меня из-за какого-нибудь забора?..

Старый Кастильон совершенно необитаем, и не без причины. Он был полностью разрушен землетрясением 1887 года. От него остались лишь несколько осыпавшихся стен, ряд полуразвалившихся лачуг, почерневших от пожара, и пара устоявших колонн. Какая тишина кругом! Я осторожно обошел эти развалины, с ужасом заглядывая в глубокие расщелины скал. Одна в особенности показалась мне бездонным колодцем, и, в то время как я наклонился над ней, держась за почерневший оливковый ствол, меня задело чье-то крыло, хлестнув мне ветром в лицо. Я отскочил, невольно вскрикнув. Из пропасти стрелой вылетел орел. Он поднялся прямо к солнцу и затем стал спускаться ко мне, описывая круги над моей головой и испуская дикие и грозные крики, словно

негодуя на меня за то, что я потревожил его в этом царстве одиночества и смерти.

Неужели это была галлюцинация? Я больше никого нигде не увидел... Вдруг я нашел на дороге клочок бумаги, которая странным образом напоминала мне ту, что использовал Робер Дарзак в Сорбонне. На этом клочке я разобрал два слога, написанных, по моему мнению, рукой Бриньоля. По-видимому, недоставало начала слова. Вот что можно было прочесть: «бонне».

Два часа спустя я возвратился в форт Геркулес и рассказал все Рультабию, который ограничился тем, что положил найденный мной клочок бумаги в бумажник и попросил меня никому не рассказывать о моих открытиях. Удивленный столь ничтожным эффектом от того открытия, которое я считал страшно важным, я воззрился на Рультабия. Он отвернулся, однако недостаточно быстро для того, чтобы спрятать от меня глаза, полные слез.

— Рультабий! — воскликнул я.

Но он закрыл мне рот:

— Молчи, Сенклер!

Я взял его за руку — у него была лихорадка, и я не сомневался, что это волнение вызвано не одними лишь заботами, связанными с появлением Ларсана. Я упрекнул его за то, что он скрывал от меня свои отношения с дамой в черном, но он, по своему обыкновению, не ответил и отошел с тяжелым вздохом.

Меня ждали к обеду. Было уже поздно. Обед прошел мрачно, несмотря на взрывы смеха старого Боба. Мы даже не пытались рассеять тяжелое беспокойство, леденившее наши сердца. Будто каждый из нас знал о грозившем нам ударе и драма уже нависла над нашими головами. Супруги Дарзак ничего не ели. Эдит посматривала на меня странным взглядом.

В десять часов я с облегчением отправился на свой наблюдательный пункт под воротами башни Садовника. В то время как я сидел в маленькой комнатке, где прошлой ночью мы держали наш первый военный совет, дама в черном и Рультабий прошли под сводами. Госпожа Дарзак была заметно взволнована. Она умоляла Рультабия о чем-то, чего я не мог разобрать. Я уловил из их разговора одно только слово, произнесенное Рультабием: «Вор»! Оба прошли во двор Карла Смелого... Дама в черном простерла было руки к молодому человеку, однако он сделал вид, что ничего не заметил, сейчас же покинул ее и заперся в своей комнате... Она осталась одна во дворе, прислонившись к стволу эвкалипта в позе невыразимого отчаяния, затем медленно прошла в Квадратную башню.

Было десятое апреля. Нападение на Квадратную башню должно было совершиться в ночь с одиннадцатого на двенадцатое.

Глава X

11 АПРЕЛЯ

Это нападение произошло при обстоятельствах столь таинственных и непостижимых, что, если читатель позволит мне, дабы лучше все уяснить, я остановлюсь на некоторых подробностях нашего времяпрепровождения 11 апреля.

В течение всего этого дня стояла изнуряющая жара, и часы караула были особенно тяжелы. Солнце жгло немилосердно, и нам стоило бы немалого труда следить за поверхностью моря, которое блестело как добела раскаленная стальная плита, если бы мы не вооружились темными очками, без которых трудно обойтись весной и летом в этой стране.

Утро

В девять часов я спустился из своей комнаты и направился в названную нами залой военного совета комнату, чтобы сменить Рультабия. Я не успел ни о чем спросить его, так как к нам тотчас вошел Дарзак и объявил, что должен сообщить нам нечто важное. Как выяснилось, он намеревался покинуть форт Геркулес вместе с госпожой Дарзак. Сначала это заявление повергло нас с Рультабием в полное изумление. Я начал разубеждать Дарзака, умоляя его не поступать так неосторожно. Рультабий холодно осведомился, какие причины могли заставить его внезапно решиться на отъезд. В ответ он произнес фразу, из которой мы поняли, насколько затруднительным становилось пребывание Дарзаков в замке Геркулес. Вот что он сказал: «У Эдит был нервный припадок!» Мы сейчас же

догадались, из-за чего, потому как ни я, ни Рультабий ни минуты не сомневались, что с каждым часом Эдит ревновала все больше и все тяжелее воспринимала знаки внимания, оказываемые ее мужем госпоже Дарзак. Накануне вечером она устроила Артуру Рансу сцену, и Дарзак, совершавший обход по двору, уловил некоторые отзвуки разразившейся грозы.

Рультабий, как всегда, призвал на помощь свою способность рассуждать. Он согласился с Дарзаком, что его пребывание с женой в замке Геркулес должно быть по возможности сокращено, но вместе с тем дал ему понять, что ради собственной безопасности им не следует торопиться с отъездом. Если они уедут, Ларсан сумеет настичь их в такой стране и в такое время, когда они меньше всего этого ожидают. Здесь они предупреждены, они приняли меры предосторожности, и стены форта Геркулес служат им надежной защитой. Конечно, такое положение не могло продолжаться долго, но Рультабий попросил Дарзака подождать еще неделю.

Дарзак покинул нас, пожав плечами. Он казался раздраженным. Мы впервые видели его в таком настроении. Рультабий сказал:

— Госпожа Дарзак не бросит нас, и Робер останется. — И ушел, в свою очередь.

Через несколько минут явилась Эдит. Она была в простом, но невероятно прелестном платье. Эдит тотчас начала кокетничать со мной, несколько наигранно смеясь и мило подшучивая над моими охранными обязанностями. Я немного резко возразил ей, упрекнув ее в жестокосердии, так как для нее не было тайной, что этот тяжелый караул, на который мы тратили столько сил, спасал, быть может, в эту минуту лучшую из женщин. Тогда она воскликнула, расхохотавшись:

— Ах, она всех вас околдовала, должно быть!.. Боже мой! Как очаровательно она смеялась! В это утро у меня не хватило духу рассердиться на нее. Напротив, я и сам засмеялся.

— Дело в том, что тут есть небольшая доля правды, — сказал я.

— Мой муж до сих пор без ума от нее!.. А я и не думала, что он такой романтичный!.. Но я также, — кокетливо прибавила она, — я также романтична...

И она посмотрела на меня тем проникновенным взглядом, который уже однажды смутил меня...

— А!.. — протянул я.

— Например, — продолжала она как ни в чем не бывало, — я очень люблю поговорить с князем Галичем, который, разумеется, больший романтик, чем все вы, вместе взятые!

У меня, должно быть, было забавное выражение лица, так как она выразила по этому поводу шумное удовольствие. Какая странная маленькая женщина! Тогда я спросил ее, что это за князь Галич, о котором она так часто вспоминает. Эдит ответила, что мы увидим его за завтраком, на который она пригласила его специально для нас, и рассказала о нем кое-какие подробности. Таким образом, я узнал, что князь Галич — один из богатейших русских помещиков черноземной полосы России, простирающейся между северными лесами и южными степями.

В двадцать лет получив в наследство крупное имение, он сумел увеличить его благодаря разумному управлению, на которое трудно было считать способным молодого человека, чьими основными занятиями до сих пор являлись охота и чтение. Он приобрел славу мрачного скупца, а также, как ни странно, поэта. Он унаследовал от отца высокое положение при дворе императора; предполагали

что тот в память о важных услугах, оказанных отцом, принял под особое покровительство сына. Короче говоря, этот русский дворянин был баловнем судьбы. Не зная его, я уже чувствовал к нему антипатию. Что касается его отношений с Рансами, то они были прекрасными соседями. Купив два года назад роскошное имение, чьи висячие сады, цветущие террасы и благоуханные балконы заслужили ему в Гараване название вавилонских садов, князь оказал кое-какие услуги Эдит, когда она превращала свой передний двор в экзотический сад. Он подарил ей несколько растений, которые воскресили в замке Геркулеса растительность, свойственную берегам Тигра и Евфрата.

Мистер Ранс несколько раз приглашал князя обедать, а тот в ответ благодарил его, присылая вместо цветов ниневийскую пальму или кактус «Семирамида». Это ему ничего не стоило. У него было много таких растений, они стесняли его, к тому же он предпочитал розы. Эдит радовалась посещениям молодого князя, потому что тот читал ей стихи. Прочитав их по-русски, он переводил их на английский язык и даже сочинил сонет по-английски специально для нее. Американка была так польщена этим, что попросила перевести их с английского на русский. Эта литературная игра очень забавляла Эдит, но не доставляла большого удовольствия Артуру Рансу, который не скрывал, что загадочный князь Галич нравится ему лишь отчасти.

Ранс не понимал, как можно быть столь скупым. Я вполне разделял его мнение. Князь не держал экипажа. Он ездил на трамвае и нередко сам закупал провизию в сопровождении единственного своего лакея Ивана, который нес корзину. К тому же он торговался, прибавила молодая женщина, узнавшая эту

подробность от своей кухарки, он торговался с продавцами рыбы из-за двух су. Как ни странно, эта чрезмерная скупость не отталкивала Эдит, находившую в нем некоторую оригинальность. Никто никогда не бывал у него. Он ни разу не приглашал Рансова полюбоваться своими садами.

— Он красив? — спросил я Эдит, когда она окончила свой панегирик.

— Слишком красив! — ответила она. — Вы увидите!..

Я не могу объяснить, почему ее ответ был мне особенно неприятен. Я не переставал думать об этом в течение всего своего дежурства, которое кончилось в половине двенадцатого.

Когда раздался первый звонок к завтраку, я поспешил в свою комнату вымыть руки и привести в порядок туалет, а затем стал быстро подниматься по лестнице Волчицы, предполагая, что завтрак будет подан в этой башне. Но в вестибюле я с удивлением остановился, услышав музыку. Кто в нынешних обстоятельствах решился играть на рояле в замке Геркулес? О, там к тому же пели, да, нежный мужской голос напевал вполголоса. Это была странная песня, то жалобная, то тревожная. Я знаю ее теперь наизусть — я столько раз потом слышал ее! Вы, быть может, хорошо ее знаете, если вам приходилось переезжать границу холодной Литвы и хоть раз побывать в обширной северной империи. Это песня полуобнаженных дев, завлекающих путника в волны и без сожаления топящих его, это песня озера русалок. Вот ее примерный текст:

«Если ты пойдешь к Свитецу в ночные часы и станешь лицом к озеру, твоим глазам откроются звезды над головой и звезды под ногами, и ты увидишь две одинаковые луны... Видишь эти цветы, ласкающие

берег? Это жены и дочери Свитеца, которых Бог превратил в цветы. Они покачивают над бездной своими белыми головками, точно бабочки; их листья зеленеют, как иглы сосны, посеребренные инеем.

Образ невинности при жизни — они сохранили и после смерти свой девичий наряд; они живут в тени, и рука смертного не смеет коснуться их.

Царь со своей дружиной попытались однажды нарвать этих чудных цветов, чтобы украсить ими волосы и стальные шлемы.

Но все, кто вытягивал руку над волнами (так ужасна власть этих цветов!), были поражены тяжелой болезнью или падали замертво.

Когда время изгладило это из памяти людей, в народе сохранилось лишь воспоминание о наказании, и народ, увековечив его в своих сказаниях, назвал цветы эти «царями»!

Царица озера медленно удалилась, озеро разверзлось до глубочайших пучин, но взор тщетно искал прекрасную незнакомку, которую с головой накрыла волна и о которой никто и никогда больше не слышал...»

Вот что пел этот нежный мужской голос под меланхоличный аккомпанемент рояля. Я толкнул дверь и очутился лицом к лицу с молодым человеком, поднявшимся мне навстречу. За своей спиной я услышал шаги Эдит. Она познакомила нас. Передо мной был князь Галич.

Князь представлял собой то, что в романах принято называть «красивый задумчивый молодой человек»: прямой и немного жесткий профиль придавал бы его лицу строгое выражение, если бы в ясных, нежных и трогательно чистых глазах не сквозила душа ребенка. Эти глаза были обрамлены густыми ресницами такой черноты, как будто они были выкрашены; обратив внимание на эту особенность, вы

сразу же находили объяснение своеобразному выражению лица князя.

Кожа его была даже слишком прозрачна и свежа, как у женщин или чахоточных больных. Таково было мое впечатление, но я внутренне был слишком предубежден против князя Галича, чтобы придать этому какое-нибудь значение. Я нашел его чересчур юным, без сомнения потому, что сам уже был не молод.

Я не знал, что сказать этому князю, распевавшему экзотические песни; миссис Эдит улыбнулась моему замешательству, взяла меня под руку, — что доставило мне большое удовольствие, — и повела нас через передний двор в ожидании второго звонка к завтраку, который должны были подать под навесом из пальмовых листьев на площадке башни Карла Смелого.

Завтрак. Нами овладевает панический страх

В двенадцать часов мы сели за стол на террасе Карла Смелого, с которой открывался роскошный вид на окрестности. Листва пальм давала скудную тень; мы бы не вынесли блеска раскаленного светила, если бы предусмотрительно не вооружились темными очками, о которых я уже упомянул в начале этой главы.

На завтраке присутствовали: профессор Стангерсон, Матильда, старый Боб, Дарзак, Артур Ранс, Эдит, Рультабий, князь Галич и я. Рультабий сидел спиной к морю, почти не интересуясь сидевшими за столом, и мог наблюдать за всем, что происходило на территории замка. Слуги находились на своих местах: папаша Жак у входной решетки, Маттони у ворот башни Садовника и Бернье в Квадратной башне перед дверью в комнаты Дарзаков.

Сначала все молчали. Со стороны мы, наверно, производили жуткое впечатление, безмолвно сидя вокруг стола в своих темных очках, за которыми невозможно было разглядеть наших глаз так же, как и угадать мысли.

Князь Галич заговорил первый. Он был очень любезен с Рультабием и даже пробовал сделать ему комплимент, намекая на известность репортера, на что последний ответил довольно грубо. Князь, по-видимому, нисколько не обиделся и объяснил, что интересуется моим другом с тех пор, как узнал, что Рультабий должен вскоре выехать в Россию. На это репортер возразил, что ничего еще не решено и что он ждет приказаний редакции; князь очень удивился и вытащил из кармана газету. Это была статья на русском. Он перевел нам несколько строк, говоривших о скором приезде Рультабия в Петербург. По словам князя, там, в высших правительственных кругах, разыгрывались события столь невероятные, что по совету парижского начальника охраны русская полиция решилась просить редакцию газеты «Эпок» отпустить своего молодого репортера. Князь Галич представил дело в таком виде, что Рультабий покраснел до самых ушей и сухо заявил, что никогда в своей еще короткой жизни не выполнял полицейских обязанностей и что парижский начальник охраны и глава русской полиции — два идиота. Князь расхохотался, показывая свои красивые зубы, и я заметил, что улыбка его вовсе не приятна, а, наоборот, жестока и глупа, как улыбка ребенка на устах взрослого человека. Он вполне разделял мнение Рультабия и сказал:

— В самом деле, отрадно вас слушать, потому что в наше время от журналиста начинают требовать исполнения обязанностей, не имеющих ничего общего с занятием литературой.

Рультабий промолчал, и разговор оборвался. Эдит вновь оживила его, с восхищением заметив, как роскошна природа этих мест. Но, по ее мнению, на всем берегу не было ничего великолепнее вавилонских садов, о чем она и заявила, не без коварства прибавив:

— Они кажутся нам тем прекраснее, что на них можно смотреть лишь издали.

Удар был направлен очень метко, и я был уверен, что князь ответит на него приглашением. Но он не сделал ничего подобного. Эдит поджала губы и вдруг объявила:

— Не хочу больше вас обманывать, князь: я уже видела ваши сады.

— Каким образом? — осведомился тот с непонятным хладнокровием.

— Да, я была там...

Тут она рассказала, как ей удалось познакомиться с вавилонскими садами; князь слушал ее с ледяным выражением лица. Оказывается, она проникла туда с задней стороны, через калитку, непосредственно соединяющую сад с лесом на горе. Чем дальше Эдит углублялась в аллеи прекрасного парка, тем больше росло ее восхищение, несмотря на то что она была готова к чудесам вавилонских садов, тайну которых так смело нарушила. Незаметно для себя она подошла к небольшому черному, как уголь, пруду, на берегу которого увидела маленькую сморщенную старушку с подбородком, похожим на галошу. В руке у нее была большая калла. Заметив незваную гостью, маленькая старушка пустилась в бегство: она была так легка, что опиралась на каллу, как на палку. Все это было столь комично, что Эдит не могла удержаться от смеха. Она позвала старушку, но та еще больше напугалась и скрылась со своим цветком за стволом фигового дерева.

Эдит продолжала путь, но уже не так уверенно. Вдруг она услышала шелест листвы и тот особый шум, который производят дикие птицы, когда, вспугнутые охотником, вырываются из зеленой чащи. Это оказалась вторая старушка, такая же маленькая и еще более сморщенная, чем первая, но опиравшаяся уже на настоящую палку. Эдит потеряла ее из виду на повороте тропинки. И тут третья старушка, с двумя палками, отделилась от ствола гигантского эвкалипта и быстро скрылась, ловко управляясь со своими четырьмя ногами. Эдит пробиралась все дальше. Так она добралась до мраморной лестницы виллы, обрамленной розами, но три старушки выстроились на верхней ступени, как сороки на ветке, и угрожающе закаркали. Пришла очередь Эдит спасаться бегством.

Она рассказала о своем приключении с такой очаровательной непосредственностью и поэтичностью, что я был совершенно очарован и понял, насколько некоторые женщины, в которых нет ничего естественного, могут сильнее действовать на сердце мужчины в сравнении с теми, за которыми нет ничего, кроме природы.

Князь, по-видимому, нисколько не смутился и серьезно сказал:

— Это мои феи. Они не оставляли меня со дня моего рождения в Галицкой земле. Я не могу ни работать, ни жить без них. Я выхожу из дома только с их разрешения, и они приглядывают за мной с ревнивым постоянством.

Князь не успел окончить своего фантастического объяснения присутствия трех старух в вавилонских садах, как вошел Уолтер, лакей старого Боба. Он принес телеграмму Рультабию. Последний попросил разрешения вскрыть ее и прочел вслух:

«Приезжайте как можно скорее, ждем вас с нетерпением. Предстоит великолепный репортаж в Петербурге».

Телеграмма была подписана редактором «Эпок».

— Что вы теперь скажете, господин Рультабий? — спросил князь. — Не находите ли вы, что я прекрасно осведомлен?

Дама в черном не смогла сдержать вздоха.

— Я не поеду в Петербург, — объявил Рультабий.

— Об этом будут жалеть при дворе, — заметил князь. — И позвольте сказать вам, молодой человек, что вы упускаете случай составить карьеру.

Обращение «молодой человек» очень не понравилось Рультабию, который открыл рот, чтобы возразить, но тотчас, к моему изумлению, его закрыл. Князь продолжал:

— ...Вы нашли бы там блестящее поле деятельности. Достойное человека, который сумел разоблачить Ларсана!..

Это имя прозвучало среди нас как удар грома, заставив всех опустить глаза за темными стеклами очков. Наступившее молчание было ужасно... Мы застыли на своих местах, как статуи.

Ларсан!.. Почему это имя, которое мы произносили довольно часто в последние сорок восемь часов, это имя, воплощавшее опасность, с которой мы начали свыкаться, — почему именно в этот момент оно произвело — по крайней мере на меня, — такое оглушительное действие? Мне хотелось убежать, и я чувствовал, что буду не в силах сдержаться, если встану со стула... Воцарившееся молчание усиливало это невероятное состояние гипноза... Почему никто не говорил?.. Что стало с веселостью старого Боба?.. Его совсем было не слышно за завтраком!.. А другие, другие, почему они оставались безмолвными за своими

темными очками?.. Вдруг что-то заставило меня повернуть голову и посмотреть назад. И тут я понял, что кто-то смотрит на меня... чьи-то глаза были устремлены в мою сторону. Я не видел этих глаз, но я чувствовал взгляд... это был его взгляд... Тем не менее позади меня никого не было... ни справа, ни слева, ни спереди... никого, кроме людей, неподвижно сидевших вокруг стола. Тогда... тогда мной овладела уверенность, что глаза Ларсана смотрели на меня через одни из этих очков!.. Ах! Эти черные очки! Черные очки, за которыми скрывался Ларсан!.. А затем, сразу, я перестал что-либо чувствовать... Глаза, без сомнения, перестали глядеть... я вздохнул свободно... Вслед за этим я услышал еще два вздоха... Неужели Рультабий и дама в черном тоже почувствовали, одновременно со мной, гнет этих глаз?.. Старый Боб заговорил:

— Князь, я вовсе не думаю, что ваша последняя бедренная кость середины посттретичного периода...

И темные очки задвигались... Рультабий встал и сделал мне знак. Я нагнал его в зале заседаний. Как только я вошел, он запер дверь и сказал:

— Ну что, вы почувствовали его присутствие?

Я, задыхаясь, пробормотал;

— Он там!.. Он там!.. Если только мы не сошли с ума!..

Помолчав, я продолжал уже спокойнее:

— Вы знаете, Рультабий, не будет ничего удивительного, если мы сойдем с ума... Этот Ларсан доведет нас до сумасшедшего дома!.. Еще нет двух дней, как мы сидим, запершись в замке, и посмотрите, в каком состоянии...

Рультабий перебил меня:

— Но я чувствую его!.. Он там!.. Я почти касаюсь его!.. Но как?.. С тех пор как я вступил в замок,

я чувствую, что не должен из него уходить!.. Я не попадусь в ловушку!.. Я не пойду искать его вне замка!..

Затем он успокоился совершенно, наморщил брови, закурил свою трубку и произнес, как в былые дни, хорошие дни, когда он еще не подозревал о том, что его связывает с Матильдой, когда его разум еще не был смущен голосом сердца:

— Подумаем!..

И он немедленно обратился к аргументу, которым уже не раз пользовался и который непрестанно повторял себе, чтобы, как он выражался, не дать себе увлечься внешней стороной дела. «Не искать Ларсана там, где он показывается, искать его всюду, где он скрывается».

Это очевидно вытекало из следующей предпосылки: «Он так свободно появляется там, где его нет, лишь для того, чтобы его не увидели там, где он есть».

И Рультабий продолжал:

— Ах! Внешняя сторона дела! Видите ли, Сенклер, бывают минуты, когда я хотел бы вырвать себе глаза! Вырвем же наши глаза, Сенклер, на пять минут... только на пять минут... и тогда мы, быть может, увидим все!

Он сел, положил трубку на стол и, взяв голову в руки, сказал:

— Вот, у меня нет больше глаз. Скажите мне, Сенклер: кто сейчас находится в замке?

— Кого я вижу в замке? — повторил я.

— Да нет! Да нет же! У вас нет больше глаз, вы больше ничего не видите! Перечислите, не видя! Перечислите всех!

— Прежде всего, вы и я, — сказал я, начиная наконец понимать, чего он хочет.

— Прекрасно.

— Ни вы, ни я, — продолжал я, — не можем быть Ларсаном.

— Почему?

— Почему?..

— Нет-нет, скажите!.. Вы должны сказать — почему? Я допускаю, что я не Ларсан, я уверен в этом, потому что я Рультабий, но вы — ведь вы не Рультабий! Докажите же мне, что вы не Ларсан!

— Если бы я был Ларсаном, вы увидели бы это!..

— Несчастный! — завопил Рультабий, сильнее нажимая кулаками на глаза. — У меня нет глаз! Я не могу вас видеть!.. Если бы жандармский бригадир Жарри не видел, что за игру в Трувиле садится граф де Мопа, он мог бы догадаться, что человеком, сдававшим карты, был Боллмейер! Если бы Нобле не встретился однажды вечером у госпожи Труайон с человеком, которого он знал как виконта Друэ д'Эрлон, он мог бы поклясться, что человеком, которого он собирался арестовать и не арестовал, потому что видел, был Боллмейер! Если бы инспектор Жиро, знавший графа де Моттевиля так же близко, как вы знаете меня, не видел на скачках в Лоншане графа де Моттевиля с двумя его друзьями, он арестовал бы Боллмейера! Ах, Сенклер, — прибавил молодой человек глухим и дрожащим голосом, — мой отец родился раньше меня... Нужно быть очень сильным, чтобы его арестовать!..

Эти слова были произнесены с таким отчаянием, что я только воздел руки к небу, чего Рультабий не заметил, так как он не хотел больше ничего видеть!..

— Нет! Нет! Не нужно никого больше видеть! — повторял он. — Ни вас, ни Станжерсона, ни Дарзака, ни Артура Ранса, ни старого Боба, ни князя Галича... Нужно лишь знать, почему каждый из них не может быть Ларсаном! Только тогда я буду спокойно дышать за этими каменными стенами...

Под сводами ворот раздавались равномерные шаги Маттони, несшего караул.

— А слуги? — произнес я с усилием. — А Маттони?.. А другие?

— Я знаю, знаю наверняка, что они не покидали форт Геркулес в то время, когда Ларсан показался Дарзакам на вокзале в Бурге...

— Признайтесь также, Рультабий, — прибавил я, — что вы не упомянули о них, потому как сейчас их не было за темными очками?

Рультабий топнул ногой и закричал:

— Молчите! Молчите, Сенклер!.. Вы раздражаете меня больше, чем моя мать!

Эта фраза, сказанная в гневе, странным образом поразила меня. Мне хотелось спросить Рультабия о душевном состоянии дамы в черном, но он продолжал:

— Итак, Сенклер — не Ларсан, потому что Сенклер был со мной в Тренспре в то время, как Ларсан был в Бурге. Профессор Станжерсон — не Ларсан, потому что он был на линии Дижон-Лион в то время, как Ларсан был в Бурге. Прибыв в Лион на одну минуту раньше него, Дарзаки видели, как он выходит из поезда. Но если для того, чтобы быть Ларсаном, достаточно быть в Бурге, то все могли бы оказаться Ларсаном, потому что все могли быть в Бурге. Во-первых, Дарзак был там; потом, Артур Ранс отсутствовал в течение двух дней перед прибытием профессора и Дарзака. Он вернулся в Ментону как раз к их приезду — Эдит сама говорила мне, что ее муж должен был уехать по делам на два дня. Старый Боб уезжал в Париж. Наконец, князя Галича никто не видел ни у гротов, ни вне валлонских садов... Начнем с Дарзака.

— Рультабий! — вскрикнул я. — Это кощунство!

— Я знаю!

— Это глупо!..

— Знаю... Но почему?

— Потому что, — заговорил я вне себя, — Ларсан, конечно, может быть гением, он, возможно, сумеет обмануть полицейского, журналиста, репортера и, добавлю я, Рультабия... Он, возможно, сумеет обмануть дочь и сыграть роль ее отца, — я имею в виду профессора Станжерсона... Но ему никогда не удастся обмануть женщину и сойти за ее жениха. Эх, мой друг, Матильда Станжерсон знала Дарзака гораздо раньше, чем переступила под руку с ним порог форта Геркулес!..

— Но она знала также Ларсана! — прибавил холодно Рультабий. — Итак, мой дорогой, ваши доводы очень сильны, но так как я точно не знаю, до каких пределов простирается гений моего отца, я предпочитаю, чтобы вернуть Роберу Дарзаку его личность, которую не собирался, впрочем, у него отнимать, основываться на более прочном аргументе: если бы Робер Дарзак был Ларсаном, Ларсан не являлся бы несколько раз Матильде Станжерсон, потому что именно появление Ларсана и отдаляет Матильду Станжерсон от Робера Дарзака!

— Эх! — вздохнул я. — К чему напрасные рассуждения, когда стоит только открыть глаза?.. Откройте их, Рультабий!

Он послушался меня.

— На кого? — произнес он с невыразимой горечью. — На князя Галича?

— Почему нет? Он вам нравится, этот черноземный князь, распевающий литовские песни?

— Нет, — ответил Рультабий, — но он нравится госпоже Эдит.

И он ехидно рассмеялся. Я сжал кулаки. Он заметил это, но притворился, что ничего не видит.

— Князь Галич — нигилист, который нисколько меня не интересует, — сказал он спокойно.

— Вы уверены в этом?.. Кто вам сказал?

— Жена Бернье знакома с одной из маленьких старушек, о которых Эдит рассказывала нам за завтраком. Я навел справки. Это мать одного из трех несчастных, повешенных в Казани за покушение на кого-то. Я видел снимки... Другие две старушки — матери остальных... Ничего интересного! — резко заключил Рультабий.

Я не мог удержать жест восхищения.

— Вы не теряете времени даром!

— Другой также, — буркнул он.

Я скрестил руки.

— А старый Боб? — спросил я.

— Нет, дорогой мой, нет! — воскликнул почти в бешенстве Рультабий. — Этот нет!.. Вы заметили, что он носит парик, не правда ли?.. Так вот, можете быть уверены, что, когда мой отец надевает парик, этого не видно!

Он сказал это с такой злобой, что я хотел уйти, но он удержал меня:

— Ну что же?.. Мы еще ничего не сказали об Артуре Рансе!

— О! Этот не изменился... — ответил я.

— Опять глаза! Берегитесь ваших глаз, Сенклер!

Он сжал мне руку и ушел. Я на минуту остался на месте, погрузившись в раздумья. О, я был не прав, сказав, что Артур Ранс не изменился. Во-первых, теперь он чуть-чуть отпустил усы, что было совершенно ненормально для американца с его характером... Затем, он носил более длинные волосы, спустив широкую прядь на лоб... Кроме того, я не виделся с ним два года... люди всегда немного меняются за два года... и потом, Артур Ранс, который не пил ничего, кроме алкоголя, пьет только воду...

— Но, значит, Эдит?.. Ах, черт, я что, тоже с ума схожу?.. Почему я сказал «тоже»?.. Как... как дама в черном?.. как Рультабий?.. Разве я не нахожу, что Рультабий становится немного сумасшедшим?.. Ах! Дама в черном всех нас околдовала!.. Потому что дама в черном живет в постоянном страхе, — и мы дрожим под влиянием того же страха, что и она... Страх — заразная вещь... как холера.

О том, как я провел время между двенадцатью и пятью часами

Я воспользовался свободным временем и пошел немного отдохнуть в свою комнату, но спал я плохо, видя во сне, что старый Боб, Артур и Эдит — отвратительная шайка разбойников, поклявшихся погубить меня и Рультабия. Когда я проснулся под этим мрачным впечатлением и увидел древние башни и Старый замок, все эти грозные каменные глыбы, я понял причину своего кошмара и проговорил вслух: «В какую берлогу мы приехали искать спасения!» Подойдя к окну, я увидел Эдит, которая о чем-то беседовала с Рультабием, держа в своих красивых пальчиках яркую розу. Я сейчас же спустился во двор Карла Смелого, но уже не застал ее и последовал за Рультабием, который направлялся в Квадратную башню, совершая обход.

Я нашел его вполне спокойным, казалось, он вновь обрел власть над своими мыслями, а также глазами, которых он больше не закрывал. То, как он осматривает окружающую обстановку, всегда было зрелищем, достойным внимания. Ничто не ускользало от него. Квадратная башня, служившая жилищем Дамы в черном, была предметом его постоянных треволнений.

Тут, за несколько часов до того, как произошло таинственное нападение, я считаю уместным привести план жилого этажа этой башни, расположенного на одном уровне с двором Карла Смелого.

Войдя в Квадратную башню через единственную дверь K, вы попадаете в широкий коридор, составлявший когда-то часть караульного зала. Этот зал занимал прежде все пространство O, O_1, O_2, O_3 и был окружен каменными стенами, сохранившимися до сих пор. Эдит поставила в этом зале деревянные перегородки, отделив довольно большую комнату с намерением превратить ее в ванную. Дверь в эту комнату, служившую помещением для Бернье, находилась в S. Чтобы попасть в R, где была единственная дверь в комнаты Дарзаков, необходимо было пройти мимо Бернье. Муж или жена Бернье всегда должны были сидеть в своей комнате, из которой через небольшое окошко Y можно было наблюдать также за дверью V, служившей входом в комнаты старого Боба. Во время отсутствия Дарзаков единственный ключ от двери K находился у Бернье; это был специальный ключ, сделанный накануне в мастерской, известной одному Рультабию. Молодой репортер сам поставил замок

Рультабию очень хотелось, чтобы все те же предосторожности применялись и по отношению к старому Бобу, но последний воспротивился этому так энергично, что пришлось ему уступить. Старый Боб не хотел, чтобы с ним обращались как с преступником, и отстаивал свое право входить и выходить, когда ему вздумается, не прося всякий раз ключ у швейцара. Его дверь останется открытой, и он, таким образом, будет иметь возможность проходить из своей спальни или гостиной в рабочий кабинет в башне Карла Смелого, не стесняя ни себя, ни других. Из-за этого приходилось также оставить открытой и дверь К. Старый Боб потребовал этого, и Эдит поддержала его с некоторой иронией в голосе — иронией, относившейся к намерению Рультабия окружить старого Боба теми же предосторожностями, что и дочь профессора Станжерсона. «Но, господин Рультабий, мой дядя не боится, что его похитят», — сказала ему Эдит. И Рультабий понял, что ему остается лишь посмеяться вместе со старым Бобом над нелепой мыслью о похищении человека, единственное достоинство которого — обладание древним черепом! И он рассмеялся и согласился со старым Бобом, но на том условии, чтобы дверь К запиралась на ключ после десяти часов вечера и ключ этот оставался у супругов Бернье, которые откроют ему в случае надобности дверь. Это также стесняло старого Боба, который иногда очень поздно засиживался за работой в башне Карла Смелого. Но он, со своей стороны, не хотел во всем перечить этому славному Рультабию, который, как он говорил, боялся воров! Впрочем, в оправдание старого Боба я должен прибавить, что если он так неохотно шел навстречу моему юному другу, то лишь потому, что его не стали посвящать в восстание Ларсана из мертвых. Конечно,

старику приходилось слышать немало рассказов о необыкновенных несчастьях, свалившихся на голову бедной мадемуазель Станжерсон, но он и не подозревал, что она не освободилась от этих несчастий, став госпожой Дарзак. Кроме того, старый Боб был эгоистом, как почти все ученые.

Рультабий, любезно осведомившись о здоровье тетушки Бернье, которая чистила картофель, доставая его из стоявшего на полу огромного мешка, попросил старика Бернье открыть нам дверь в комнаты Дарзаков.

Я в первый раз увидел спальню Дарзака. Она показалась мне холодной и темной. Эта большая комната была обставлена очень просто: туалетный столик был вдвинут в одно из заделанных теперь окон J; стена была так толста, что все это окно образовывало довольно большую нишу, из которой Дарзак и сделал себе туалетную комнату. Второе окно J_1 было меньше. Оба окна закрывали железные решетки с толстыми прутьями, между которыми с трудом можно было просунуть руку. Высокая дубовая кровать стояла в углу, образованном наружной стеной и каменной перегородкой, отделявшей спальню Дарзака от комнаты его жены. Прямо в углу башни находился вделанный в стену шкаф. Посредине комнаты стоял письменный стол, на котором лежали несколько научных книг и письменные принадлежности. Завершали меблировку кресло и три стула. Спрятаться в этой комнате иначе как в шкафу было немыслимо. Супругам Бернье был отдан строгий приказ осматривать этот шкаф, где висело платье Дарзака, всякий раз, как они убирали комнату, и сам Рультабий, который в отсутствии Дарзаков время от времени заходил в комнаты Квадратной башни, никогда не забывал порыться в нем.

Он проделал это в моем присутствии. Когда мы перешли затем в комнату госпожи Дарзак, мы были уверены, что никого не оставили в комнате Робера. Как только мы вышли из последней, сопровождавший нас Бернье запер, как и всегда, единственную дверь, соединявшую эту комнату с коридором. Комната госпожи Дарзак была меньше, но гораздо светлее и веселее комнаты ее мужа благодаря особому расположению окон. Как только мы переступили порог, Рультабий побледнел и, повернув ко мне свое доброе и погрустневшее лицо, спросил:

— Ну что, Сенклер, вы улавливаете аромат дамы в черном?

Черт возьми, нет! Я ничего не чувствовал. Окно, загороженное решеткой, как и все другие, выходившие на море, было широко открыто, и легкий ветерок колебал занавеску, висевшую на карнизе над вешалкой, которая была прибита к одной из стен. Другая стена была занята кроватью. Вешалка была прибита так высоко, что висевшие на ней платья и пеньюары, а также закрывавшая их занавеска не достигали пола, так что всякому пожелавшему там скрыться невозможно было бы спрятать ноги. Также невозможно было и повиснуть на вешалке, так как она была очень легкой и не выдержала бы тяжести человеческого тела. Это, однако, не помешало Рультабию тщательно осмотреть весь гардероб. В комнате не было стенного шкафа. Туалет, письменный стол, кресло, два стула, четыре стены — и в них никого, кроме нас.

Рультабий, заглянув под кровать, сделал знак, что пора уходить, и быстро вытолкал нас из помещения Дарзаков. Сам он вышел последним. Бернье сейчас же запер дверь маленьким ключом, который и спрятал в верхний карман жилета, застегнувшись затем на все пуговицы. Мы обошли все коридоры,

а также помещение старого Боба, состоявшее из гостиной и спальни, столь же доступных для осмотра, как и комнаты Дарзаков. В комнатах никого не было, обстановка казалась очень скромной: стенной шкаф, книжный шкаф, наполовину пустые, с открытыми дверцами. Когда мы выходили из помещения, тетушка Бернье расположилась на пороге своей двери, по-прежнему занятая чисткой картофеля.

Мы зашли в комнату Бернье и осмотрели ее так же, как и все прочие. Остальные этажи были необитаемы и сообщались с нижним посредством узкой внутренней лестницы, начинавшейся в O_3 и кончавшейся на вершине башни. Люк в потолке комнаты Бернье закрывал лестницу. Рультабий потребовал молоток и гвозди и заколотил люк. Таким образом, пользоваться лестницей стало невозможно.

Можно смело утверждать, что ничто не ускользало от Рультабия и он, совершив обход Квадратной башни, не оставил там никого, кроме супругов Бернье. Можно равным образом сказать, что ни одного человека не было в помещении Дарзаков до тех пор, как Бернье несколько минут спустя не открыл его сам Дарзаку, о чем я сейчас расскажу.

Было приблизительно без пяти минут пять, когда мы, оставив Бернье в коридоре перед дверью в комнату Дарзака, вышли с Рультабием во двор Карла Смелого, дойдя до площадки старой башни B_{II}. Усевшись на парапете, мы смотрели на берег, привлеченные кровавой окраской Красных Скал, как вдруг заметили на краю Большой Бармы, разинувшей свою таинственную пасть среди пылающих скал, пляшущий силуэт старого Боба. Он был единственным черным пятном на фоне Красных Скал. Силой какого волшебного анахронизма этот факельщик из похоронного бюро, в своем черном сюртуке и высоком цилинд-

перенесся ко входу в эту трехсоттысячелетнюю пещеру, образовавшуюся в кипящей лаве, чтобы служить первой кровлей первой семье в первые дни земли? Этот мрачный землекоп потрясал своим черепом и хохотал... хохотал... хохотал. Ах! Как этот смех теперь был неприятен нам! Он резал нам слух.

От старого Боба наше внимание переключилось на Робера Дарзака, который только что прошел под воротами башни Садовника и пересекал двор Карла Смелого. Он не заметил нас. Ему-то было не до смеха! Рультабий жалел его и понимал, что терпение Дарзака должно скоро истощиться. После завтрака Дарзак еще раз сказал моему другу, который потом передал мне этот разговор:

— Неделя — это много! Я не знаю, смогу ли я выносить эту муку еще целую неделю.

— Куда же вы поедете? — спросил его Рультабий.

— В Рим! — ответил тот.

Очевидно, дочь профессора Станжерсона последует за ним только туда, и, как полагал Рультабий, именно соображение, что папа может уладить их дела, навело несчастного Дарзака на мысль о путешествии! Бедный, бедный Дарзак! Нет, правда, его судьба была слишком печальна. Мы не сводили с него взгляда, пока он не вошел в Квадратную башню. Его стан еще больше согнулся. Он держал руки в карманах. У него был такой вид, точно ему все опротивело, все! Да, с руками в карманах у него действительно был такой вид! Но потерпите, он вынет свои руки из карманов и перестанет давать повод для улыбок! И я, который улыбнулся, могу признаться: Дарзак при гениальном содействии Рультабия заставил меня пережить ужас, который вряд ли когда-либо переживали люди!.. А сейчас! Кто бы поверил этому!..

Дарзак прошел прямо в Квадратную башню, где его, разумеется, встретил Бернье, открывший ему дверь в его комнату. Так как Бернье стоял перед этой дверью, так как ключ был у него в кармане и так как впоследствии было установлено, что ни один из железных прутов оконной решетки не был подпилен, мы твердо заявляем, что в то время, когда Дарзак вошел в свою комнату, в ней никого не было. И это правда.

Разумеется, все это было установлено нами после, если я и говорю вам об этом раньше, то лишь потому, что я уже был под влиянием того необъяснимого, что в эту минуту еще скрыто во мраке, но готово выйти наружу. В тот момент было пять часов.

Вечер с пяти часов до той минуты, когда было совершено нападение на Квадратную башню

Мы с Рультабием проболтали еще около часа, сидя на площадке башни $В_{II}$. Вдруг Рультабий ударил меня по плечу и, воскликнув: «А я думаю!..» — исчез в Квадратной башне, куда и я последовал за ним. Мне даже в голову не приходило то, о чем он думал. А думал он о мешке с картофелем, который и высыпал на пол комнаты Бернье, к полному недоумению добрейшей старушки. Затем, получив ответ на терзавший его вопрос, Рультабий вернулся вместе со мной во двор Карла Смелого.

Госпожа Дарзак показалась на минуту в окне комнаты, занятой ее отцом на втором этаже Волчицы.

Жара стала невыносимой. Приближалась сильная гроза, и мы надеялись, что она разразится как можно скорее. Море сделалось неподвижным, точно затянутым слоем масла. Мы чувствовали тяжесть в груди. Все, что осталось проворного — на земле и

в небесах, — это фигура старого Боба, вновь показавшаяся у входа в пещеру Большой Бармы. Он размахивал руками. Можно подумать, что он пляшет. Но нет, он держал речь. Однако к кому он обращается? Мы перегибаемся через парапет, чтобы получше рассмотреть. На песчаном берегу, несомненно, есть кто-то, с кем старый Боб делится своими доисторическими фантазиями. Но пальмовые листья скрывают от наших глаз собеседников старого Боба. Наконец, его аудитория приходит в движение и приближается к «черному профессору», как называет его Рультабий. Аудитория состоит из двух человек: Эдит... Это может быть только она, с ее кошачьей грацией и манерой опираться на руку мужа... На руку мужа? Но это не ее муж! Что же это за человек, молодой человек, на руку которого Эдит опирается столь изящно?

Рультабий оборачивается, пытаясь найти глазами кого-нибудь, кто мог бы прояснить нам этот вопрос. Бернье как раз стоит на пороге двери в Квадратную башню. Рультабий делает ему знак подойти.

— Кто это с госпожой Эдит? — спрашивает репортер.

— Князь Галич, — отвечает без колебаний Бернье.

Мы с Рультабием недоуменно переглядываемся. Мы еще ни разу не видели князя Галича издали и не наблюдали за его походкой, но, право, я никогда не думал, что у него такая манера ходить... И потом он казался мне меньше ростом... Рультабий угадывает мою мысль и пожимает плечами.

— Хорошо, — говорит он Бернье. — Спасибо...

И мы продолжаем наблюдать за Эдит и ее князем.

— Надо признаться, — добавляет Бернье, прежде чем оставить нас, — этот князь не особенно мне нравится. Он слишком нежен, слишком белокур...

и глаза у него слишком светлые. Говорит, что он русский. Приезжает, покидает страну, никого не предупреждая! Предпоследний раз, когда его пригласили завтракать, хозяева ждали его и долго не решались сесть за стол. И тут вдруг приходит телеграмма, в которой он извиняется и пишет, что не может быть к завтраку, так как опоздал на поезд. А телеграмма из Москвы! — И Бернье, посмеиваясь, возвращается в свою башню.

Наши взоры по-прежнему устремлены на прибрежный песок. Эдит и князь продолжают прогулку, направляясь к гроту Ромео и Джульетты; старый Боб вдруг перестает жестикулировать, направляется к замку, входит в него, пересекает двор, и мы видим (с площадки башни $B_п$), что он больше не смеется: старый Боб — олицетворение скорби. Он не произносит ни слова, проходит под воротами. Мы окликаем его. Он нас не слышит. Боб несет перед собой в вытянутых руках старый череп; вдруг он разражается гневом, осыпая череп ужасными проклятиями. Он входит в круглую башню, и до нас еще долго доносится его брань и какие-то глухие удары. Можно подумать, что он бьется о стены.

В это время на часах Нового замка пробило шесть. И почти одновременно над морем прокатился первый отдаленный раскат грома. Горизонт совсем почернел.

Конюх Уолтер, славный малый, на редкость глупый, но по-собачьи преданный хозяину, каковым являлся для него старый Боб, прошел под воротами башни Садовника и, оказавшись во дворе Карла Смелого, приблизился к нам. Он передал мне и Рультабию по письму и продолжил свой путь к Квадратной башне. Рультабий остановил его и спросил, что он собирается там делать. Уолтер ответил, что хочет передать Бернье почту для госпожи и господина

Дарзак; это было сказано по-английски, так как Уолтер не знает другого языка, мы же владеем английским в достаточной мере, чтобы понять его. Уолтер стал разносить почту, после того как папаше Жаку запретили покидать входные ворота. Рультабий забрал у него письма, сказав, что сам передаст их.

В эту минуту упали первые капли дождя. Мы направились к двери в комнату Дарзака; в коридоре, сидя на стуле, Бернье курил свою трубку.

— Дарзак все еще там? — спросил Рультабий.

— Не шелохнулся, — ответил Бернье.

Мы постучали и услышали звук отодвигаемого изнутри запора. (Эта задвижка всегда должна была запираться, как только кто-нибудь входил в комнату, — таково было требование Рультабия.)

Когда мы вошли к Дарзаку, он был занят своей корреспонденцией за маленьким письменным столом, как раз напротив двери R, лицом к ней. Но следите внимательно за всеми нашими движениями. Итак, Рультабий ворчит, что полученное им письмо повторяет утреннюю телеграмму: редакция торопит его вернуться в Париж, с тем чтобы непременно послать в Россию.

Дарзак рассеянно пробегает глазами те две или три письма, которые мы ему передали, и кладет их в карман. Я протягиваю Рультабию только что полученное мною послание от моего парижского друга, который сообщает мне кое-какие несущественные подробности об отъезде Бриньоля и вместе с тем пишет, что Бриньоль оставил адрес для корреспонденции: Соспель, Альпийская гостиница. Это в высшей степени интересно, и Дарзак с Рультабием обрадовались новым сведениям. Мы решаем отправиться в Соспель, как только представится возможность, и выходим из комнаты Дарзака. Дверь в комнату

жены не заперта — я вижу это собственными глазами. Госпожи Дарзак в ее комнате нет. Как только мы выходим, Бернье тотчас запирает за нами дверь на ключ... я видел это, точно видел... и ключ кладет в карман своего жилета. Я как сейчас вижу, как он кладет ключ в верхний карман жилета, клянусь в этом!.. и застегивает пуговицу.

Затем мы все втроем выходим из Квадратной башни, все втроем, оставив в коридоре лишь Бернье, верного сторожевого пса, каким он был до самого последнего дня. Если он и был когда-то браконьером, это еще не значит, что он не может быть отменным сторожем. Наоборот, сторожевые псы как раз и промышляют браконьерством. И я могу во всеуслышание заявить, что бы ни последовало дальше: Бернье всегда исполнял свой долг и говорил только правду. Его жена также прекрасно исполняла свои обязанности и к тому же была не болтлива. Теперь, овдовев, она служит у меня и будет рада прочесть мое мнение о ней, а также похвалу ее мужу. Они оба заслужили это.

Было около половины седьмого, когда мы, выйдя из Квадратной башни, отправились втроем — я, Рультабий и Дарзак — навестить Боба в Круглую башню. Едва мы успели войти в залу, как Дарзак вскрикнул при виде своего наброска, над которым он работал со вчерашнего дня. Он пытался воспроизвести план форта Геркулес в том его виде, какой он имел в XV столетии, по документам, показанным нам Артуром Рансом. Чертеж был весь измят, и краска расплылась. Дарзак тщетно пытался получить объяснение от старого Боба, который стоял на коленях перед ящиком со скелетом и был настолько поглощен изучением берцовой кости, что не удосужился ответить ему.

Я должен сделать маленькое отступление, чтобы извиниться перед читателем за те подробности, с которыми я воспроизвожу все наши поступки и жесты, но я должен оговориться, что самые незначительные поступки имели в действительности большую важность, так как каждый шаг, который мы делали, приближал нас к драме, о чем мы, увы, и не подозревали.

Ввиду того что старый Боб продолжал пребывать в дурном настроении, мы с Рультабием ушли, оставив Дарзака перед его испорченным чертежом. Выйдя из Круглой башни, я поднял глаза к небу, на которое наползала огромная черная туча. Гроза была близка. Дождь уже начинал накрапывать, но мы задыхались.

— Я пойду лягу, — объявил я. — Я не могу больше... Может быть, наверху с открытыми окнами будет посвежее...

Рультабий пошел со мной в Новый замок. Вдруг, когда мы уже поднялись на первую площадку широкой лестницы, он остановил меня.

— Постойте, — проговорил он шепотом, — она здесь...

— Кто?

— Дама в черном! Разве вы не чувствуете? Лестница благоухает ею!.. — И он скрылся за ближайшей дверью, попросив меня продолжать мой путь, не обращая на него внимания, что я и сделал.

Каково же было мое изумление, когда, распахнув дверь в свою комнату, я очутился лицом к лицу с Матильдой!.. Она вскрикнула и исчезла в полумраке, улетев, как вспугнутая птица. Я бросился к лестнице и наклонился над перилами. Она скользнула вниз по ступеням, как призрак. Вскоре она была уже на первом этаже; под собой я увидел Рультабия, который, перегнувшись через перила нижней площадки, смотрел ей вслед. Рультабий поднялся ко мне.

— Ну! — сказал он. — Что я вам говорил!.. Несчастная!..

Он казался сильно взволнованным.

— Я попросил у Дарзака неделю... Но нужно, чтобы все было окончено через двадцать четыре часа, иначе моих сил не хватит!..

И он рухнул на стул, сорвав галстук и простонав:

— Я задыхаюсь!.. Задыхаюсь!

— Воды! — воскликнул я и бросился к графину, но мой друг остановил меня.

— Нет!.. Мне нужно небесной воды... — И он указал на черное небо, которое все никак не разражалось дождем.

Десять минут он просидел в раздумьях на стуле. Меня удивляло, что Рультабий не задал мне вопроса, за каким занятием застал я в своей комнате даму в черном. Я затруднился бы ответить ему. Наконец, он поднялся.

— Куда вы?

— На пост, стеречь ворота.

Даже обед он попросил принести ему туда. Остальные сели обедать в половине девятого в зале Волчицы. Робер Дарзак, пришедший из комнаты старого Боба, заявил, что последний не хочет есть. Эдит, беспокоясь о здоровье старика, сейчас же отправилась в Круглую башню. Она не захотела, чтобы Артур Ранс сопровождал ее; у них, по-видимому, были весьма натянутые отношения. Во время этих пререканий вошла дама в черном под руку с профессором Станжерсоном. Матильда посмотрела на меня с трогательным упреком. Она не сводила с меня взгляда. Никто ничего не ел. Артур Ранс не мог оторвать глаз от дамы в черном. Все окна были открыты, и все-таки мы задыхались. Сверкнула молния, за ней раздался страшный удар грома, и наконец начался ливень. У присутствующих

вырвался вздох облегчения. Эдит вернулась как раз вовремя — она не попала под страшный дождь, который грозил затопить весь полуостров.

Эдит оживленно начала рассказывать про старого Боба: когда она пришла в его комнату, он сидел за письменным столом, сгорбившись и обхватив голову руками. Старик упорно не отрывал рук от ушей и не отвечал на ее вопросы. Тогда она легонько ткнула его булавкой с рубиновой головкой, которой обыкновенно закалывала складки легкого шарфа, наброшенного на плечи. Он зарычал, вырвал у нее эту булавку и с яростью швырнул на стол. Затем, он прикрикнул, да так грубо, как еще никогда не говорил с ней:

— Госпожа племянница, оставьте меня в покое!

Эдит была настолько обижена этим тоном, что вышла, не прибавив ни слова и пообещав себе, что ноги ее не будет в этот вечер в Круглой башне. Выходя оттуда, она оглянулась, чтобы бросить последний взгляд на своего дядю, и остолбенела от того, что увидела. Череп валялся на столе старого Боба с выпавшей челюстью, весь в крови, а ее дядя, всегда обращавшийся с древностью очень деликатно, плевал на него! Ей стало страшно, и она убежала.

Робер Дарзак успокоил Эдит, заверив ее, что череп старого Боба был на самом деле вымазан не кровью, а краской. Я первый встал из-за стола, чтобы поспешить к Рультабию, а также чтобы уйти от взгляда Матильды. Зачем дама в черном приходила в мою комнату? Мне предстояло очень скоро это узнать.

Когда я вышел, молнии сверкали над моей головой, а дождь лил с удвоенной силой. Одним прыжком я оказался под воротами. Рультабия не было! Я нашел его на террасе B_{II}: он наблюдал за дверью в Квадратную башню и совершенно вымок под проливным

дождем. Я потряс его за плечо и попытался увести под ворота.

— Пусти меня! — воскликнул он. — Пусти же! Это потоп! Ах, как хорошо! Как прекрасен этот небесный гнев! У тебя нет желания заглушить своим криком гром? А я буду кричать, слушай! Я кричу!.. Я кричу!.. Го-го-го!.. Громче грома!.. Его уже не слышно!..

И он принялся кричать в ночную тьму, заглушая шум дождя и волн дикими воплями. На этот раз я серьезно испугался, что он потерял рассудок. Увы! Бедное дитя изливало в этих бессознательных криках сжигавшую его жестокую муку, пламя которой он не мог потушить в своем героическом сердце, муку быть сыном Ларсана!

Я резко обернулся, так как кто-то схватил меня за руку и темная фигура приникла ко мне среди бури:

— Где он?.. Где он?..

Это была Матильда Дарзак, которая также искала Рультабия. Новый удар молнии осветил нас. Рультабий, охваченный страданием, выкрикивал свои «Го-го!», которые, казалось, вот-вот разорвут ему грудь. Она услышала его. Мы промокли насквозь: дождь и море обдавали нас целыми потоками воды. Юбка госпожи Дарзак хлопала в темноте, как черный флаг, и обвивалась вокруг моих ног. Я вынужден был поддержать несчастную, так как чувствовал, что она вот-вот лишится чувств.

Вдруг среди этого хаоса стихии, среди этой бури, под проливным дождем, под рев разбушевавшегося моря я почувствовал ее аромат, нежный и проникновенный. О! Я понял! Я понял наконец, почему Рультабий узнал его через много лет... Да-да, это был запах, исполненный грусти, аромат, напоенный глубокой печалью... Особенный, едва уловимый и совершенно своеобразный, аромат заброшенного

цветка, обреченного расцвести только для себя... Наконец-то я ощутил его, запах, который навеял мне такие мысли, когда я пытался позднее анализировать его... Но этот аромат, нежный и одновременно навязчивый, одурманил меня посреди этой битвы вод, ветра и грозы — сразу, как только я его уловил. Необыкновенный аромат! Да, необыкновенный, потому что я двадцать раз проходил мимо дамы в черном, не замечая, не улавливая его своеобразия, и вот оно явилось мне в ту минуту, когда даже самые сильные запахи земли были сметены, как дыхание розы, морским ураганом. О, я осознал, что не всякий может понять аромат дамы в черном, что для этого нужно обладать высшим разумом и что, весьма возможно, в тот вечер на меня снизошло озарение, хотя я и не понимал, что́ совершается вокруг меня. Да, если вам удалось хоть раз уловить сей меланхоличный, пленительный и при этом безнадежный аромат — это было на всю жизнь! И ваше сердце с тех пор должно было благоухать нежностью, если это было сердце сына, как сердце Рультабия, или пылать страстью, если это было сердце любовника, как сердце Дарзака, — или пропитаться ядом, если это было сердце преступника, как сердце Ларсана... Нет-нет, у вас не хватило бы сил не замечать его больше! И теперь я понимаю Рультабия, и Дарзака, и Ларсана, и причину несчастий дочери профессора Станжерсона!..

Итак, дама в черном, держась за мою руку, среди бури звала Рультабия, но он неожиданно скрылся в ночи крича: «Духи дамы в черном!»

Несчастная зарыдала и увлекла меня за собой к Квадратной башне. Я постучал кулаком в дверь, которую нам открыл Бернье. Матильда не переставала плакать. Я утешал ее банальными фразами,

умоляя успокоиться, а между тем отдал бы свое состояние, лишь бы найти слова, которые, не выдавая никого, позволили бы ей, быть может, понять, какое участие я принимал в драме, разыгравшейся между матерью и сыном.

Она увлекла меня направо, в гостиную перед спальней старого Боба, без сомнения, лишь потому, что дверь в нее оставалась открытой. Здесь мы были также одни, как были бы одни и в ее комнате, потому что старый Боб поздно засиживался за работой в башне Карла Смелого.

Боже мой! Разумеется, воспоминание о минутах, проведенных в обществе дамы в черном, не самое тяжелое за тот вечер, но я был подвергнут допросу, которого не ожидал. Когда, даже не обращая внимания на то, в каком мы оба виде (с меня текли на паркет целые лужи, как со старого зонта), она спросила меня: «Давно ли вы, Сенклер, ездили в Трепор?» — я был ошеломлен, оглушен этим вопросом больше, чем всеми ударами грома. И я понял, что мне придется выдержать более опасный натиск, чем натиск волн, который веками выдерживают здешние скалы! Я, по всей видимости, выдал волнение, которое вызвал во мне этот неожиданный вопрос. Я ничего не ответил, только что-то пробормотал, при этом у меня был довольно нелепый вид. Много лет прошло уже с тех пор, но я как сейчас вижу ту сцену, точно смотрел на себя со стороны. Есть люди, которые могут вымокнуть, но выглядеть при этом вполне достойно. Дама в черном промокла насквозь, как и я, но была восхитительно прекрасна со своей полураспустившейся прической, обнажившейся шеей и изящными плечами, выделявшимися под намокшим шелком одежды, которая казалась мне покрывалом, наброшенным наследником Фидия на бессмертный

мрамор, превращенный под его резцом в шедевр! Я сознаю, что употребляю слишком напыщенные фразы. Это из-за волнения, которое не покидает меня при воспоминании о событиях той почи даже спустя много лет. Не буду больше останавливаться на этом предмете. Те, кому довелось видеть дочь профессора Станжерсона, поймут меня... Я же хочу здесь лишь засвидетельствовать перед лицом Рультабия почтительное восхищение, наполнившее мое сердце при виде его божественно-прекрасной матери, которая пришла умолять меня нарушить мою клятву. Потому что я поклялся Рультабию молчать, и вот, увы, мое молчание говорило красноречивее, чем самая горячая речь.

Она взяла мои руки в свои и сказала таким тоном, которого я не забуду никогда:

— Вы его друг. Скажите же ему, что мы оба достаточно страдали! — И прибавила с глухим рыданием: — Зачем он продолжает лгать?

Я молчал. Да и что я мог ответить? Эта женщина всегда держалась так отстраненно — со всеми вообще и со мной в частности. Я никогда не существовал для нее... И вот, после того как она позволила мне уловить аромат дамы в черном, она плачет передо мной, как старый друг.

Да, как старый друг... Я понял все из нескольких фраз, жалобных и простых, как любовь матери... все, что скрывал от меня этот маленький заговорщик Рультабий. Несомненно, эта игра в прятки не могла продолжаться дольше — они прекрасно разгадали друг друга. Движимая инстинктом, она хотела знать наверняка, кто этот Рультабий, который спас ее. Ему было столько же лет, сколько и тому — другому... и он так походил на другого. К ней в Ментону пришло письмо, доказывающее

что Рультабий солгал — он никогда не учился в Бордо. Она сейчас же потребовала у молодого человека объяснений, но тот отказался дать их. Когда же она заговорила о Трепоре, о колледже в д'О и нашем путешествии туда до прибытия в Ментону, он заволновался.

— Но как вы узнали об этом? — воскликнул я, выдавая тем самым себя с головой.

Она не стала торжествовать, вырвав у меня это невинное признание. В двух словах она разъяснила мне свою военную хитрость. Да, я застал ее в своей комнате неспроста, и она уже не в первый раз заглядывала туда. На моем багаже сохранилась этикетка с отметкой станции назначения д'О.

— Почему он не бросился в мои объятия? — простонала она. — Неужели, отказываясь быть сыном Ларсана, он никогда не захочет признать меня своей матерью?

Рультабий вел себя жестоко по отношению к этой женщине, которая считала своего ребенка мертвым, безутешно оплакивала его и которая наконец, среди всех этих страданий, увидела его живым, воскресшим... Ах, несчастный!.. Накануне вечером он расхохотался ей в лицо, когда она, обессилев, крикнула ему, что у нее был сын и что этот сын — он. Он расхохотался ей в лицо, задыхаясь от слез! Я никогда не думал, что Рультабий может быть так жесток, так скрытен и несправедлив...

Безусловно, он вел себя непозволительно. Он дошел до того, что крикнул ей: «Я не уверен, что у меня вообще есть какой-нибудь отец, даже и вор!» После этих-то слов она вошла в Квадратную башню и решила умереть. Но она не для того нашла потерянного сына, чтобы сейчас же вновь потерять его, и осталась жить. Я был вне себя! Я целовал ее руки.

Я просил у нее прощения за Рультабия. Итак, вот к какому результату привело поведение моего друга. Под тем предлогом, что должен защитить ее от Ларсана, он сам убивал ее! Я не хотел больше слышать об этом. Я знал слишком много. Я бросился бежать. Я позвал Бернье, который открыл мне дверь, и вышел из Квадратной башни, кляня Рультабия. Я надеялся найти его во дворе Карла Смелого, но там никого не было.

У ворот стоял на карауле Маттони. В комнате моего друга я увидел свет. Я взбежал по лестнице, перешагивая через несколько ступеней. Наконец, я оказался у двери и распахнул ее.

— Что вам угодно, Сенклер?

В нескольких отрывистых фразах я передал ему наш разговор с дамой в черном.

— Она не все вам сказала, мой друг, — возразил он ледяным тоном. — Она не сказала вам, что запретила мне трогать этого человека!

— Это правда, — воскликнул я. — Я слышал это!..

— Ну, так о чем же вы рассуждаете? — продолжал он грубо. — Вы не знаете, что она заявила мне вчера!.. Она приказала мне уехать! Она сказала, что предпочла бы умереть, чем видеть меня в борьбе с моим отцом!

Он ехидно ухмыльнулся.

— С моим отцом!.. Она, без сомнения, считает его сильнее меня!..

Он был страшен, произнося эти слова. Но вдруг он преобразился, и нежная улыбка озарила его милое лицо.

— Она боится за меня! Ну вот, я же — я тоже боюсь за нее!.. И я должен забыть, кто мой отец и кто моя мать!

В этот момент ночное безмолвие разорвал выстрел, а за ним раздался душераздирающий крик. Ах! Опять этот крик, как тогда, в необъяснимую ночь на галерее! Волосы встали дыбом у меня на голове.

Рультабий зашатался, как будто пуля попала в него. Затем подскочил к открытому окну и в отчаянии закричал:

— Мама! Мама!

Глава XI

НАПАДЕНИЕ НА КВАДРАТНУЮ БАШНЮ

Я вскочил за ним и из опасения обхватил его сзади руками, учитывая то состояние безумия, в котором он находился. В его криках: «Мама! Мама!» — слышалась такая ярость, такое отчаяние, такое стремление кинуться на помощь, что я испугался, как бы он не забыл, что не может перелететь, как птица или стрела, через эту черную бездну, отделявшую его от преступника и жертвы. Вдруг он обернулся, оттолкнул меня, бросился из комнаты, все опрокидывая на своем пути, и понесся как безумный через коридоры, комнаты, лестницы, двор к этой проклятой башне. Что касается меня, то я, словно прикованный ужасным криком, не мог оторваться от окна. Я стоял на том же месте, когда дверь в Квадратную башню открылась, и в освещенном четырехугольнике проема появилась фигура дамы в черном. Она стояла прямо, она была жива, но на ее бледном лице застыло выражение непередаваемого ужаса. Она простирала руки к Рультабию, и тот бросился к ней в объятия из темноты; потом до меня доносились лишь вздохи и эти два слога, которые ночь повторяла бесконечно: «Мама! Мама!»

Я спустился в свою очередь во двор; в висках стучала кровь, сердце билось в груди, ноги подкашивались. Сцена, которую я видел на пороге Квадратной башни, нисколько меня не успокоила. Я тщетно пытался рассуждать. В тот момент, когда мы считали, что все погибло, все, наоборот, было спасено. Разве сын не нашел свою мать?.. Разве мать не нашла

наконец своего ребенка?.. Но почему... Что это был за отчаянный крик, если она была жива и невредима? Что это был за вопль ужаса перед ее появлением на пороге башни?..

Странное дело: в то время как я пересекал двор Карла Смелого, там никого не было. Значит, никто не слышал выстрела? Никто не слышал криков? Где был Дарзак? И старый Боб? Работали ли они до сих пор в Круглой башне? У меня были основания предполагать это, так как окно башни было освещено. А Маттони? Значит, Маттони также ничего не слышал? Маттони, карауливший у ворот башни Садовника? А Бернье? А его жена? Я их не видел. И дверь в Квадратную башню осталась открытой! Ах, нежный шепот: «Мама! Мама!» Я слышал, как она отвечала, рыдая: «Мой мальчик! Мой мальчик!» Они не догадались даже закрыть из предосторожности дверь в гостиную старого Боба, куда Матильда увлекла своего ребенка!

...Там они долго сидели вдвоем, обнимаясь и не переставая повторять: «Мама!» — «Мой мальчик!» Они говорили друг другу, прерываясь на поцелуи, милые несуразицы вроде: «Так ты не умер!..» — «Ну разумеется нет!» И этого было достаточно, чтобы заставить их расплакаться снова... Как крепко они, должно быть, целовали друг друга, чтобы наверстать упущенное! Как Рультабий, должно быть, упивался ароматом дамы в черном!.. Я как сейчас слышу его фразу: «Знаешь, мамочка, ведь это не я украл!..» По выражению, с которым он произнес эти слова, можно было подумать, что ему все еще девять лет, этому бедному Рультабию. «Нет! Мой мальчик!.. Нет, ты ничего не крал!.. Мой дорогой! Мой мальчик!..» Ах, не моя вина, что я подслушал это. У меня сердце разрывалось на части. Ведь

это была мать, которая наконец отыскала своего ребенка!..

Но куда же подевался Бернье? Я повернул налево и вошел в его комнату, желая знать, чем был вызван крик и кто стрелял.

Старуха Бернье сидела в глубине комнаты, освещенной ночником. Ее фигура темным пятном обрисовывалась на кресле. Она, должно быть, лежала в постели, когда раздался выстрел, заставивший ее вскочить и наскоро накинуть на себя какую-то одежду.

Я поднес ночник к ее лицу. Ее черты были искажены страхом.

— Где ваш муж? — спросил я.

— Он там, — дрожащим голосом ответила она.

— Там?.. Где там?..

Но она не дала мне ответа. Я сделал несколько шагов по комнате и споткнулся. Нагнувшись, я увидел, что ступаю по картофелю. Весь пол был усыпан картофелем. Значит, жена Бернье еще не собрала его, после того как Рультабий опрокинул мешок?

Поднявшись, я обернулся к старухе Бернье.

— Послушайте, — сказал я, — кто-то стрелял!.. Что случилось?..

— Не знаю, — ответила она.

В это время послышался звук запираемой наружной двери, и старик Бернье появился на пороге комнаты.

— А, это вы, господин Сенклер?

— Бернье!.. Что случилось?

— О, ничего серьезного, господин Сенклер, успокойтесь, ничего серьезного... — Его голос звучал преувеличенно громко и твердо; он хотел казаться убедительным. — Пустяковый случай... Господин Дарзак вынимал из кармана револьвер, чтобы положить его на ночной столик, и нечаянно выстрелил. Госпожа,

конечно, испугалась и закричала, а так как окно их комнаты открыто, она подумала, что вы и господин Рультабий могли что-нибудь услышать, и сейчас же вышла, чтобы вас успокоить.

— Значит, Дарзак вернулся к себе?..

— Да, он вернулся почти тотчас, как вы покинули башню, господин Сенклер. А выстрел раздался почти в ту же минуту, как он вошел в свою комнату. Подумайте только, как я сам испугался!.. Я сейчас же бросился туда!.. Господин Дарзак сам открыл мне дверь. К счастью, никто не ранен.

— Значит, госпожа Дарзак прошла к себе сразу же после разговора со мной?

— Сразу же. Она услышала, что господин Дарзак вернулся в башню, и направилсь за ним. Они вошли вместе.

— А господин Дарзак? Он у себя в комнате?

— Смотрите, вот и он!..

Я оглянулся и увидел Робера; несмотря на скудное освещение комнаты, я рассмотрел, что он был страшно бледен. Он сделал мне знак и, когда я подошел к нему, сказал мне:

— Послушайте, Сенклер! Бернье вам уже рассказал, вероятно, об этой случайности. Не говорите никому, не нужно. Быть может, другие не слышали выстрела. Зачем напрасно пугать людей, не правда ли? Я хочу попросить вас об одолжении...

— Говорите, друг мой, — ответил я, — я к вашим услугам, вы это прекрасно знаете. Располагайте мною, если я могу быть вам полезен.

— Спасибо, но речь идет лишь о том, чтобы уговорить Рультабия лечь спать: когда он уйдет, моя жена успокоится и пойдет, в свою очередь, отдыхать. Всем следует отдохнуть, Сенклер! Нам всем необходим покой и тишина...

— Хорошо, мой друг, рассчитывайте на меня!

Я пожал ему руку с понятным воодушевлением и силой, которая свидетельствовала о моей преданности, хотя я был убежден, что все они скрывают от нас нечто очень серьезное!..

Дарзак вернулся в свою комнату, а я без колебаний пошел за Рультабием в гостиную старого Боба. Но на пороге комнаты я столкнулся с дамой в черном и ее сыном, которые выходили оттуда. Оба молчали, и у них был настолько непроницаемый вид, что я — который только что слышал их объяснения и ожидал увидеть сына в объятиях матери, — я стоял перед ними, не в силах произнести ни слова. Поспешность, с которой госпожа Дарзак хотела покинуть Рультабия, заинтриговала меня. Не меньше поразила меня и готовность, с которой Рультабий поддержал это ее желание. Матильда склонилась над моим другом, поцеловала его в лоб и сказала «до свидания, дитя мое» таким беззвучным, таким грустным и в то же время торжественным голосом, что мне показалось, будто я присутствую при прощании умирающей. Рультабий, не отвечая матери, увлек меня из башни. Он дрожал как осиновый лист.

Дверь Квадратной башни заперла за нами сама дама в черном. Я не сомневался, что в башне происходило что-то загадочное. История с несчастным случаем не удовлетворяла меня; я был уверен, что Рультабий думал бы так же, как я, если бы его ум и сердце еще не были под впечатлением того, что произошло между ним и дамой в черном!.. Хотя кто мне сказал, что Рультабий не думал так же, как я?

...Едва мы вышли из Квадратной башни, как я увел друга в тень парапета, соединявшего Квадратную и Круглую башни, за угол, образованный выступом Квадратной башни. Репортер сказал мне шепотом:

— Сенклер, я поклялся ей, что не увижу и не услышу ничего, что будет происходить сегодня в Квадратной башне. Это первая клятва, которую я дал своей матери, Сенклер, но я отказываюсь от своего права на место в раю: я должен видеть и слышать!..

Мы стояли невдалеке от освещенного окна в гостиной старого Боба, которое выдавалось над морем. Окно оставалось открытым, что, без сомнения, и позволило нам услышать выстрел и крик, несмотря на толщину стен башни. С того места, где мы стояли сейчас, мы не могли ничего видеть через это окно, но возможность слышать была неоценима. Гроза прошла, но море еще не улеглось, и волны разбивались о скалы полуострова Геркулеса с силой, делавшей невозможным приближение лодки. У меня мелькнула в эту минуту мысль о лодке, потому что мне показалось, будто во мраке появилась и тотчас исчезла тень лодки. Но нет! Очевидно, это был лишь обман воображения, склонного всюду видеть враждебные тени, — воображения, несомненно, более взволнованного, чем морские волны.

Мы простояли неподвижно минут пять, прежде чем услышали вздох, этот протяжный, ужасный вздох, будто стон предсмертной агонии, глухой стон, далекий, как уходящая жизнь, близкий, как приближающаяся смерть. Нас бросило в жар. После этого воцарилась тишина, и мы больше не слышали ничего, кроме непрерывного прибоя волн, как вдруг свет в окне погас. Квадратная башня погрузилась во мрак. Мой друг и я схватили друг друга за руки, тем самым предупреждая друг друга о том, что нужно хранить молчание и не шевелиться. Кто-то умирал там, в башне! Кто-то, кого от нас скрывали! Почему? И кто? Кто? Кто-то, кто не был ни Матильдой, ни Дарзаком, ни стариком Бернье, ни его женой, ни

без сомнения, старым Бобом; кто-то, кто не мог быть в башне.

Рискуя свалиться в море, мы перегнулись над парапетом и, вытянув шеи к окну, через которое вырвался этот стон, напрягли слух. Четверть часа прошло таким образом... целое столетие. Рультабий показал мне на оставшееся освещенным окно его комнаты. Я понял: нужно было пойти погасить огонь и спуститься снова. Я сделал это со всей возможной осторожностью и пять минут спустя вернулся к Рультабию. Во всем дворе Карла Смелого не было ни единого огонька, кроме слабого отблеска на уровне земли — это старый Боб трудился в нижней зале Круглой башни, и фонаря у ворот башни Садовника, где караулил Маттони. В сущности, было вполне объяснимо, почему старый Боб и Маттони не слышали ни происходящего в Квадратной башне, ни даже криков Рультабия среди бушевавшей грозы, хотя они проносились над их головами. Стены башни у ворот были очень толсты, а старый Боб вовсе был запрятан в настоящем подземелье.

Едва я успел проскользнуть к Рультабию, в нишу между башней и парапетом — на наш наблюдательный пост, которого он не покинул, как мы явственно услышали скрип открывающейся двери Квадратной башни. Я выглянул из ниши, причем вылез на полкорпуса во двор, но Рультабий тут же оттолкнул меня в угол. Сам он позволил себе лишь осторожно выставить голову за стену Квадратной башни; но, так как он стоял сильно нагнувшись, я, вопреки его наказу, посмотрел через голову моего друга. Вот что я увидел.

Сначала показался старик Бернье, которого я, несмотря на темноту, сразу узнал. Выйдя из башни, он бесшумно направился к воротам башни Садовника.

Посередине двора он остановился, взглянул на наши окна, затем обернулся к башне и сделал знак, что все спокойно. Кому предназначался этот сигнал? Рультабий высунулся еще дальше, но сейчас же откинулся обратно.

Когда мы снова решились выглянуть во двор, там уже никого не было. Наконец, мы увидели возвращавшегося Бернье, вернее, услышали сначала его приближение, так как между ним и Маттони произошел короткий разговор, заглушенные отзвуки которого долетали до нас. Вскоре мы услышали стук колес под сводами ворот, и Бернье появился вместе с темной массой медленно катившейся тележки. Мы разглядели, что это был Тоби, маленький пони Артура Ранса, запряженный в легкий английский кабриолет. Двор Карла Смелого был не замощен, и тележка катилась по нему так же бесшумно, как по ковру, а Тоби вел себя столь благоразумно и спокойно, как будто следовал наставлениям Бернье. Последний, поравнявшись с колодцем, еще раз поднял голову к нашим окнам и затем, все так же держа Тоби под уздцы, подвел его к дверям в Квадратную башню, куда и вошел, оставив маленький экипаж у дверей. Прошло несколько минут, которые, как говорится, показались нам вечностью, в особенности моему другу, который опять начал дрожать всем телом.

Старик Бернье появился снова. Он перешел двор совершенно один и вернулся к воротам. Нам пришлось теперь высунуться сильнее, и люди, стоявшие в это время у входа в Квадратную башню, без сомнения, могли бы нас заметить, если бы взглянули в нашу сторону. Тучи разошлись, и двор Карла Смелого осветила луна, луч которой оставил за собой широкую серебряную дорожку на поверхности моря. Два человека, успевшие выйти к тому времени из башни

и приблизиться к экипажу, настолько не ожидали этого, что сделали невольное движение назад. Но до нас прекрасно долетели сказанные шепотом слова дамы в черном: «Смелее, Робер, так нужно». И Робер Дарзак ответил со странным выражением: «Смелости-то у меня предостаточно». Он склонился над каким-то предметом, волоча его за собой, затем с усилием поднял его и попытался втолкнуть под сиденье маленького английского шарабана. Рультабий снял с головы шляпу, его зубы стучали. Предмет оказался мешком. Чтобы ворочать этот мешок, Дарзаку, видимо, приходилось напрягать все силы; мы слышали его учащенное дыхание. Прислонившись к стене башни, дама в черном смотрела на него. И вдруг, в ту минуту, когда Дарзаку удалось наконец втолкнуть мешок в экипаж, Матильда произнесла сдавленным от страха голосом: «Он еще шевелится!» — «Это конец!..» — ответил Дарзак, отирая пот со лба. Затем он надел пальто и взял Тоби под уздцы. Он удалился, сделав знак даме в черном, но последняя, не отходя от стены, как будто ее пригвоздили к ней, не ответила. Дарзак, наоборот, показался нам спокойным. Он выпрямился и пошел твердым шагом... как честный человек, исполнивший свой долг. Все так же соблюдая величайшую осторожность, он исчез со своим экипажем под воротами башни Садовника, и дама в черном вернулась в Квадратную башню. Я хотел выйти из нашего убежища, но Рультабий удержал меня. Он хорошо сделал, так как Бернье вышел из-под свода и переходил двор, направляясь к Квадратной башне. Когда он был не более чем в двух метрах от двери, Рультабий медленно вышел из ниши парапета, проскользнул между дверью и испуганным Бернье и схватил его за руки.

— Идите за мной, — сказал он.

Берньс стоял точно в столбняке. Я в свою очередь вышел из своего угла. Он оглядел нас при бледном свете луны беспокойным взглядом и пробормотал:

— Вот беда-то!

Глава XII

ЛИШНИЙ ТРУП

— Беда случится, если вы будете скрывать от нас правду, — возразил шепотом Рультабий. — Но никакого несчастья не произойдет, если вы будете с нами откровенны. Ну, идемте!

И он увлек его, все еще держа за руку, к Новому замку, куда я последовал за ними. С этой минуты передо мной был прежний Рультабий, деятельный и энергичный. Теперь, когда душевные терзания отступили, когда он нашел аромат дамы в черном, он готов был бросить все свои силы на поиск истины. И до последнего дня, когда все завершилось, до последней минуты — минуты высочайшего драматического подъема, который мне приходилось когда-либо переживать, когда его устами говорили жизнь и смерть, — он не сделает больше ни одного нерешительного движения на избранном пути, не произнесет больше ни одного слова, которое не было бы направлено на избавление от ужасной ситуации, вызванной нападением на Квадратную башню в ночь с 12-го на 13-е апреля.

Бернье не сопротивлялся. Он шел впереди, опустив голову, как обвиняемый перед допросом. Оказавшись в комнате Рультабия, мы посадили его перед собой, я зажег лампу. Молодой репортер молча смотрел на Бернье, набивая свою трубку; очевидно, он старался прочесть на лице сидевшего перед ним человека, насколько тот честен и достоин доверия. Затем сдвинутые брови Рультабия разгладились, и, пустив в потолок несколько клубов дыма, он проговорил:

— Ну, Бернье, как же они его убили?

Бернье встряхнул своей суровой головой.

— Я дал клятву ничего не рассказывать. Я ничего не знаю! Честное слово, я ничего не знаю!..

— Ну, так расскажите мне то, чего вы не знаете! Потому что, если вы не расскажете мне, Бернье, я больше ни за что не ручаюсь!..

— А за что же вы не ручаетесь?

— Да за вашу безопасность, Бернье!..

— За мою безопасность?.. Но ведь я же ничего не сделал!..

— За безопасность всех нас, за нашу жизнь! — добавил Рультабий, встав и сделав несколько шагов, что, без сомнения, дало ему возможность произвести в уме какой-то необходимый алгебраический расчет. — Итак, — снова заговорил он, — он был в Квадратной башне?

— Да, — обреченно ответил Бернье.

— Где? В комнате старого Боба?

— Нет, — покачал головой Бернье.

— Он спрятался у вас, в вашей комнате?

— Нет.

— Черт возьми! Да где же он был? Ведь не был же он в комнате Дарзака?

— Да, — кивнул Бернье.

— Негодяй! — процедил сквозь зубы Рультабий.

И прыгнул на грудь Бернье. Я бросился к старику на помощь и вырвал его из когтей Рультабия.

— За что же вы хотите задушить меня, господин Рультабий? — воскликнул Бернье, отдышавшись.

— И вы еще осмеливаетесь спрашивать? Вы сознаетесь, что он был в комнате Дарзака! А кто же мог ввести его туда, кроме вас? Ведь у вас одного находился ключ в то время, когда господа Дарзаки отсутствовали!..

Бернье поднялся, побледнев:

— Вы, господин Рультабий, обвиняете меня в сообщничестве с Ларсаном?!

— Я запрещаю вам произносить это имя! — вскрикнул репортер. — Вы прекрасно знаете, что Ларсан давно умер!..

— Давно! — с иронией повторил Бернье. — И правда... мне не следовало забывать это! Когда привязываешься к господам, когда сражаешься за них, не твое дело даже знать, против кого ты сражаешься. Прошу вас извинить меня!

— Послушайте, Бернье, я знаю и уважаю вас. Вы славный малый. И я обвиняю вас не в злых намерениях, а только в небрежности.

— Я небрежен?! — И Бернье из бледного стал пунцовым. — Я небрежен?! Да я ни на одну минуту не выходил из коридора! Ключ все время был при мне, и я клянусь вам, что никто не входил в это помещение после пяти часов, когда вы его осматривали, кроме господина и госпожи Дарзак. Я, понятно, не считаю вашего посещения башни с господином Сенклером в шесть часов.

— Однако, — вскрикнул Рультабий, — вы не заставите меня поверить, что этот человек — мы забыли его имя, не правда ли Бернье, и будем называть его просто человеком, — что этого человека убили в комнате господина Дарзака, раз его там не было!

— Нет! Могу вас уверить, что он там был!

— Но каким образом он туда попал? Вот о чем я вас спрашиваю, Бернье. И вы один можете мне ответить, потому что ключ находился у вас в отсутствие Дарзака, потому что Дарзак не выходил из своей комнаты, когда ключ был у него, и потому что нельзя было бы спрятаться в его присутствии у него в комнате!

— Вот это-то больше всего и занимает господина Дарзака! Но это загадка!

— Когда мы — я, Сенклер и Дарзак, — вышли из комнаты последнего около четверти седьмого, вы сейчас же закрыли дверь?

— Да, господин.

— И когда вы снова открыли ее?

— Сегодня ночью и всего один раз, чтобы впустить господина и госпожу Дарзак. Господин Дарзак пришел в то время, когда госпожа Дарзак была в гостиной старого Боба, откуда вышел господин Сенклер. Они встретились в коридоре, и я им открыл дверь в их помещение! Вот! Оказавшись там, они тотчас заперли дверь на засов.

— Значит, между четвертью седьмого и этим моментом вы не открывали дверей?

— Ни разу.

— А где вы были все это время?

Перед дверью в нашу комнату. Я не спускал глаз с дверей в помещение господина Дарзака; там же в половине седьмого мы и обедали с моей женой, за маленьким столиком в коридоре, так как там было светлее и веселее благодаря открытой входной двери в башню. После обеда я остался посидеть у порога нашей комнаты, куря папиросы и болтая с женой. Мы сидели так, что даже при желании не могли бы не видеть дверей в помещение господина Дарзака. Это загадка! Тайна! Тайна, еще невероятнее тайны Желтой комнаты! Ведь тогда мы были не готовы, мы не знали, что предшествовало случившемуся, а теперь знаем! Вы же сами осматривали комнату в пять часов, и там никого не было. Нам известно и то, что происходило *во время*, потому что ключ лежал у меня в кармане и потому что господин Дарзак находился у себя в комнате и, конечно, не мог не заметить человека, который стал бы ломиться к нему в дверь, чтобы убить его, и еще потому, что я сидел в коридоре перед

дверью и увидел бы всякого, кто бы ни проходил. Известно также и то, что произошло потом. Хотя никакого «потом» и не было. Умер человек, что доказывает уже присутствие человека там! Это загадка!

— И вы утверждаете, что с пяти часов до того момента, когда разыгралась драма, вы не уходили из коридора?

— Ей-богу, нет!

— Вы уверены в этом? — настаивал Рультабий.

— Ах, извините, был момент... одна минута, когда вы меня позвали...

— Хорошо, Бернье. Я хотел узнать, помните ли вы об этой минуте.

— Но ведь это была всего лишь минута, к тому же господин Дарзак находился в это время у себя в комнате. Он не выходил оттуда. Ах! Здесь какая-то тайна!..

— Откуда вы знаете, что он не выходил оттуда в течение этих двух минут?

— Черт возьми! Если бы он вышел оттуда, его увидела бы моя жена, которая сидела у нас в комнате! И это бы все объяснило, и господин Дарзак не был бы так заинтригован, да и госпожа тоже! Ах! Мне пришлось несколько раз повторить ему, что никто не входил, кроме него, в пять и вас в шесть часов, что никто не входил в комнату до его возвращения ночью вместе с госпожой Дарзак... Он, как и вы, не хотел мне верить... Я поклялся ему над трупом, который лежал в его комнате...

— Это действительно был труп?

— О! Он еще дышал... я слышал!

— Значит, это был не труп, Бернье.

— О, все равно что труп! Пуля попала ему в сердце!

Наконец-то Бернье расскажет нам о трупе, подумал я. Видел ли он его? Как он выглядел? Но все

это было как будто не важно в глазах Рультабия; репортер, по-видимому, был занят исключительно тем, как попал туда труп! Каким путем пробрался туда этот человек?

Однако об этой стороне дела Бернье знал мало. Все произошло, как ему казалось, моментально, как удар молнии. Он медленно шел от двери к своей комнате, рассказывал он, намереваясь лечь спать, когда они с женой услышали сильный шум, доносившийся из комнаты Дарзака, и на минуту замерли на месте. Внезапно раздались стуки в стену и треск опрокидываемой мебели. «Что там случилось?» — едва успела произнести жена Бернье, как послышался голос госпожи Дарзак: «Помогите!» Этого крика мы не слышали из нашей комнаты в Новом замке. Сам Бернье, бросив жену, которая в страхе металась по комнате, кинулся к двери Дарзака и стал трясти ее, крича, чтобы ему открыли. По ту сторону двери борьба продолжалась на полу. Бернье услышал учащенное дыхание двух людей и узнал по голосу Ларсана, прохрипевшего: «На этот раз я спущу с тебя шкуру!» Затем Дарзак стал звать на помощь жену задыхающимся голосом: «Матильда! Матильда!» Очевидно, в рукопашной с Ларсаном последний одержал верх, когда раздался выстрел, который не так испугал Бернье, как сопровождавший его крик. Можно было подумать, что госпожа Дарзак, издавшая этот крик, была смертельно ранена. Бернье вообще не мог понять поведения госпожи Дарзак. Почему она не открыла ему дверей, отказываясь, таким образом, от помощи, которую он мог оказать? Наконец, почти сейчас же вслед за выстрелом, дверь, в которую Бернье не переставал стучать, открылась. Комната была погружена во мрак, что не удивило Бернье, так как свет, проникавший сквозь дверную щель, во время борьбы внезапно

погас, и он в то же время услыхал шум опрокинутого на пол подсвечника. Дверь ему открыла госпожа Дарзак, в то время как господин Дарзак стоял, наклонившись над хрипевшим телом умирающего. Бернье позвал свою жену, крикнув ей, чтобы она захватила свечу, но госпожа Дарзак вскричала: «Нет, нет! Не нужно свечи! Не нужно свечи! А главное, чтобы он не узнал ничего!» И она сейчас же бросилась ко входной двери башни с криком: «Он идет! Он идет! Я слышу! Откройте дверь! Откройте дверь, Бернье! Я сама его встречу!» И Бернье открыл ей дверь, в то время как она не переставала стонать: «Спрячьтесь! Уйдите! Чтобы он ничего не узнал!» Бернье продолжал:

— Вы ворвались как ураган, господин Рультабий. И она увлекла вас в гостиную старого Боба. Вы ничего не заметили. Я остался с господином Дарзаком. Человек на полу перестал хрипеть. Господин Дарзак, по-прежнему склоненный над ним, сказал мне: «Скорее мешок, Бернье, мешок и камень, и мы выкинем его в море, и никто о нем не узнает!»

— Тогда, — продолжал Бернье, — я вспомнил о мешке с картофелем; моя жена собрала картошку в мешок, я все опять из него высыпал и принес мешок господину Дарзаку. Мы старались шуметь как можно меньше. В это время госпожа, вероятно, рассказывала вам какие-нибудь небылицы в гостиной старого Боба, а господин Сенклер расспрашивал мою жену в нашей комнате. Мы тихонько засунули труп в мешок, и господин Дарзак тщательно обмотал его веревкой. Но я посоветовал не бросать его в море, так как там недостаточно глубоко и вода бывает иногда так прозрачна, что видно дно. «Что же мне с ним делать?» — спросил шепотом господин Дарзак. Я ответил: «Ей-богу, не знаю. Все, что я мог сделать для вас и для госпожи, да и для человечества против такого

разбойника, как Фредерик Ларсан, — я сделал. Но не требуйте от меня большего, и да хранит вас Бог!» И я вышел из комнаты и встретил вас, господин Сенклер. А затем вы по просьбе господина Дарзака пошли за господином Рультабием. Что касается моей жены, то ей едва не сделалось дурно, когда она вдруг увидела, что господин Дарзак весь в крови, да и я также!.. Посмотрите, господа, у меня руки совсем красные! Ах! Только бы все это не принесло нам несчастья! В конце концов, мы исполнили свой долг! И он был ловким разбойником!.. Но, знаете, что я вам скажу?.. Никогда не удастся скрыть подобную историю... и лучше будет сейчас же рассказать все полиции... Я обещал молчать и буду молчать, насколько смогу, но я рад, что вам теперь все известно, потому что вы друзья господам Дарзак и, может быть, сумеете их уговорить. Зачем они скрывают? Да это же честь — убить Ларсана!.. Простите еще раз, что произношу его имя... я знаю, оно не из честных... Но разве это не подвиг — освободить от него землю, избавившись от него самим? Ах, да... состояние!.. Госпожа Дарзак обещала мне целое состояние, если я буду молчать! Но что мне с ним делать?.. Служить нашей бедной госпоже, которая перенесла столько страданий, для меня не меньшее счастье!.. Я ничего не хочу!.. Ничего!.. Только она пусть говорит!.. Чего ей бояться? Я сказал ей это, когда вы ушли спать и мы остались в Квадратной башне одни с трупом. Я сказал ей: «Вы должны кричать, что вы его убили! Весь свет будет вам рукоплескать!» Она мне ответила: «Довольно одного скандала, Бернье; насколько это будет в моих силах, мы постараемся все скрыть! Мой отец не перенесет этого!» Я ничего ей не ответил, хотя мне и очень хотелось. У меня вертелось на языке: «Если дело раскроется позднее, злые люди приплетут разный вздор.

и ваш отец тем более не перенесет этого!» Но всякий рассуждает по-своему! Она хочет, чтобы молчали! Ну что же, будем молчать!..

Бернье направился к дверям, показывая нам свои руки:

— Пойду отмывать кровь этой свиньи.

Рультабий остановил его:

— А что говорил в это время Дарзак? Каково было его мнение?

— Он повторял: «Все, что сделает госпожа Дарзак, прекрасно. Слушайтесь ее, Бернье». Платье господина Дарзака было изорвано, на шее у него осталась царапина, но он не обращал на это внимания, в сущности, его интересовало лишь одно: каким образом негодяй мог к нему проникнуть. Он все время возвращался к этому вопросу. Первыми его словами были: «Когда я только вошел в свою комнату, там никого не было, и я сейчас же закрыл дверь на замок».

— Где это происходило?

— В моей комнате, в присутствии моей жены, которая совсем убита этим, бедная женщина!

— А труп? Где он был?

— Он остался в комнате господина Дарзака.

— Каким же образом они решили отделаться от него?

— Мне это неизвестно, но, наверно, они пришли к какому-нибудь решению, потому что госпожа Дарзак сказала мне: «Бернье, я прошу вас о последней услуге: сходите в конюшню и запрягите Тоби в английский шарабан. Старайтесь не разбудить Уолтера. Если же вы его разбудите, то скажите ему так же, как и Маттони, который караулит у ворот, что экипаж нужен господину Дарзаку, который должен быть в четыре часа в Кастелларе, он отправляется в Альпы». Госпожа Дарзак сказала мне еще: «Если вы

встретите Сенклера, не говорите ничего и пришлите его ко мне. Если же вы встретите Рультабия, не говорите и не делайте ничего»! Она не хотела, чтобы я выходил, пока не закрылось ваше окно и не погас свет у вас в комнате. Однако и насчет трупа мы были не совсем спокойны, потому что он снова стал вздыхать, и какие вздохи! Остальное вы видели и знаете теперь столько же, сколько и я! Да хранит нас Бог!..

Когда Бернье окончил свой рассказ, в котором было столько необъяснимо загадочного, Рультабий искренне поблагодарил его за преданность, велел ему держать все в тайне, извинился за свою резкость и приказал ничего не говорить о нашем допросе госпоже Дарзак. Бернье перед уходом хотел пожать репортеру руку, но Рультабий отдернул свою:

— Нет, Бернье, вы весь в крови...

Бернье ушел в Квадратную башню.

— Итак, — сказал я, когда мы остались одни, — Ларсан мертв?..

— Боюсь, что да, — ответил он.

— Боитесь? Но почему?..

— Потому что, — сказал он каким-то глухим голосом, — потому что такая смерть Ларсана, когда он не входил в башню ни живой ни мертвый, страшит меня больше, чем его жизнь!

Глава XIII

СТРАХ РУЛЬТАБИЯ ПРИНИМАЕТ УГРОЖАЮЩИЕ РАЗМЕРЫ

И действительно, вид у него был совершенно расстроенный. Я и сам испытывал необъяснимый страх. Мне еще ни разу не приходилось видеть Рультабия в таком обеспокоенном состоянии. Он ходил по комнате неровными шагами, изредка останавливался перед зеркалом, странно вглядывался в свое изображение, проводя рукой по лицу, как бы спрашивая себя: «Неужели ты действительно так думаешь, Рультабий?.. Ты ли осмеливаешься думать такое»? Думать что? Скорее казалось, что он не хочет так думать. Рультабий энергично тряхнул головой, подошел к окну и, распахнув его, стал всматриваться в темноту, прислушиваясь к малейшему шуму на далеком берегу, быть может, ожидая услышать шум колес и стук копыт маленького Тоби. Он напоминал зверя, вышедшего на охоту. Прибой смолк, море совершенно успокоилось... Внезапно на востоке светлая полоса прорезала черные волны. Занималась заря. И почти в ту же минуту из мрака проступили очертания старого замка, бледного и мрачного.

— Рультабий, — заговорил я, почти дрожа, так как прекрасно сознавал смелость своего вопроса, — вы так недолго разговаривали с вашей матерью, но расстались с ней так сухо, в таком безмолвии! Мне хотелось знать, мой друг, рассказала ли она вам историю «неосторожного обращения с револьвером на ночном столике»?

— Нет! — ответил он, не оборачиваясь.

— Она ничего не сказала вам об этом?

— Нет!

— И вы не попросили ее объяснить выстрел и ужасный крик? Она закричала, как тогда, в галерее...

— Сенклер, вы чересчур любопытны. Даже любопытнее меня. Я ни о чем ее не спрашивал!

— И вы поклялись ей ничего не видеть и ничего не слышать, несмотря на то что она не дала вам никакого объяснения выстрела и крика?

— Послушайте, Сенклер, вы должны мне верить... Я отношусь с уважением к тайнам дамы в черном. Я ни о чем ее не спрашивал... Ей достаточно было сказать: «Мы можем расстаться, мой друг, потому что теперь нас ничто нас не разделяет!» — и я ушел...

— Так она вам сказала, что ничто вас не разделяет?

— Да, мой друг... у нее были руки в крови...

Мы замолчали. Я стоял у окна рядом с репортером. Вдруг его рука опустилась на мою. Затем он указал мне на слабый огонек, который все еще светился в кабинете старого Боба в башне Карла Смелого.

— Уже светает, — сказал Рультабий. — А старый Боб все еще работает! Этот старый Боб действительно молодец. Что, если мы сходим навестить его? Это отвлечет нас от грустных мыслей, и я перестану думать об этом замкнутом круге, который душит, тяготит меня, не дает мне покоя...

И, тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Когда же, наконец, вернется этот Дарзак?..

Минуту спустя мы переходили двор и спускались в восьмиугольную залу Карла Смелого. Она была пуста! Лампа по-прежнему горела на письменном столе, но старого Боба не было!

— Ого! — сказал Рультабий.

Он взял лампу и поднял ее над собой, оглядывая предметы вокруг, затем обошел витрины,

тянувшиеся вдоль стен нижней батареи. Все стояло на своих местах в относительном порядке и было помечено этикетками с научными надписями. Обойдя собрания всяких костей, доисторических топоров, серег и ножей, мы вернулись к столу. На нем лежал «самый древний череп», челюсть которого была все еще в красной краске с рисунка, который Дарзак разложил на столе напротив окна. Я обошел все окна, пробуя железные решетки на прочность; они остались нетронутыми. Рультабий посмотрел на меня и сказал:

— Что вы делаете? Перед тем как проверять, не ушел ли он через окно, нужно знать, что он не вышел через дверь.

Он поставил лампу на пол и занялся изучением следов.

— Сходите в Квадратную башню, — продолжал он, — и узнайте у Бернье, не вернулся ли старый Боб, спросите также Маттони у ворот башни Садовника и папашу Жака у входных ворот. Идите, Сенклер, идите!..

Пять минут спустя я вернулся. Результат моих расспросов был такой, как я и ожидал. Старого Боба никто не видел!.. Он не проходил нигде!..

Рультабий все еще возился на полу. Он пробормотал:

— Он оставил эту лампу гореть, чтобы все думали, будто он продолжает работать. — И затем задумчиво прибавил: — Я совершенно не вижу следов какой бы то ни было борьбы. На полу лишь следы Артура Ранса и Дарзака; они входили сюда вчера вечером во время грозы и принесли на подошвах немного грязной земли со двора Карла Смелого, а также железистой почвы с переднего двора. Следов старого Боба нет нигде. Старый Боб пришел сюда до грозы; он, быть может,

вышел во время грозы, но в любом случае не возвращался сюда после нее.

Рультабий поднялся и поставил лампу на стол; лампа опять осветила череп, красная челюсть которого никогда еще не скалилась так зловеще. Нас окружали одни скелеты, но они пугали меня меньше, чем отсутствие старого Боба.

Рультабий с минуту смотрит на окровавленный череп, затем берет его в руки и погружает свой взгляд в глубокие впадины пустых глазниц. Потом он поднимает череп на вытянутых руках и рассматривает его с непонятным вниманием, потом поворачивает в профиль, потом передает его мне, и я, в свою очередь, поднимаю его над головой, как самую драгоценную ношу, а Рультабий в это же время поднимает лампу.

Вдруг одна мысль пронзает мой мозг. Я швыряю череп на стол и выбегаю во двор, к колодцу. Здесь я обнаруживаю, что железные полосы на крышке колодца по-прежнему удерживают ее на месте. Если бы кто-нибудь сбежал через колодец, или бросился, или упал в него, полосы были бы сдвинуты с места. Я возвращаюсь еще более обеспокоенный, чем прежде.

— Рультабий! Рультабий! Старому Бобу остается один только выход — через мешок!

Я повторил эту фразу, но репортер меня не слушал, увлеченный занятием, смысл которого я не в силах был разгадать. Как в столь трагическую минуту, когда мы ждали только Дарзака, чтобы замкнуть круг, в котором оказался «лишний» труп, когда в Старой башне, рядом с нами, дама в черном, как леди Макбет, старалась смыть со своих рук следы ужасного преступления, как мог Рультабий забавляться рисованием с помощью линейки, циркуля и угольника?

Да, он уселся в кресло геолога, придвинул к себе чертежную доску Робера Дарзака и чертил план, спокойно, убийственно спокойно, как самый обыкновенный усидчивый чертежник.

Установив на бумаге одну ножку циркуля, он описал другой окружность, которая должна была представлять собой пространство, занятое башней Карла Смелого, как на плане, сделанном Дарзаком. Старательно проведя еще несколько линий, молодой человек обмакнул кисточку в блюдечко, наполовину наполненное краской, которую использовал Дарзак, и тщательно закрасил все пространство внутри окружности.

Он исполнял свою работу со всей возможной тщательностью, стараясь равномерно размазать краску по всему пространству, наклонял голову направо и налево и даже прищелкивал слегка языком, как прилежный школьник. Затем он точно застыл на месте. Я что-то ему говорил, но он продолжал хранить молчание, не спуская глаз с чертежа и наблюдая, как высыхает краска. Внезапно рот его искривился — он издал возглас невыразимого ужаса. Я не узнал его лица, принявшего безумное выражение. Он так стремительно обернулся в мою сторону, что опрокинул широкое кресло.

— Сенклер! Сенклер! Посмотрите на красную краску... Посмотрите на нее!

Я наклонился над чертежом, испуганный его вскриком, но не увидал ничего.

— Красная краска! Красная краска!.. — продолжал стонать он.

У него был полубезумный взгляд, словно он присутствовал при какой-то ужасной сцене. Я спросил его:

— Да в чем дело?

— Что?.. Как в чем дело? Разве вы не видите, что она уже высохла! Разве вы не видите, что это кровь!..

Нет, этого я не видел. Я был уверен, что это не кровь, а самая обыкновенная красная краска. В такую минуту я не рискнул противоречить Рультабию и сделал вид, что чрезвычайно заинтересован его предположением.

— Чья же это кровь? — спросил я. — Вы знаете, чья это кровь?.. Кровь Ларсана?..

— О! О! — протянул он. — Кровь Ларсана!.. Кто знает, какая кровь у Ларсана?.. Кто видел когда-нибудь, какого она цвета? Чтобы узнать цвет крови Ларсана, нужно вскрыть мои вены, Сенклер! Это единственный способ!..

Я был совершенно сбит с толку.

— Мой отец не так-то легко расстается со своей кровью!..

Опять он заговорил с этой отчаянной гордостью о своем отце... «Когда мой отец надевает парик, этого не видно!» «Мой отец не так-то легко расстается со своей кровью!»

— Однако руки Бернье были выпачканы ею так же, как и руки дамы в черном, вы сами видели это!..

— Да-да!.. Так говорят!.. Так говорят!.. Но моего отца нельзя убить так просто!..

Рультабий все еще казался сильно взволнованным и не спускал глаз с аккуратного чертежа. Внезапно с глухим рыданием в голосе он простонал:

— Боже мой! Боже мой! Сжалься над нами! Это было бы слишком ужасно!.. Моя мать не заслужила этого! И я также! И никто!..

Крупная слеза, скатившись по его щеке, упала в блюдечко с краской. Тогда он взял его дрожащими

руками и с бесконечными предосторожностями перенес в маленький шкафчик, где и запер на ключ.

Затем он взял меня за руку и потащил к двери, в то время как я молча смотрел на него, спрашивая себя, не сошел ли он с ума.

— Идем!.. Идем! — говорил он. — Настал момент, Сенклер! Мы не должны больше отступать ни перед чем... Дама в черном все нам расскажет... Все, что касается мешка... Ах, если бы Дарзак мог вернуться сейчас же... сейчас же... Правда, я не могу больше ждать!..

Ждать? Чего ждать? И почему он так испугался? Какая мысль душила его? Почему он опять начал нервно стучать зубами?..

Я не мог удержаться, чтобы снова не спросить:

— Что вас так страшит? Разве Ларсан не умер?..

И тогда он повторил, нервно сжимая мою руку:

— Я же вам говорю, что его смерть страшит меня больше, чем жизнь!..

Рультабий постучал в дверь Квадратной башни, перед которой мы очутились. Я спросил, не хочет ли он остаться наедине со своей матерью. Но, к крайнему моему недоумению, он ответил, что не нужно ни за что на свете оставлять его одного, «пока круг не замкнется», и мрачно прибавил:

— Если он вообще когда-нибудь замкнется!..

Дверь башни не открывалась. Он постучал вновь, тогда она приоткрылась, и через щель высунулось расстроенное лицо Бернье. Он, по-видимому, был очень недоволен, увидев нас.

— Что вам нужно? Что вам еще нужно?.. Говорите тише, госпожа в гостиной старого Боба... А старик все еще не вернулся.

— Пустите нас, Бернье... — приказал Рультабий, толкая дверь.

— Главное, не говорите госпоже...

Да нет! Нет!..

Мы были в вестибюле башни. Там царил мрак.

— Что делает госпожа Дарзак в комнате старого Боба? — шепотом спросил у Бернье репортер.

— Она ждет... ждет возвращения господина Дарзака... Она не решается войти в комнату... да и я тоже...

— Ну, так идите к своей жене, Бернье, — приказал Рультабий, — и ждите, пока я вас не позову!

Рультабий распахнул дверь в гостиную старого Боба. Мы тотчас увидели даму в черном, или, вернее, ее тень, так как в комнате было еще очень темно: первые дневные лучи едва в нее проникали. Высокий темный силуэт Матильды вырисовывался у окна, выходившего во двор Карла Смелого. Она не шелохнулась при нашем появлении, но встретила нас словами, произнесенными таким прерывающимся, исполненным страдания голосом, что я его не узнал:

— Зачем вы пришли? Я видела, как вы шли по двору. Вы не уходили со двора. Вы знаете все. Чего вы хотите?.. Ведь вы поклялись мне, что ничего не увидите.

Рультабий подошел к даме в черном и взял ее за руку с бесконечной почтительностью:

— Пойдемте, матушка, — сказал он, и эти простые слова в его устах прозвучали нежно, но настойчиво. — Пойдемте!.. — И он потянул ее за руку.

Она не сопротивлялась. Как только он взял ее за руку, она стала во всем ему покорна — таково было мое впечатление. Тем не менее, когда он довел ее таким образом до дверей в злополучную комнату, она отшатнулась всем своим телом.

— Только не туда! — простонала она, прислонившись к стене, чтобы не упасть.

Рультабий взялся за ручку, но дверь оказалась заперта. Тогда он позвал Бернье, который по его приказанию открыл ее и сейчас же исчез.

Открыв дверь, мы заглянули в комнату. Какая картина! Комната была в невероятном беспорядке. И кровавая заря, проникая через широкие амбразуры, делала этот беспорядок еще более зловещим. Достойное освещение для сцены убийства! Сколько крови на стенах, на полу и мебели!.. Крови восходящего солнца и человека, которого увез куда-то Тоби... в мешке из-под картофеля! Столы, кресла, стулья — все было опрокинуто. Белье на постели, за которое человек в своей агонии, вероятно, безнадежно хватался руками, было сдернуто на пол, и на простыне отпечатался кровавый след пальцев. Мы вступили в этот хаос, поддерживая даму в черном, готовую, казалось, потерять сознание, в то время как Рультабий повторял ей своим нежным и умоляющим голосом:

— Так нужно, мамочка! Так нужно!

Едва мы усадили Матильду в кресло, которое я поставил на ножки, он сейчас же начал задавать ей вопросы.

Она отвечала односложно, движениями головы или руки. Я видел, что, по мере того как она давала объяснения, Рультабий приходил во все большее смущение, его одолевал страх. Он всеми силами старался успокоиться, но это плохо ему удавалось. Он говорил ей «ты», все время называл ее «Мама! Мама!» — чтобы придать ей бодрости... Но у Матильды уже не осталось присутствия духа. Она распростерла объятия, в которые Рультабий тут же бросился; это оживило ее, и она заплакала. Слезы немного облегчили боль от всех этих ужасов, которые тяготели над ней. Я сделал движение к выходу, но они оба удержали меня, и

я понял, что им не хочется оставаться одним в кровавой комнате. Она прошептала:

— Мы свободны...

Рультабий опустился перед ней на колени и сказал с мольбой, своим нежным голосом:

— Чтобы быть уверенной в этом, мамочка... нужно рассказать мне все, все, что здесь произошло... все, что ты видела...

Тогда наконец госпожа Дарзак заговорила... Она искоса взглянула на запертую дверь, затем ее взгляд с ужасом заскользил по отдельным предметам, по пятнам крови, которая застыла на полу и мебели, и она стала описывать ужасную сцену таким тихим голосом, что мне пришлось подойти ближе и наклониться к ней, чтобы хоть что-нибудь услышать. Из ее отрывистых фраз составилась такая картина: войдя в комнату, Дарзак запер дверь и направился прямо к письменному столу таким образом, что оказался как раз в середине комнаты, когда это произошло. Дама в черном стояла несколько слева, намереваясь пройти в свою комнату. Помещение освещалось одной свечой, стоявшей на ночном столике слева, рядом с Матильдой. И вот что произошло. Среди тишины, царившей в комнате, раздался треск, резкий треск дерева, заставивший их поднять голову и посмотреть в одну сторону. Сердца их сжались от рокового предчувствия. Треск шел из стенного шкафа. Затем все смолкло. Они посмотрели друг на друга, не решаясь или не имея сил произнести ни слова. Треск показался им неестественным: раньше им ни разу не приходилось слышать, чтобы шкаф трещал. Дарзак сделал шаг вправо по направлению к шкафу, но дерево снова затрещало, еще сильнее, чем в первый раз, и он застыл на месте. На этот раз Даме Матильде показалось, что шкаф шевелится.

в черном спрашивала себя: не является ли она жертвой галлюцинации, действительно ли шкаф шевелится? Но Дарзак, очевидно, увидел то же, что и она, так как внезапно отошел от стола и смело сделал несколько шагов в сторону шкафа. В эту минуту дверцы шкафа раскрылись... Да, невидимая рука толкнула их изнутри... они повернулись на своих петлях... Дама в черном хотела крикнуть, но у нее не было сил... От ужаса и растерянности она невольно всплеснула руками и опрокинула свечу как раз в ту минуту, когда из шкафа прыгнула тень, и Робер Дарзак с бешеным криком кинулся на нее...

— И у этой тени... у этой тени было лицо?.. — спросил Рультабий. — Мама!.. Мама! Отчего ты не рассмотрела лица этой тени?.. Вы убили тень! Что заставит меня поверить, что эта тень была Ларсаном, раз ты не видела лица!.. Вы, быть может, убили не Ларсана!

— О, поверь мне! — глухо простонала Матильда. — Он мертв! — И больше она ничего не сказала.

Я спрашивал себя, глядя на Рультабия: «Но кого же они могли убить, кроме него? Если Матильда и не видела лица, она слышала голос!.. Она вся дрожит... этот голос и сейчас звучит в ее ушах. Ведь и Бернье также слышал и узнал его голос... ужасный голос Ларсана, голос Боллмейера, который во мраке, в пылу ужасной схватки, грозил смертью Роберу Дарзаку: «На этот раз я спущу с тебя шкуру!», в то время как Дарзак хрипел, задыхаясь: «Матильда!.. Матильда!..» Ах, как он взывал к ней из мрака, уже побежденный... А она, она могла лишь звать на помощь, которой не могла подать сама и которой неоткуда было прийти. А затем вдруг раздался выстрел, заставивший ее дико вскрикнуть. Как будто ранили ее саму... Кто убит?.. Кто остался жив?.. Кто заговорит?.. Чей голос ей придется услышать?..

И вот оказалось, что заговорил Робер!.. Рультабий снова взял в свои объятия даму в черном, поднял и почти донес ее до двери в ее комнату.

— Ступай, мамочка, оставь меня, я должен потрудиться, для тебя, для твоего мужа... и для себя также!

— О нет!.. Я не хочу оставаться одна до возвращения Дарзака! — вскричала она, объятая ужасом.

Рультабий обещал ей не уходить, умоляя ее попытаться отдохнуть, и уже собрался было закрыть дверь в ее комнату, когда раздался стук из коридора. Рультабий спросил: «Кто там?» Ответил голос Дарзака.

— Наконец-то! — проговорил репортер, открывая дверь.

Мы подумали, что в комнату входит мертвец. Никогда я не видел человеческого лица более бледным, более бескровным, более лишенным жизни. Оно выдержало столько волнений, что лишилось способности что-либо выражать.

— А! Вы здесь, — сказал он. — Ну вот, все кончено!..

Он упал в кресло, которое только что занимала дама в черном, и поднял глаза на нее:

— Ваше желание исполнено, — сказал он. — Он там, где вы хотели!..

Рультабий сейчас же спросил:

— Видели ли вы по крайней мере его лицо?

— Нет! — ответил он. — Я не видел его!.. Неужели вы думаете, что я стал бы открывать мешок?..

Я предположил, что Рультабий, услышав этот ответ, придет в отчаяние, но, напротив, он быстро подошел к Дарзаку и сказал:

— Ага! Вы не видели его лица!.. Ну что ж, это очень хорошо!.. — И он пожал Дарзаку руку, добавив: — Но суть дела не в этом... Теперь мы должны

не замыкать круг, и вы поможете нам в этом, господин Дарзак. Подождите!..

И, несколько повеселев, он бросился на четвереньки. Теперь Рультабий напоминал мне собаку. Он прыгал повсюду, заглядывал под мебель, под кровать, как уже делал когда-то в Желтой комнате, время от времени поднимая лицо, чтобы сказать:

— О! Я наверняка найду что-нибудь — что-нибудь, что спасет нас!

Я ответил ему, глядя на Дарзака:

— Разве мы еще не спасены?

— Что спасет нам рассудок... — докончил свою мысль Рультабий.

— Он совершенно прав, — поддержал его Дарзак. — Во что бы то ни стало нужно узнать, каким образом вошел этот человек...

Внезапно Рультабий поднялся, держа в руках револьвер, найденный им под шкафом.

— А, вы нашли его револьвер, — проговорил Дарзак. — К счастью, он не успел им воспользоваться.

С этими словами Робер Дарзак вынул из кармана свой револьвер, сохранивший ему жизнь, и протянул его Рультабию.

— Вот настоящее оружие, — сказал он.

Рультабий повернул барабан револьвера Дарзака и вынул пустой патрон, оказавшийся роковым для Ларсана. Найденный Рультабием под шкафом и, очевидно, выпавший из кармана убийцы револьвер оказался небольшим «бульдогом» с лондонским клеймом; он выглядел совершенно новым, был заряжен всеми патронами, и Рультабий подтвердил, что из него не было сделано еще ни одного выстрела.

— Ларсан пользуется огнестрельным оружием лишь в самых крайних случаях, — заметил репортер. — Он ненавидит шум. Могу вас уверить, что он

хотел лишь напугать вас своим револьвером, иначе он выстрелил бы сразу.

И Рультабий передал Дарзаку его револьвер, спрятав в карман оружие Ларсана.

— Теперь уже нет надобности в этих игрушках, — проговорил Дарзак, покачивая головой. — Клянусь вам, это бесполезно!

— Вы думаете? — спросил Рультабий.

— Я уверен в этом.

Рультабий встал, сделал несколько шагов по комнате и задумчиво сказал:

— С Ларсаном никогда нельзя быть ни в чем уверенным. Где труп?

— Спросите об этом у моей жены, — ответил Дарзак. — Я хочу забыть о нем. Я ничего больше не знаю об этом ужасном деле. При воспоминании о пережитом сегодня ночью путешествии с этим человеком в предсмертной агонии, хрипящим в мешке у меня под ногами, я буду говорить себе: «Это кошмар!» И постараюсь отогнать эти мысли!.. Никогда больше не говорите со мной о нем. Одна только госпожа Дарзак знает отныне, где спрятан труп. Пусть она скажет вам, если ей угодно.

— Я тоже забыла об этом, — заявила Матильда. — Так нужно.

— Однако, — настаивал Рультабий, — вы сами говорите, что он был еще в агонии. Уверены ли вы, что он умер?

— Я в этом уверен, — просто ответил Дарзак.

— Все кончено! Все кончено! Не правда ли, ведь все кончено? — простонала Матильда и подошла к окну. — Взгляните: солнце!.. Эта жестокая чудовищная ночь сгинула! Все кончено!

Бедная дама в черном! Ее душевное состояние красноречиво отразилось в этих словах: «Все

кончено»!.. Она забыла весь ужас драмы, разыгравшейся в этой комнате, и помнила только свершившийся факт. Ларсана нет! Ларсан похоронен! Похоронен в мешке из-под картофеля!

И тут мы все в ужасе подскочили, так как дама в черном вдруг разразилась смехом, безумным смехом, который прервался так же внезапно, как и начался. Наступило гнетущее молчание. Мы не решались взглянуть ни друг на друга, ни на нее. Она заговорила первая:

— Все прошло... Все кончено... Я не буду больше смеяться!..

Тогда послышался голос Рультабия, который проговорил едва слышно:

— Все будет кончено, когда мы узнаем, каким образом он проник сюда.

— Зачем? — возразила дама в черном. — Это тайна, которую он унес с собой. Только он мог объяснить нам это, но он мертв.

— Он будет мертв только тогда, когда мы узнаем это! — повторил Рультабий.

— Разумеется, — прибавил Дарзак, — пока мы этого не узнаем, он всегда будет жить в нашем воображении. Необходимо изгнать его оттуда!

— Попробуем же сделать это, — сказал Рультабий.

Он встал и нежно взял за руку даму в черном, пытаясь увести ее в соседнюю комнату и уговаривая отдохнуть. Но Матильда решительно отказалась уйти.

— Вы собираетесь изгонять Ларсана, а меня здесь не будет!..

Мы испугались, как бы не повторился ее нервный припадок, и дали Рультабию знак не настаивать. Тогда Рультабий открыл дверь в коридор и позвал Бернье с женой. Последних пришлось втащить чуть

не насильно. Произошел общий обмен показаниями, из которых окончательно выяснилось следующее. Во-первых, Рультабий приходил в комнату в пять часов, осматривал шкаф и убедился в том, что в комнате никого нет. Во-вторых, после пяти часов дверь дважды открывал Бернье, который один только и мог открыть ее в отсутствие господина и госпожи Дарзак: первый раз — в пять часов с небольшим, чтобы впустить Дарзака, и второй раз — в половине двенадцатого для господина и госпожи Дарзак. В-третьих, Бернье запер дверь комнаты, когда Дарзак вышел оттуда с нами между четвертью и половиной седьмого. В-четвертых, Дарзак запирал дверь изнутри оба раза, когда входил в комнату, как в пять часов вечера, так и в половине двенадцатого ночи. В-пятых, Бернье сторожил снаружи все время с пяти и до половины двенадцатого с перерывом в две минуты около шести часов.

Когда это было установлено, Рультабий, сидевший за письменным столом Дарзака, поднялся и сказал:

— Ну вот, все очень просто. У нас одна надежда — на короткий перерыв в карауле Бернье около шести часов вечера. По крайней мере в эту минуту никого не было перед дверью. Но был некто за ней. Это вы, господин Дарзак. Можете ли вы подтвердить, сосредоточив все силы вашей памяти, что, войдя в свою комнату, вы сейчас же заперли дверь изнутри?

Дарзак, не колеблясь, торжественно ответил:

— Я подтверждаю это! — И прибавил: — И я открыл дверь только тогда, когда вы постучались ко мне с вашим другом Сенклером. Я подтверждаю это. — И, сказав это, Дарзак говорил правду, как выяснилось впоследствии.

Рультабий отпустил супругов Бернье, поблагодарив их, и дрожащим голосом произнес:

— Прекрасно, Дарзак, вы замкнули круг!.. Комнаты Квадратной башни теперь заперты так же, как была заперта Желтая комната.

— Сразу видно, что имеешь дело с Ларсаном, — заметил я, — обстоятельства одни и те же.

— Да, Сенклер, — подтвердила Матильда, — обстоятельства те же. — И она сняла с шеи мужа галстук, скрывавший ранения.

— Взгляните, — прибавила она, — тот же след большого пальца. Я хорошо его знаю!..

Наступило тяжелое молчание. Дарзак думал лишь о решении необычайной загадки, явившейся повторением преступления в Гландье, но еще более неразрешимой. И он повторил то же, что когда-то сказал о Желтой комнате.

— В полу, потолке или стенах должно быть непременно какое-нибудь отверстие.

— Его нет, — ответил Рультабий.

— В таком случае остается пробить это отверстие собственным лбом.

— Зачем же? — снова возразил Рультабий. — Ведь его не было и в стенах Желтой комнаты!

— Да, но здесь совсем другое дело! — сказал я. — И комната Квадратной башни заперта еще лучше, чем Желтая комната, потому что сюда никто не мог проникнуть ни раньше, ни потом.

— Нет, здесь совсем не то же самое, — закончил Рультабий, — а вовсе даже наоборот. В Желтой комнате не хватало трупа, а в комнате Квадратной башни труп лишний!

И он покачнулся, оперпись на мою руку, чтобы не упасть. Дама в черном бросилась к нему... У него хватило сил остановить ее одним жестом, одним словом:

— О, пустяки... я просто немного устал...

Глава XIV

МЕШОК ИЗ-ПОД КАРТОФЕЛЯ

Пока Дарзак, по совету Рультабия, уничтожал с помощью Бернье следы кровавой драмы, дама в черном поспешила переодеться, чтобы пройти в комнату отца, не подвергаясь опасности встретить кого-нибудь из обитателей Волчицы. Последними словами ее была просьба хранить осторожность и молчание. Рультабий отпустил нас.

Было уже семь часов, жизнь начала пробуждаться в замке и за его стенами. С моря доносились протяжные песни рыбаков. Я бросился на кровать и на этот раз глубоко заснул, побежденный усталостью. Проснувшись, я несколько мгновений пролежал на своей постели в сладком забытьи, но затем все происшествия ночи вдруг воскресли в моей памяти, и я сразу вскочил.

— Черт возьми, — воскликнул я громко, — лишний труп — это невозможно!

Эта мысль о невозможности, о недопустимости лишнего трупа всплывала над темной бездной моих сумрачных рассуждений и реяла призраком перед моими глазами. И не только меня одного охватило при пробуждении это чувство — его разделяли все, кто более или менее близко соприкоснулся с той необыкновенной драмой, что произошла в Квадратной башне. В то время как ужас события самого по себе — ужас этого тела, бившегося в агонии, засунутого в мешок из-под картофеля, увезенного среди ночи и брошенного в неизвестную, далекую, глубокую и таинственную могилу, где ему суждено было испустить последний вздох, — сглаживался в наших

умах, — невероятная мысль о лишнем трупе вырастала перед нами, становясь все более грозной и ужасной. Некоторым, вроде Эдит, например, отрицавшим по привычке то, что не укладывается в их голове, — некоторым пришлось с развитием событий, разыгравшихся в крепости Геркулес, покориться очевидности и принять даже самое невероятное.

А что само нападение? Как оно произошло? Когда? Какие подкопы ему предшествовали? Какие мины, контрмины, траншеи, прикрытия, окопы вокрут крепости помогли атакующему и открыли ему доступ в замок? На все эти вопросы у меня не находилось ответа. А между тем знать было необходимо! Рультабий сказал: нужно узнать. В столь таинственных условиях осада должна заключаться во всем и ни в чем! Осаждающий ведет свою работу молча, и нападение совершается без бранных криков, враг крадучись подходит к стенам. Атака! Она, быть может, в молчании, но, быть может, и в разговорах! Она в каждом слове, в каждом вздохе, в дуновении! Она в каждом жесте, ибо, если она во всем, что скрывается, она может быть и в том, что видимо... В том, что видимо и чего мы не видим!

Одиннадцать часов!.. Где Рультабий?.. Его постель не смята... Я торопливо одеваюсь и нахожу своего друга на переднем дворе. Он невозмутимо берет меня под руку и ведет в большую залу Волчицы. Там я, к своему удивлению, так как час завтрака еще не наступил, застаю в сборе целое общество. И супруги Дарзак также здесь. Артур Ранс необыкновенно холоден, его рукопожатие леденит кровь. Эдит приветствует нас из темного уголка, где она небрежно полулежит на кушетке, ироническим замечанием: «А! Вот и господин Рультабий со своим другом Сенклером. Наконец-то мы узнаем, чего он хочет от нас!»

Рультабий извиняется за то, что собрал всех нас так рано, объясняя это важностью сообщения, которое не считает себя вправе откладывать ни на секунду. Рультабий произносит это так серьезно, что Эдит притворяется ужасно испуганной и дрожащей от страха. Но Рультабий, которого ничто не смущает, останавливает ее словами: «Подождите дрожать, пока не узнаете, в чем дело. Я хочу сообщить вам довольно грустную новость». Все мы переглянулись. Каким тоном он произнес эту фразу! Я пытаюсь прочесть на лицах Робера и Матильды их состояние. Не изменились ли их лица после ужасной ночи? Но нет, держались они хорошо!.. Выражение отчужденности исчезло. Но что ты хочешь сказать нам, Рультабий? Говори!

Он просит всех стоящих сесть и наконец начинает, обращаясь к Эдит:

— Прежде всего позвольте мне сообщить вам, что я решил убрать весь этот караул вокруг форта Геркулес, который я считал необходимым для безопасности госпожи Дарзак и который вы разрешили мне поставить. Несмотря на то что он вас стеснял, вы проявили любезную предупредительность и внимание к нашим интересам.

Этот прозрачный намек на шутки, которыми награждала нас Эдит, когда мы отправлялись на свои посты, заставил улыбнуться Артура Ранса, да и его жену также. Но ни я, ни Дарзаки не улыбались — мы начинали беспокоиться, не понимая, к чему ведет наш молодой друг.

— Ах! Вы и в самом деле снимаете караул, господин Рультабий? Я действительно этому рада, но не потому, что он меня стеснял, — сказала Эдит с напускной веселостью, — наоборот, он очень меня занимал благодаря моим романическим наклонностям.

Если я теперь и радуюсь его исчезновению, то единственно как доказательству того, что госпоже Дарзак не угрожает больше никакая опасность.

— И это чистая правда, — подтверждает Рультабий, — с сегодняшней ночи.

Госпожа Дарзак делает резкое движение, замеченное мною одним.

— Тем лучше! — восклицает миссис Эдит. — Слава богу! Но почему же мы с мужем последние узнаем эту важную новость?.. Значит, сегодня ночью произошло что-то интересное? Вероятно, ночное путешествие господина Дарзака имеет к этому какое-нибудь отношение? Ведь господин Дарзак ездил в Кастелларе?

Я видел, как росло смущение господина и госпожи Дарзак по мере того, как Эдит говорила. Дарзак, переглянувшись с женой, хотел вставить свое слово, но Рультабий быстро перебил его:

— Я не знаю, куда ездил ночью господин Дарзак, но вам необходимо знать, почему госпоже Дарзак не угрожает больше опасность. Ваш муж рассказывал вам об ужасной драме в Гландье и той преступной роли, которую сыграл в ней...

— Фредерик Ларсан... Да, я знаю это.

— Вы знаете также, что мы окружили ваш замок стражей только потому, что этот человек появился вновь.

— Да-да.

— Так вот, госпоже Дарзак не угрожает больше опасность, потому что человек этот больше не появится.

— Что же с ним случилось?

— Он умер!

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Каким же образом он умер?

— Его убили, госпожа Эдит.

— Где же?

— В Квадратной башне.

Мы все вскочили при этих словах со вполне понятным волнением: мистер и миссис Ранс были ошеломлены этой новостью, Дарзаки и я пришли в ужас от того, что Рультабий не побоялся объявить об этом во всеуслышание.

— Кто же убил его?

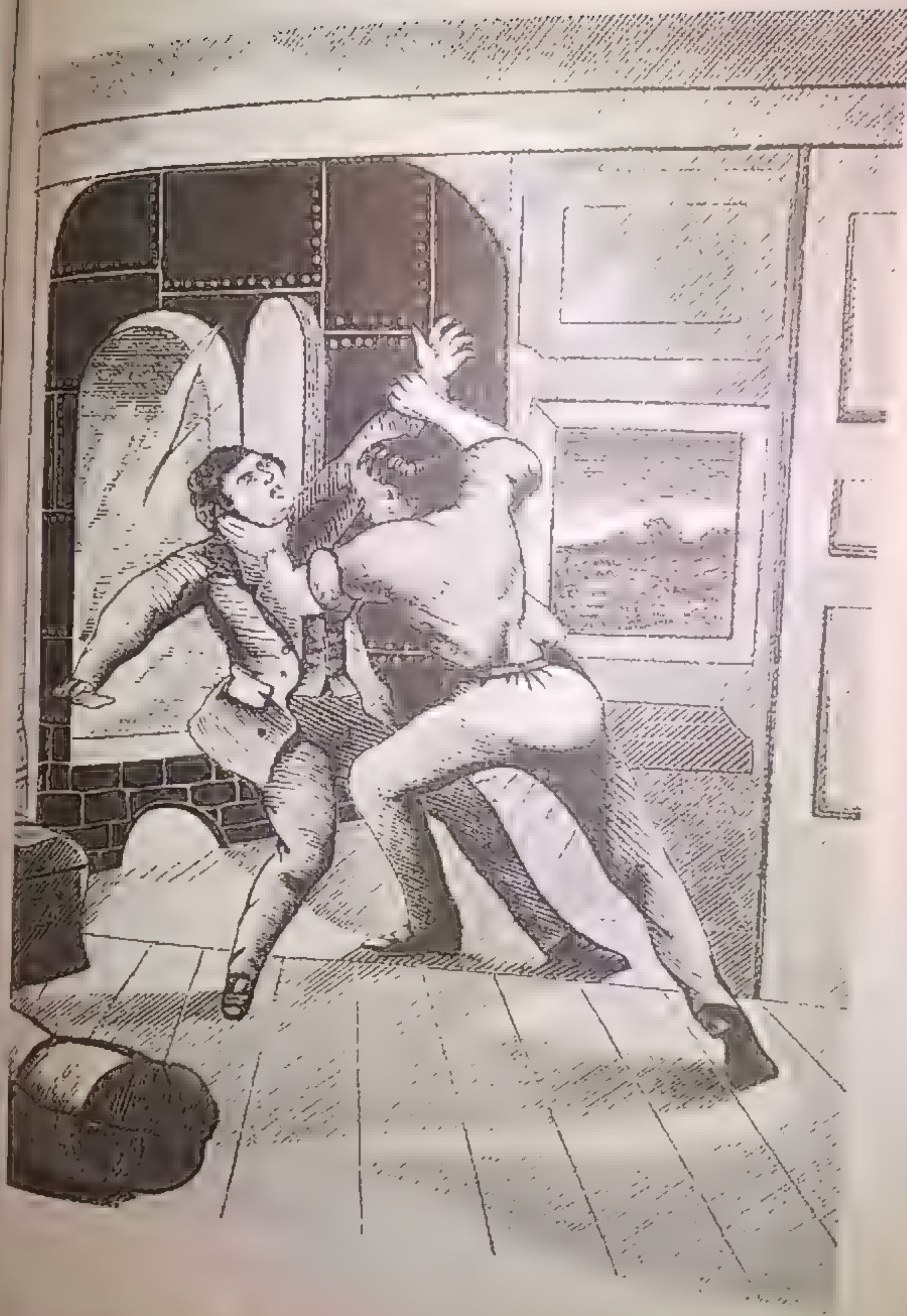
— Робер Дарзак! — сказал Рультабий, а затем попросил всех успокоиться и занять свои места.

И странное дело: все мы сели, как будто в эту минуту нам не оставалось ничего другого, как повиноваться этому мальчишке. Но Эдит почти тотчас встала и, подойдя к Дарзаку, пожала ему руку, сказав с воодушевлением и силой:

— Браво, Дарзак! Вы поступили как джентльмен! — И, повернувшись к мужу, она воскликнула: — Вот это настоящий мужчина! Он достоин любви!

Затем Эдит засыпала госпожу Дарзак восторженными поздравлениями (очевидно, восторженность составляла неотъемлемое свойство ее характера), пообещала ей вечную дружбу и заявила, что они с мужем готовы в столь затруднительных обстоятельствах помогать во всем ей и господину Дарзаку и свидетельствовать что угодно в суде.

— Вот именно, — перебил Рультабий, — речь вовсе не идет о суде, напротив, мы хотим его избежать. Он нам не нужен. Ларсан уже умер для всех раньше, задолго до этого. Пусть же он остается мертвым, вот и все! По нашему мнению, совершенно бесполезно возобновлять скандал, невинными жертвами которого так долго являлись Дарзаки и профессор Станжерсон. И в этом отношении мы рассчитывали на вашу поддержку. Драма произошла при столь

таинственных обстоятельствах, что вы сами никогда бы о ней не заподозрили, если бы мы не сочли своим долгом сообщить вам о ней. Чувство признательности за ваше гостеприимство обязывает господина и госпожу Дарзак довести до вашего сведения то, что у вас сегодня ночью было совершено убийство. Как бы ни были мы уверены в своих силах скрыть от итальянского правосудия эту злополучную историю, мы обязаны предвидеть всякую случайность, которая может навести полицию на это дело. И господин, и госпожа Дарзак достаточно тактичны, чтобы не подвергать вас риску узнать в один прекрасный день из газет или внезапного появления полиции о столь важном событии, происшедшем под вашей кровлей.

Артур Ранс, не проронивший до сих пор ни слова, поднялся бледный как смерть.

— Фредерик Ларсан умер! — произнес он. — Ну что ж, тем лучше! Никто не порадуется этому больше меня и, если он получил от руки господина Дарзака возмездие за свои преступления, никто искреннее меня не поздравит с этим господина Дарзака. Но я полагаю, что господин Дарзак не вправе скрывать свой поступок! Лучше всего, на мой взгляд, предупредить полицию без промедления. Подумайте сами, в какое мы попадем положение, если она узнает обо всей этой истории не от нас, а из посторонних источников! Заявляя об убийстве, мы творим дело правосудия, скрывая же его, становимся на одну доску со злоумышленниками! Поле для предположений остается самое широкое!..

Слушая мистера Ранса, произносившего свою речь с запинками — настолько он был смущен этим трагическим разоблачением, — можно было подумать, что это он убил Фредерика Ларсана... Он, который

однажды уже был обвинен судом в убийстве... и посажен в тюрьму.

— Нужно все рассказать, господа! Нужно все рассказать!...

Миссис Эдит присоединилась к нему:

— Я думаю, мой муж прав. Но, прежде чем принимать решение, не мешало бы узнать, как все произошло.

Она обратилась прямо к супругам Дарзак. Но последние находились еще под впечатлением от неожиданного сообщения Рультабия, который еще сегодня утром в моем присутствии обещал им хранить молчание и сам призывал нас к тому же. Они не ответили Эдит ни слова и продолжали сидеть на своих местах в полном оцепенении. Артур Ранс повторял: «К чему скрывать? Необходимо все рассказать!»

Внезапно репортер как будто принял какое-то решение; я понял по его глазам, которые разом вспыхнули, что у него появилась важная мысль. Он наклонился к Артуру Рансу; последний опирался рукой на трость с набалдашником в виде вороньего клюва. Клюв был художественно выточен из слоновой кости известным мастером из Дьеппа. Рультабий взял трость у него из рук.

— Вы позволите? — сказал он. — Я большой любитель изделий из слоновой кости. Мой друг Сенклер говорил мне о вашей трости, но я еще не имел возможности рассмотреть ее. Она действительно прекрасно сделана. Это работа Ламбеса. Он лучший мастер на всем нормандском побережье!

Молодой человек разглядывал трость и, казалось, всецело отдался этому занятию. Он вертел ее до тех пор, пока она не выскользнула у него из рук, откатившись к ногам госпожи Дарзак. Я бросился поднимать ее и сейчас же передал Артуру Рансу. Рультабий

поблагодарил меня с уничтожающим взглядом. Я прочел в этом взгляде, что поступил, как круглый идиот.

Эдит поднялась, раздраженная несносным поведением Рультабия и молчанием Дарзака.

— Дорогая моя, — сказала она госпоже Дарзак, — я вижу, что вы совсем утомлены. Волнения этой ужасной ночи совершенно лишили вас сил. Пройдите в наши комнаты, вам необходимо отдохнуть.

— Прошу вас извинить меня, но мне придется задержать вас еще на несколько минут, госпожа Эдит, — вмешался Рультабий. — То, что мне осталось сообщить, касается главным образом вас.

— В таком случае говорите, не заставляйте себя ждать.

Она была права. Интересно, понял ли это Рультабий? Но, как и всегда, он искупил неторопливость вступления быстротой и точностью, с которыми он восстановил ночные происшествия. Никогда загадка лишнего трупа в Квадратной башне не могла бы предстать перед нами с большей очевидностью во всей ее ужасающей таинственности! Эдит теперь в самом деле дрожала. Что касается Артура Ранса, то он слушал, прикусив набалдашник своей трости, и с чисто американским хладнокровием, однако весьма убежденно повторял:

— Дьявольская история! Дьявольская история с этим лишним трупом!..

Но, повторяя это, он не спускал глаз с кончика ботинка, видневшегося из-под платья госпожи Дарзак. Разговор стал более или менее общим, впрочем, это был не столько связный разговор, сколько ряд отдельных замечаний, возмущенных или сочувственных возгласов, стонов и вздохов, а также требований

объяснить условия возможного появления лишнего трупа, хотя эти пояснения ничего не дали, а только увеличили общую растерянность.

Рультабий не проронил ни слова среди этого потока праздных замечаний. Он с явным неодобрением наблюдал за этим словесным проявлением умственной сумятицы, проявлением, которое он переносил с видом учителя, позволившего лучшим ученикам небольшую передышку. Это была одна из несимпатичных для меня в Рультабие особенностей, за которую я часто его упрекал — впрочем, безуспешно, ибо Рультабий всегда делал только то, что ему нравилось.

Наконец, он, очевидно, нашел, что перемена продолжалась достаточно долго, так как внезапно резко спросил:

— Ну так как же, госпожа Эдит, вы все еще думаете, что нужно поставить в известность полицию?

— Я уверена в этом еще больше, чем раньше, — ответила она. — То, чего мы не в силах раскрыть, будет раскрыто ею! (Этот явный намек на умственное бессилие моего друга остался для последнего совершенно незамеченным). И должна признаться, господин Рультабий, — прибавила Эдит, — я нахожу, что можно было бы предупредить правосудие и раньше! Это избавило бы вас от нескольких долгих часов караула и бессонных ночей, которые, в сущности, не привели к какому бы то ни было результату, так как не помешали тому, кого вы так боялись, проникнуть в Квадратную башню.

Рультабий сел, с трудом скрывая свое волнение и дрожь, и как бы невольным движением вновь завладел тростью, которую Артур Ранс поставил у ручки кресла. «Что он хочет сделать с этой тростью? — подумал я. — На этот раз я к ней не прикоснусь!..»

Играя тростью, Рультабий ответил Эдит, которая напала на него с такой задиристостью, почти жестокостью:

— Вы не вполне правы, считая, что принятые мною меры предосторожности были совершенно бесполезны. Они, с одной стороны, позволили констатировать необъяснимое присутствие лишнего трупа, а с другой стороны, дали мне возможность установить отсутствие, быть может менее необъяснимое, недостающего тела.

Мы все переглянулись, одни — пытаясь понять, другие – испугавшись.

— О! Если так, — воскликнула Эдит, — то вы увидите, что никакой тайны нет! Все уладится! — И она передразнила Рутабия: — Лишнее тело с одной стороны, недостающее тело с другой! Все устраивается превосходно!

— Да, — кивнул Рультабий, — в этом-то и весь ужас, так как недостающий труп возник очень кстати, чтобы объяснить нам лишний труп. Теперь, госпожа Эдит, я могу вам сказать, что это недостающее тело — тело вашего дяди, мистера Боба!

– Старого Боба! — вскрикнула та. — Старый Боб исчез?!

И все мы закричали вместе с ней:

— Старый Боб! Старый Боб исчез!

— Увы! — проговорил Рультабий, роняя трость.

Но эта новость об исчезновении старого Боба так поразила Рансов и Дарзаков, что они не обратили никакого внимания на упавшую трость.

— Дорогой Сенклер, будьте так любезны, поднимите трость, — сказал Рультабий.

Черт возьми, я ее поднял! Рультабий не соблаговолил даже поблагодарить меня, а Эдит внезапно, как львица, набросилась на Робера Дарзака,

невольно отступившего на несколько шагов, с диким криком:

— Вы убили моего дядю!

Нам с Артуром Рансом стоило большого труда удержать и успокоить ее. С одной стороны, мы утверждали, что исчезновение ее дяди еще не значит, что он исчез именно в злополучном мешке из-под картофеля, а с другой не могли не упрекнуть Рультабия за ту резкость, с которой он высказал вслух мнение, существующее в его уме пока лишь в виде шаткой гипотезы. И, умоляя Эдит выслушать нас, мы с Рансом наперебой доказывали ей, что эту гипотезу нельзя считать хоть сколько-нибудь состоятельной, так как для этого Ларсан должен был бы занять место ее уважаемого дяди. Однако Эдит приказала мужу замолчать и, смерив меня высокомерным взглядом, сухо сказала:

— Я твердо уверена, господин Сенклер, что дядя мой исчез лишь с тем, чтобы появиться вновь в самом непродолжительном времени, иначе я обвиню вас как соучастника гнусного преступления. Что касается вас, — она повернулась к Рультабию, — то лишь одна мысль о том, что вы сочли возможным перепутать Ларсана со старым Бобом, не позволит мне когда-либо подать вам руку, и надеюсь, что у вас хватит такта поскорее освободить меня от вашего присутствия.

— Я как раз собирался просить разрешения покинуть вас, — произнес Рультабий с низким поклоном. — Мне предстоит небольшое путешествие. Через двадцать четыре часа я вернусь и буду готов помочь вам в устранении затруднений, которые могут возникнуть в связи с исчезновением вашего уважаемого дядюшки.

— Если мой дядя не вернется в течение этих двадцати четырех часов, я подам жалобу итальянским властям.

— Прежде чем прибегать к их помощи, я посоветовал бы вам расспросить тех ваших слуг, к которым вы питаете доверие, в частности Маттони. Доверяете ли вы Маттони, сударыня?

— Да, вполне.

— Так вот, сударыня, допросите его!.. Допросите!.. А перед моим отъездом разрешите вручить вам эту превосходную историческую книгу... — И Рультабий вытащил из кармана книгу.

— Это что еще такое? — презрительно спросила Эдит.

— Это, сударыня, труд Альбера Батайля, экземпляр его «Уголовных и гражданских дел», который я рекомендую вам прочесть. Из него вы узнаете о переодеваниях, обманах и ловкости знаменитого преступника, чье настоящее имя — Боллмейер.

Рультабий не знал, что я уже рассказывал Эдит необыкновенные истории о Боллмейере.

— После того, как вы это прочитаете, — продолжал он, — у вас будет время подумать, трудно ли такому субъекту предстать в ваших глазах под видом дядюшки, которого вы не видели больше четырех лет — ибо прошло четыре года, сударыня, прежде чем вы нашли этого почтенного ученого в глуши пампасов Арауканни. Что касается воспоминаний сопровождавшего вас мистера Ранса, то они еще более туманны и несравненно легче могли изменить ему, чем ваши воспоминания и ваше сердце племянницы! Я готов умолять вас на коленях, сударыня: не будем ссориться! Все мы в очень тяжелом положении. Вы требуете, чтобы я уехал; я уезжаю, но я вернусь, потому что, если мы примем ужасную гипотезу о превращении Ларсана в старого Боба, нам еще предстоит отыскать самого старого Боба. В последнем случае, сударыня, я к вашим услугам

и всегда готов служить вам самым преданным и искренним образом.

Эдит промолчала с видом оскорбленного достоинства, а Рультабий повернулся к Артуру Рансу со словами:

— Примите, мистер Ранс, мои глубокие извинения за все, что произошло здесь. Я позволяю себе надеяться, что вы, как истинный джентльмен, объясните все и вашей супруге. Вы упрекали меня за быстроту, с которой я высказал свое предположение, но вспомните, что миссис Эдит несколько минут назад упрекала меня в медлительности.

Но Артур Ранс уже не слушал его. Он взял жену под руку, и оба собрались покинуть комнату, когда дверь вдруг отворилась, и конюх Уолтер, верный слуга старого Боба, ворвался к нам, весь забрызганный грязью, в разорванной одежде. На покрытом потом лице, с прилипшими ко лбу прядями растрепавшихся волос, отражался гнев, смешанный с испугом, заставивший нас сейчас же предположить, что произошло какое-нибудь новое несчастье. В довершение всего он держал в руках отвратительную тряпку, которую и швырнул на стол. Эта тряпка, покрытая широкими красно-бурыми пятнами, была не что иное — мы сразу же догадались об этом, отшатнувшись в ужасе, — как мешок, в котором был вынесен лишний труп.

Уолтер уже что-то рассказывал по-английски своим скрипучим голосом, и все мы, за исключением Артура Ранса и его жены, спрашивали друг у друга: «Что он говорит? Что говорит?..»

Артур Ранс иногда перебивал его, задавая вопросы, в то время как Уолтер угрожающе махал в нашу сторону кулаками и кидал на Дарзака свирепые взгляды. На мгновение нам даже показалось, что он готов броситься на Дарзака, но Эдит удержала его

одним жестом. И Артур Ранс перевел для нас рассказ своего слуги:

— Он говорит, что сегодня утром заметил пятна крови на английском шарабане и что Тоби был очень утомлен ночной поездкой. Это заинтересовало его настолько, что он решил сейчас же поделиться своими наблюдениями со старым Бобом, но он напрасно искал его повсюду. Тогда его охватило мрачное предчувствие, и он проследил ночное путешествие английского шарабана, что было нетрудно сделать благодаря сырости почвы и узнаваемому расстоянию между колесами; таким образом, он добрался до расселины в старом Кастильоне, в которую и спустился, уверенный, что найдет там тело своего господина. Там он подобрал лишь этот пустой мешок, в котором, быть может, был завязан труп старого Боба. Теперь же, поспешно вернувшись на телеге крестьянина, Уолтер требует своего господина, спрашивая, не видел ли его кто-нибудь, и готов обвинить Робера Дарзака в убийстве, если ему его не покажут...

Мы все были поражены. К нашему большому удивлению, первой совладала с собой Эдит. Несколькими словами она успокоила Уолтера, пообещав ему, что через некоторое время старый Боб появится целым и невредимым, и отпустила его. Затем обратилась к Рультабию:

— Милостивый государь, у вас есть двадцать четыре часа, чтобы мой дядя вернулся.

— Благодарю вас, сударыня, — ответил Рультабий, — но если он не вернется, я буду прав.

— Но где же он может быть? — вскрикнула она.

— Я не смогу ответить вам на это теперь, когда его уже нет в мешке.

Эдит бросила на Рультабия уничтожающий взгляд и покинула нас в сопровождении мужа. Робер

Дарзак выразил свое крайнее недоумение историей, рассказанной конюхом. Он бросил мешок в пропасть вместе с Ларсаном, а мешок выплыл один. Что касается Рультабия, то последний высказался в таком духе:

— Ларсан жив, смею вас уверить! Никогда положение не было более опасным, я должен уехать!.. Нельзя терять ни минуты! Двадцать четыре часа! Через двадцать четыре часа я буду здесь... Но поклянитесь, поклянитесь мне оба не покидать замок... Поклянитесь мне, Дарзак, что вы не позволите ей выходить из замка, даже применив силу, если это окажется необходимым!.. И затем... Вам нельзя оставаться в Квадратной башне!.. На том же этаже, где живет Станжерсон, есть две свободные комнаты. Вы переедете туда... Это необходимо... Сенклер, вы позаботитесь об этом переселении... После моего отъезда ни ногой в Квадратную башню... Ни вы, ни кто другой... До свидания! Постойте! Я поцелую вас... Всех троих!..

Он обнял сначала Дарзака, потом меня и, наконец, упав на грудь дамы в черном, разрыдался. Поведение Рультабия, несмотря на серьезность положения, казалось мне непонятным. Увы! Сколь естественным я нашел его впоследствии!

Глава XV

НОЧНЫЕ ВЗДОХИ

Два часа ночи. Весь замок спит. Какая тишина на земле и в небесах! Я стою у окна с пылающим лбом и ледяным сердцем; море тихо вздыхает, и луна неподвижно застыла на безоблачном небе. Среди сонного безмолвия ночи вдруг раздаются звучные слова литовской песни. Откуда они доносятся? Из его или ее уст? Или это мое воображение? Однако что нужно этому черноземному князю, распевающему свои литовские песни, здесь, на берегу Средиземного моря? И почему его образ и песни так упорно меня преследуют? Что он для нее? Ведь он смешон с его нежными глазами, длинными темными ресницами и литовскими песнями! Да и я тоже смешон! Я, кажется, начинаю вести себя, как школьник. Впрочем, не думаю! И правда, я предпочитаю остановиться на том предположении, что в личности князя Галича меня волнует не столько тот интерес, который выказывает к нему миссис Эдит, сколько мысли о том, другом... Да, да, это так: в моем уме князь и Ларсан стоят уже рядом. Никто не видел его в замке после знаменательного завтрака, когда он был представлен нам.

День после отъезда Рультабия не принес с собой ничего нового. Мы не получили никаких известий ни о нем самом, ни о старом Бобе. Эдит заперлась в своей комнате, допросив предварительно прислугу и заглянув в комнаты старого Боба и Круглую башню. В помещение Дарзаков она не пожелала войти. «Это дело правосудия», — сказала она. Артур Ранс в течение часа разгуливал по западному валу с выражением крайнего нетерпения на лице. Никто со мной не говорил.

Дарзаки не выходили из Волчицы. Все обедали в своих комнатах. Профессор Станжерсон не показывался.

И вот теперь всё как будто бы спит в форте Геркулес... Но вот появляются тени, освещенные ночным светилом. Что это, как не тень лодки, отделившаяся от тени замка и скользящая по серебристым волнам? Чей это силуэт горделиво возвышается на носу, в то время как другая тень молчаливо сгибается над веслом? А, это ты, Федор Федорович! Вот тайна, разгадать которую будет, может быть, легче, чем тайну Квадратной башни, Рультабий! Я даже думаю, что для этого хватило бы сообразительности и у Эдит.

Обманчивая ночь... Все кажется уснувшим, но ничто и никто не спит... Кто же из обитателей замка может похвастаться тем, что ему удалось заснуть? Быть может, вы думаете, что госпожа Эдит спит? Спят ли супруги Дарзак? И почему Станжерсон, который как будто спит днем, будет спать именно в эту ночь, когда, как говорят, его постоянно мучает бессонница? А я, разве я могу спать?

Я вышел из комнаты и спустился во двор Карла Смелого; ноги бессознательно несли меня к валу Круглой башни. Я успел подойти туда как раз в тот момент, когда лодка князя Галича, облитая лунным светом, пристала к берегу, у вавилонских садов. Он выпрыгнул на песок, и вторая тень, сложив весла, последовала за ним. Я узнал хозяина и лакея: Федор Федорович и его слуга Иван. Через несколько секунд они исчезли, скрывшись под сенью столетних пальм и гигантских эвкалиптов.

Я обошел вал вокруг двора Карла Смелого, затем с бьющимся сердцем направился к переднему двору. Мои шаги гулко отдавались под каменными сводами арки; мне показалось, что возле полуразвалившейся часовни мелькнула какая-то тень и застыла,

прислушиваясь. Я остановился в непроницаемом мраке за углом башни Садовника, нащупывая в кармане револьвер. Тень не шелохнулась. Действительно ли это тень человека?

Я крадусь за зеленой изгородью вербены, окаймляющей тропинку, ведущую к Волчице, за кустами и клумбами цветов, благоухающих всеми ароматами весны. Я стою, не шелохнувшись, и тень, очевидно успокоившись, делает движение. Это дама в черном! Луна обливает всю ее фигуру своим бледным светом. Затем, как по мановению волшебной палочки, фигура вдруг исчезает. Тогда я подхожу ближе к часовне и, по мере того как расстояние между мною и развалинами сокращается, различаю тихий шепот, слова, прерываемые вздохами и всхлипываниями, и на мои собственные глаза наворачиваются слезы. Дама в черном плачет там, за какой-то колонной. Одна ли она? Возможно, она выбрала в столь тревожную ночь этот алтарь, заросший цветами, чтобы излить у его подножия свое горе и вознести среди полного покоя пламенную молитву?

Вдруг рядом с дамой в черном мелькнула тень; я узнал Робера Дарзака. С того места, где я стоял, я мог теперь расслышать весь их разговор. Это было дерзко, нескромно, неприлично! Однако я счел своим долгом подслушать. Теперь я совсем перестал думать о госпоже Эдит и князе Галиче... Я все время думал о Ларсане... Почему именно мысль о Ларсане заставила меня остаться и подслушивать? Я понял, что Матильда потихоньку вышла из Волчицы в сад, чтобы рассеять свою тоску, и что ее муж последовал за ней... Дама в черном плакала и, держа руки Робера Дарзака в своих, говорила:

— Я знаю... я знаю, как вам тяжело... вам нет нужды говорить мне это... Я вижу, как вы изменились.

как вы несчастны... я обвиняю лишь себя в ваших страданиях... Но не говорите мне, что я вас больше не люблю... О! Я еще буду любить вас, Робер, как раньше... обещаю вам... — Она задумалась и затем повторила со странной и в то же время энергичной решимостью: — Да, конечно! Я обещаю это...

Она еще раз пожала ему руку и ушла с божественной, но столь грустной улыбкой, что я спросил себя, как могла эта женщина говорить о возможном счастье. Она прошла, не заметив меня, оставив за собой аромат, заглушивший благоухание вишневых деревьев, за которыми я прятался.

Дарзак остался на месте, глядя ей вслед. Потом громко произнес с силой, заставившей меня задуматься:

— Да, нужно быть счастливым! Нужно!

Конечно, он имел право потерять терпение. И, прежде чем удалиться, он сделал протестующий жест, жест негодования против злой судьбы, жест хищника, как бы хватающего даму в черном, жест, повелевающий ею через разделявшее их пространство.

Не успел он сделать этот жест, как моя мысль оформилась, моя мысль, блуждавшая вокруг Ларсана, остановилась на Дарзаке! О! Я прекрасно помню: начиная с того момента, когда он сделал этот хищный жест, я отважился сказать себе то, о чем до сих пор не позволял даже думать... «Что, если это Ларсан!» И, разбираясь теперь внимательнее в своих воспоминаниях, я должен даже признаться, что моя мысль была еще определеннее. При жесте человека она сейчас же откликнулась, она закричала: «Это Ларсан!» Я был так ошеломлен, что, увидев, как Дарзак направляется в мою сторону, невольно сделал движение, выдавшее ему мое присутствие. Он увидел меня, узнал, схватил за руку и сказал:

— Вы были здесь, Сенклер, вы не спите!.. Мы все на страже, мой друг... Вы слышали!.. Сенклер, это слишком тяжело, я больше не могу. Мы были бы счастливы!.. И вот он появился снова! И вот все кончилось, у нее не хватило сил для нашей любви. Она склонилась под ударом судьбы, уверенная, что возмездие будет преследовать ее вечно. Потребовалась ужасная драма последней ночи, чтобы я убедился в том, что эта женщина действительно меня любила... когда-то... Да, на одну минуту она испытала страх за меня, а я, увы, я убил только ради нее... И вот она снова вернулась к своему убийственному безразличию. Она думает — если она вообще о чем-нибудь думает — только о том, чтобы скрыть происшествие от старика...

Он вздохнул так грустно и так искренне, что роковая мысль сразу же покинула меня. Я думал только о том, что он мне говорил... о страданиях этого человека, который, по-видимому, окончательно потерял любимую жену в тот момент, когда последняя обрела сына, о существовании которого он все еще ничего не знал. И действительно, ему должно было быть совершенно непонятным поведение дамы в черном и та легкость, с которой оборвались связывавшие их узы; и он не находил другой причины этому жестокому превращению, кроме обостренной угрызениями совести любви Матильды к своему отцу, профессору Стангерсону... Дарзак продолжал стенать:

— Зачем я убил его? Зачем она заставляет меня, как преступника, хранить это ужасное молчание, если не хочет вознаградить своей любовью? Быть может, ее страшит, что меня снова обвинят в убийстве? Новое судебное разбирательство? Увы! Даже не это, Сенклер... нет, нет, даже не это. Она боится, что ее отец не выдержит шума нового скандала. Ее отец!

Вечно ее отец! А я, я для нее не существую! Я ждал ее двадцать лет, и, когда, наконец, она пришла, ее отец отнимает ее у меня!

Я подумал: «Ее отец?.. отец и сын!» Он сел на старинный камень, оторвавшийся от стены часовни, и добавил, отвечая на свои мысли:

— Но я вырву ее из этих стен... я больше не могу видеть ее блуждающей здесь под руку с отцом... как будто меня не существует!..

По мере того как он говорил, перед моими глазами вставали печальные образы отца и дочери, гулявших взад-вперед в надвигавшихся сумерках, в гигантской тени Северной башни, удлиненной вечерними огнями, и я представлял себе, что они так же раздавлены под ударами неба, как Эдип и Антигона, влачившие под стенами Колона непосильное бремя нечеловеческих страданий.

А потом ужасная мысль вдруг снова овладела мной, вызванная непонятной мне причиной, быть может, каким-нибудь новым жестом Дарзака... и я неожиданно для самого себя спросил:

— Как могло случиться, что мешок оказался пустым?

Должен заметить, что Дарзак не смутился и просто ответил:

— Может быть, Рультабий сумеет объяснить нам это...

Потом он пожал мне руку и задумчиво отошел, утонув во мраке большого двора. Я недоуменно глядел ему вслед...

— Я схожу с ума....

Глава XVI

ОТКРЫТИЕ АВСТРАЛИИ

Луна ярко осветила его лицо. Он считает, что остался один среди ночного безмолвия, — теперь он, наверно, позволит себе сбросить дневную маску. Во-первых, черные очки не скрывают больше его неуверенного взгляда. И если его стан устал сутулиться за долгие часы комедии, то сейчас его плечи свободно развернутся, настал момент, когда большое тело Ларсана сможет отдохнуть. Пусть же он отдыхает! Я слежу за ним из-за фиговых деревьев, ни один его жест не ускользнет от меня...

Теперь он стоит на западном валу, как на высоком пьедестале; лунные лучи обливают его холодным и зловещим светом. Ты ли это, Дарзак? Или твой призрак? Или тень Ларсана, вернувшаяся из царства мертвых?

Я схожу с ума... Право, нужно быть к нам снисходительными, потому что все мы сходим с ума. Мы видим Ларсана всюду, и, быть может, сам Дарзак смотрел в один прекрасный день на меня, Сенклера, задавая себе вопрос: «А что, если это Ларсан?..» В один прекрасный день!.. Я говорю так, как будто прошло уже много лет с тех пор, как мы заперлись в этом замке, а между тем мы приехали сюда вечером восьмого апреля, ровно четыре дня тому назад... Это правда, что мое сердце никогда так не билось, когда я задавал себе этот ужасный вопрос относительно других. И потом, это совсем странно... Вместо того чтобы в ужасе отвергнуть столь невероятное предположение, я, наоборот, тянусь к этой бездне, не могу от нее оторваться. Я не свожу взгляда с призрака

на западном валу, ловлю сходство позы, жестов, наружности... и в профиль... и в анфас... Вот так он как две капли воды похож на Ларсана... Да, но так он как две капли воды похож на Дарзака... Как могло случиться, что эта мысль пришла мне в голову только сегодня ночью? Когда я об этом думаю... мне кажется, что она должна была стать нашей первой мыслью! Разве во время ужасных происшествий в Гландье образ Ларсана не сливался совершенно с образом Дарзака? Разве Дарзак, явившийся в сороковое почтовое отделение за ответом Матильды, не был самим Ларсаном? Разве этот король мистификаторов не изображал уже Дарзака с таким успехом, что сумел приписать жениху госпожи Станжерсон свои собственные злодеяния?

Конечно... конечно... но все же, как только мне удается заставить молчать свое неспокойное сердце и прислушаться к голосу разума, я вижу, что мое предположение безумно... Безумно?.. Почему?.. Вот он, призрак Ларсана, зашагал своими длинными ногами... Да, да, у него походка Ларсана... но плечи Дарзака. Я сказал «безумна», потому что мы постоянно общаемся с Дарзаком, мы живем под одной кровлей!..

Постоянно общаемся? Нет! Во-первых, мы редко его видим... он почти все время сидит запершись в своей комнате или склонившись над этим никому не нужным планом башни Карла Смелого... Ей-богу, это недурной предлог, чтобы скрывать выражение своего лица и отвечать на вопросы, не поворачивая головы...

Впрочем, не вечно же он рисует... Да, но на воздухе, за исключением сегодняшнего вечера, он не расстается с темными очками... Этот несчастный случай в лаборатории пришелся как нельзя более кстати... Взорвавшаяся горелка, — мне всегда так

казалось, — как будто предвидела услугу, которую сослужит Ларсану, когда Ларсан пожелает занять место Дарзака... Она дала ему возможность всегда избегать яркого дневного света... ссылаясь на слабость глаз... Еще бы!.. Госпожа Дарзак и сам Рультабий стараются искать темные уголки, где бы глаза Дарзака не страдали от дневного света... С того времени, как мы приехали сюда, он больше всех занят мыслью о тени... Мы видели его очень редко, и всегда в тени... Наш маленький зал совета очень темен... Волчица немногим светлее... а из двух комнат Квадратной башни он выбрал для себя ту, которая весь день погружена в полумрак.

Тем не менее... Постойте! Постойте!.. Рультабий не даст так легко себя обмануть!.. Пусть даже и на три дня! Однако, как говорит Рультабий, Ларсан родился раньше Рультабия, потому что он его отец...

Мне вспоминается первый жест Дарзака, когда он встретил нас в Каннах и вошел в наше отделение: он задернул штору...

Призрак на западном валу повернулся теперь в мою сторону. Я прекрасно вижу его... его лицо... на нем нет очков... он неподвижен, как будто с него снимают портрет... Не шевелитесь!.. Так, готово!.. Ну вот, это Робер Дарзак! Это Робер Дарзак!.. Он снова пошел... И я снова теряюсь в сомнениях... мне не хватает чего-то в походке Дарзака, чтобы узнать походку Ларсана, но чего?..

Рультабий заметил бы все. Впрочем... Рультабий рассуждает больше, чем наблюдает. И кроме того, было ли у него достаточно времени, чтобы наблюдать?

Нет!.. Не будем забывать, что Дарзак уезжал на три месяца на юг!.. Это правда!.. Тут есть о чем подумать: три месяца, в течение которых никто из нас

его не видел... Он уехал больным, а вернулся здоровым... И нечего удивляться тому, что человек изменился, раз он уехал с лицом мертвеца и вернулся с лицом живого.

Венчание совершилось сейчас же по его возвращении... Как мало показывался он нам и до, и после... Да и длилось все лишь неделю... Ларсан без труда мог продержаться семь дней.

Человек — Ларсан? Дарзак? — спустился со своего пьедестала, с западного вала, и идет прямо на меня... Не заметил ли он меня? Я стараюсь сжаться в комочек за своим фиговым деревом.

...Три месяца отсутствия, за которые Ларсан мог изучить всю мимику, все жесты, все движения Дарзака... и затем Дарзака убирают, становятся на его место, воруют у него жену, увозят ее... и дело сделано!..

...Голос? Что может быть легче, чем изобразить голос южанина? Немного больше или немного меньше акцента — вот и все! Мне показалось, что у него он чуть сильнее... Да, Дарзак после свадьбы говорит с бóльшим акцентом, чем Дарзак до свадьбы... Он почти натолкнулся на меня, но прошел мимо, не заметив... Это Ларсан! Я вам говорю, что это Ларсан!..

Но вот он останавливается на несколько мгновений, растерянно оглядывается на замок: все погружено в глубокий сон, кроме той скорби, что бодрствует в его груди. Он тяжело вздыхает, как может вздыхать лишь такой обиженный судьбой, как он... Это Дарзак!.. Потом он ушел... и я остался там, за своим фиговым деревом, ошеломленный всем тем, что осмелился передумать.

Сколько времени пробыл я в таком состоянии? Час? Два? Поднялся я с разбитым телом и усталой головой. В своих умопомрачительных гипотезах я дошел до того, что спрашивал себя, не мог ли

случайно (случайно!) Ларсан, заключенный в мешок из-под картофеля, занять место Дарзака, увозившего его в английском шарабане, запряженном Тоби!..

Воображение услужливо рисовало мне яркую картину, как агонизирующее тело вдруг оживает и приглашает Дарзака занять его место. Чтобы отбросить это нелепое предположение, мне стоило лишь припомнить доказательство полной его невозможности, которое дал мне сегодня же утром Дарзак в разговоре со мной наедине. Мы тогда расходились со злополучного собрания в Квадратной башне, на котором точно были определены условия задачи о лишнем трупе. Я тогда задал ему несколько вопросов относительно князя Галича, образ которого не переставал меня преследовать; Дарзак сейчас же ответил мне, ссылаясь на другой разговор, происходивший между нами накануне по поводу того же князя Галича и при таких условиях, что слышать нас, безусловно, не мог никто. Только один Дарзак знал об этом разговоре — откуда следует, что так сильно занимающий меня сегодня Дарзак не мог быть другим, чем накануне.

Как ни нелепа сама по себе мысль об этом превращении, я не стыжусь, что высказал ее. В этом отчасти виноват Рультабий с его манерой говорить о своем отце как о каком-то боге превращений! И я возвращаюсь к единственно возможному предположению — возможному для Ларсана, пожелавшего занять место Дарзака, — предположению подмены в день свадьбы, после возвращения жениха мадемуазель Стэнжерсон в Париж и трехмесячного его отсутствия.

Глубокого вздоха, вырвавшегося у Робера Дарзака, когда он проходил мимо меня, оказалось все же недостаточно, чтобы прогнать эту мысль... Перед моими глазами вставала фигура Дарзака, входившего в церковь Сен-Николя-дю-Шардонне, избранную им

для венчания... быть может, потому, подумалось мне, что во всем Париже не было церкви темнее...

Да, немудрено растеряться и выдумывать глупости, стоя в лунную ночь за фиговым деревом в борьбе с мыслью о Ларсане!..

«Нелепость!» — говорил я себе, осторожно пробираясь через передний двор к постели, ожидавшей меня в одинокой комнате Нового замка... Нелепость, потому что, как тонко подметил Рультабий... если бы Ларсан был в то время на месте Дарзака, ему оставалось лишь унести свою прекрасную добычу, и не было надобности появляться в виде Ларсана, чтобы пугать Матильду, и он не привез бы ее в форт Геркулес, в среду ее друзей, и не стал бы губить своих планов, показывая в лодке Туллио грозное лицо Русселя-Боллмейера.

В тот момент Матильда принадлежала ему, и с того момента он ее потерял. Появление Ларсана отнимало даму в черном у Дарзака — следовательно, Дарзак не был Ларсаном! Боже мой! Как болит голова... Виновата сияющая там, на небе, луна, что давит на мой мозг... У меня лунный удар...

И затем... затем, разве он не явился самому Артуру Рансу в ментонском саду в то время, как Дарзак сидел в поезде, увозившем его в Канны, навстречу нам! Если Артур Ранс сказал правду, я могу совершенно спокойно лечь спать... А для чего Рансу было лгать?.. Артур Ранс, еще один влюбленный в даму в черном и не перестававший ее любить... Эдит не глупа, она все заметила!..

Эдит!.. Однако... давно, давно уже пора спать!.. Я не успел еще выйти из ворот башни Садовника, когда мне что-то послышалось... я сказал бы, стук запираемой двери... шум дерева и железа... замков... я быстро выглянул из-за ворот и заметил смутный силуэт человека у самой двери в Новый замок; взведя

курок револьвера, я в три прыжка оказался у двери, но никого уже там не нашел. Дверь была закрытой, хотя я точно помнил, что оставил ее полуотворенной. Я сильно волновался... сердце стучало в груди... я чувствовал, что я не один... Кто же мог быть так близко от меня? Если мелькнувший передо мною силуэт существовал в действительности, он, несомненно, мог находиться лишь внутри Нового замка, ибо во дворе Карла Смелого никого не было.

Сохраняя величайшую осторожность, я открыл дверь и вошел в Новый замок. Не решаясь сделать ни одного движения по крайней мере в течение пяти минут, я внимательно прислушивался к малейшему шуму... Ничего!.. Я, вероятно, ошибся... Тем не менее я не рискнул зажечь спичку и насколько возможно тише взобрался по лестнице и заперся в своей комнате. Только тут я вздохнул свободно...

Однако это видение беспокоило меня сильнее, чем я мог признаться самому себе, и мне не спалось, хотя я разделся и улегся в постель. В конце концов увиденный мною силуэт и мысль о Дарзаке-Ларсане слились воедино в моем пошатнувшемся мозгу... Мне стало ясно, что я не успокоюсь, пока не проверю, что Ларсан не скрывается за самим Дарзаком. Да, но как это проверить?.. Потянуть его за бороду?.. Если я ошибусь, он сочтет меня сумасшедшим или угадает мою мысль, а она уж точно не принесет ему утешение в угнетающем его горе. Для полноты страданий не хватает лишь, чтобы его заподозрили в этом ужасном превращении!

Внезапно я отбросил одеяло, сел на постели и невольно вскрикнул:

— Австралия!

Я вспомнил о происшествии, о котором уже упоминал в начале своего рассказа. После несчастного

случая в лаборатории я сопровождал Робера Дарзака в аптеку. В то время как ему оказывали первую помощь, рукав его рубашки от неловкого движения засучился до локтя, и я имел возможность заметить на правой руке Дарзака, около сгиба, большое родимое пятно, контуры которого удивительно напоминали изображение Австралии. Пока доктор делал свое дело, я в уме размещал на пятне, согласно их расположению на карте, Мельбурн, Сидней, Аделаиду; рядом с большим пятном было еще маленькое, которое могло изобразить собой остров Тасманию.

Когда позднее мне случалось иногда вспоминать этот случай, первую помощь в аптеке и родимое пятно, я всегда, по понятной ассоциации, думал об Австралии. И вот в эту бессонную ночь мысль об Австралии снова пришла мне в голову!..

Едва я успел, сидя на постели, поздравить себя со счастливым разрешением вопроса и принялся раздумывать, каким образом мне взяться за практическое его осуществление, какой-то странный шум заставил меня насторожиться... Затем звук повторился... как будто трещали ступени под медленными и осторожными шагами.

Затаив дыхание, я подкрался к двери и, приложив ухо к замочной скважине, прислушался. Сначала все было тихо, затем ступенька скрипнула снова... Кто-то был на лестнице, я не мог больше сомневаться в этом... Кто-то, старавшийся скрыть свое присутствие... Тень, только что замеченная мною во дворе Карла Смелого... Кому она принадлежала и что ей было нужно на лестнице? Куда она шла — вверх или вниз?..

Снова тишина... Я воспользовался этим моментом, чтобы быстро натянуть на себя одежду, и, схватив револьвер, осторожно открыл дверь; она не скрипнула.

Сдерживая дыхание, я подполз к перилам и стал ждать. Я уже рассказывал о том полуразрушенном состоянии, в котором находился Новый замок. Бледные лучи луны проникали через высокие окна, резко выделявшиеся своими квадратами света в непроницаемом мраке, окутывавшем широкую лестницу. Жалкий вид замка, освещенного местами, проявлялся еще резче. Полуобвалившиеся перила лестницы, выломанные переплеты окон, изъеденные стены, на которых там и сям висели широкие лохмотья обоев, — все это, мало бросавшееся мне в глаза днем, необыкновенно сильно поразило меня теперь; вся эта мрачная обстановка навевала мысли о таинственных призраках прошлого... Мне было не на шутку страшно... Тень только что выскользнула у меня между пальцев... я был так близко от нее... Однако призраки могут прогуливаться по старым замкам, не скрипя ступенями... Но ведь они и не скрипят больше...

Вдруг, перегнувшись через перила, я вновь увидел тень!.. На нее падал яркий свет луны, и я узнал фигуру Робера Дарзака! Он поднялся на площадку первого этажа и пересекал вестибюль, подняв голову вверх, — как будто чувствовал на себе мой давящий взгляд. Я инстинктивно отшатнулся, успев, однако, заметить со своего наблюдательного поста, что он свернул в коридор, ведущий к лестнице в другой половине замка. Что это значило? Что делал Робер Дарзак ночью в Новом замке? Для чего все эти предосторожности, чтобы не попасться никому на глаза? Тысячи подозрений пронзили мой мозг, или, вернее, все только что посетившие меня мысли вновь овладели мною с необыкновенной силой, и я ринулся по следам Дарзака на «открытие Австралии».

Я добежал до коридора как раз в тот момент, когда он уже прошел его, и начал все так же осторожно

подниматься по шатким ступеням второй лестницы. Скрываясь в коридоре, я видел, как он, пройдя один лестничный марш, толкнул какую-то дверь. Добравшись до этой двери, уверенный, что он скрылся именно за ней, я тихо постучал три раза и замер. Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди. Все эти комнаты были необитаемы, заброшены... Что могло понадобиться Роберу Дарзаку в одной из них?..

Я ждал две минуты, показавшиеся мне вечностью; никто мне не ответил, дверь оставалась закрытой. Я постучал еще раз... на этот раз дверь открылась, и Робер Дарзак невозмутимо произнес:

— Это вы, Сенклер? Что вам угодно, мой друг?..

— Мне угодно знать, — ответил я дрожащим голосом, сжимая в кармане револьвер, — мне угодно знать, что вы здесь делаете в такой поздний час?..

Он спокойно зажег спичку и проговорил:

— Вы видите!.. Я собираюсь лечь спать...

Он зажег свечу, поставленную на стул, так как в этой разоренной комнате не было даже самого простого ночного столика. Железная кровать в углу, принесенная сюда, вероятно, еще днем, составляла все ее убранство.

— Я полагал, что вы должны спать сегодня ночью рядом с комнатой госпожи Дарзак и профессора Станжерсона, на первом этаже Волчицы...

— Помещение оказалось чересчур тесным, я мог бы стеснить госпожу Дарзак, — с горечью в голосе произнес несчастный, — и потому попросил Бернье принести мне кровать сюда... Да и не все ли мне равно, где ложиться, — я не сплю...

Мы помолчали. Я уже стыдился своих предположений. Овладевшее мною раскаяние было так сильно, что я не устоял и откровенно рассказал ему все: и о своих постыдных подозрениях, и о том, как

я решил, что имею дело с Ларсаном, увидев его разгуливающим по Новому замку, и как я собрался идти на «открытие Австралии». Я не скрыл от него, что возложил все свои надежды на эту Австралию.

Он выслушал мое признание со скорбным лицом, спокойно засучил рукав и, приблизив обнаженную руку к свече, показал мне родимое пятно, которое должно было меня разубедить. Я не хотел даже смотреть на него, но он заставил меня потрогать его, и я должен был констатировать, что это было самое обычное родимое пятно именно той формы, на которой можно было расположить и Сидней, и Мельбурн, и Аделаиду, а внизу имелось изображение Тасмании.

— Вы можете потереть его, — сказал он спокойно. — Оно не сходит.

Я снова со слезами на глазах стал умолять его простить меня, но он согласился забыть обиду лишь после того, как я потянул его за бороду, которая не осталась у меня в руке. Только тогда он отпустил меня спать, что я и сделал, кляня себя в душе и называя полным идиотом.

Глава XVII

УЖАСНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ СТАРОГО БОБА

Когда я проснулся, первая моя мысль была опять-таки о Ларсане. Действительно, я не знал, что думать, — жив ли он, умер ли? Быть может, рана его была не так серьезна, как мы полагали? Быть может, он остался жив? Мог ли он выбраться из мешка, который Дарзак бросил в Кастильонскую расселину? В конце концов, это Ларсану было вполне по силам, особенно если учитывать тот факт, что Уолтер нашел мешок в трех шагах от ямы, на уступах естественной лестницы, о существовании которой Дарзак, очевидно, не предполагал, бросая в пропасть труп Ларсана...

Вторая моя мысль была о Рультабие. Что он успел сделать за это время? Зачем он уехал? Никогда его присутствие в форте Геркулес не было еще так необходимо! Если он запоздает, этот день не обойдется без какой-нибудь драмы между Рансами и Дарзаками!

Тут в мою дверь постучали — Бернье принес мне короткую записку от моего друга, которую какой-то маленький оборванец из города передал папаше Жаку. Рультабий писал:

«Вернусь сегодня утром. Встаньте поскорее и будьте так любезны набрать для меня на завтрак этих превосходных моллюсков, которыми изобилует вода у мыса Гарибальди. Приветствую и благодарю. Рультабий».

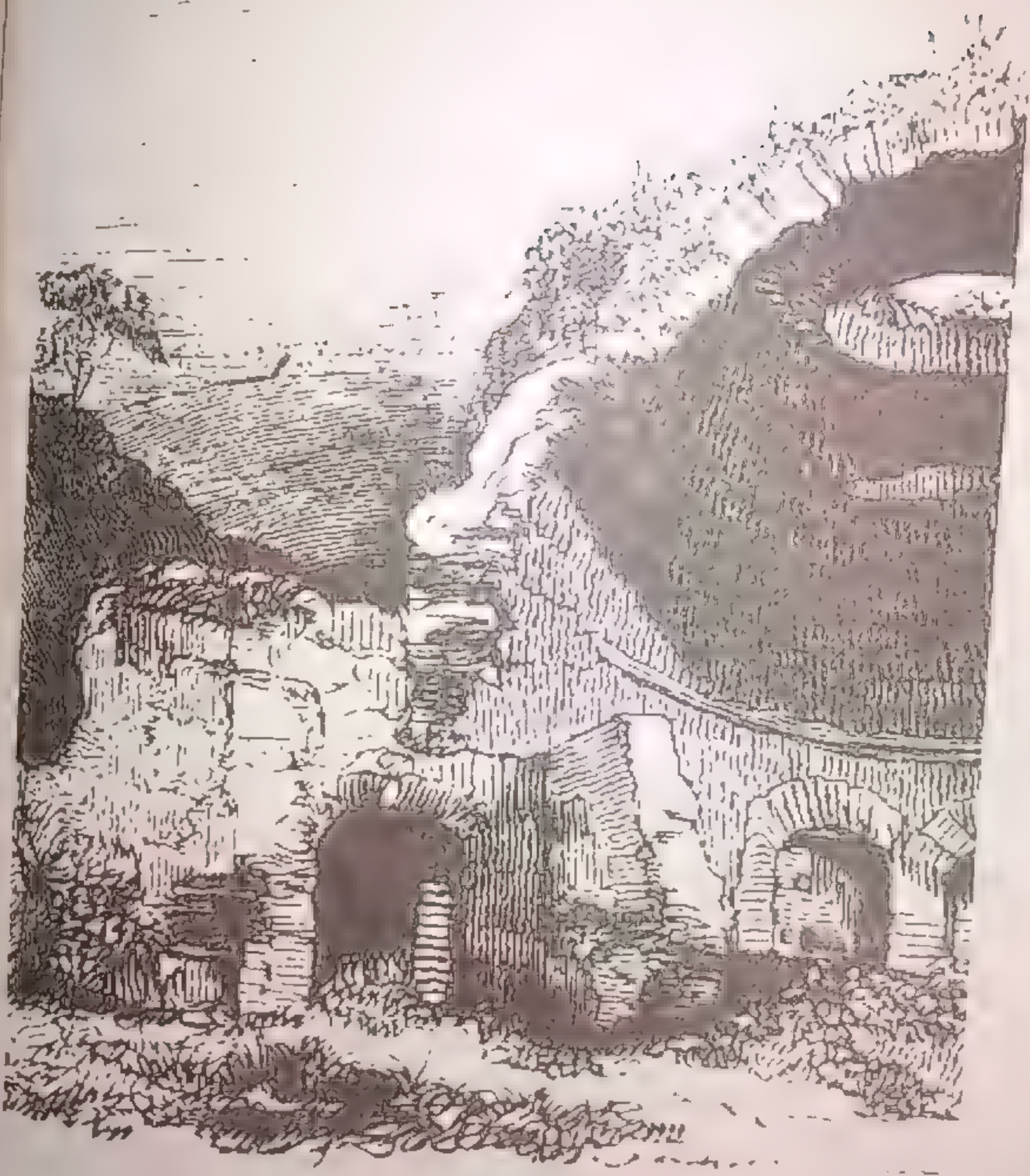
Эта записка заставила меня призадуматься — я по опыту знал, что Рультабий прикидывается заинтересованным пустяками именно тогда, когда

в действительности его ум занят самыми серьезными предметами.

Поспешно одевшись, я вооружился старым ножом, который одолжил мне Бернье, и отправился исполнять пожелание своего приятеля. Никого не встретив в этот ранний час — было около семи утра, — я уже выходил через северные ворота, как меня нагнала Эдит, которой я пересказал содержание записки Рультабия. Эдит, расстроенная продолжительным отсутствием старого Боба, сочла записку «странной и не предвещающей ничего хорошего» и последовала за мной собирать моллюсков. По дороге она сообщила мне, что ее дядя не прочь порой отлучиться на несколько деньков, а потому она до сих пор не теряла надежды на его возвращение, но теперь ее снова начинает терзать страшная мысль, что старый Боб стал жертвой мести Дарзака.

Она пробормотала глухую угрозу в адрес дамы в черном, прибавила, что ее терпения хватит ровно до двенадцати часов, и замолчала совсем.

Мы принялись за сбор моллюсков для Рультабия. Миссис Эдит сняла башмаки, и я также. Но нежные перламутровые ножки Эдит заставили меня напрочь забыть о моллюсках, так что бедному Рультабию, наверно, пришлось бы обойтись за завтраком без них, если бы молодая женщина сама не занялась их поиском с бесподобным усердием. Вдруг мы оба выпрямились и насторожились, прислушиваясь. Со стороны гротов послышались крики. На уступе пещеры Ромео и Джульетты мы различили небольшую группу людей, махавших нам шляпами и руками. Движимые одним и тем же предчувствием, мы поспешили к берегу. Вскоре мы узнали, что, привлеченные стонами, два рыбака нашли в расщелине в пещере Ромео и Джульетты какого-то человека, очевидно,

свалившегося туда и долгое время пролежавшего там без сознания.

...Мы не ошиблись. В яме действительно оказался старый Боб. Когда его вынесли из пещеры на дневной свет, вид его был достоин сожаления: прекрасный черный сюртук был в грязи и напоминал лохмотья. Эдит не могла удержаться от слез, в особенности когда выяснилось, что старик сломал себе ключицу и вывихнул ногу; он был бледен, как мертвец. К счастью, ничего более серьезного не было обнаружено. Десять минут спустя, согласно выраженному им желанию, Боба уложили в постель в его спальне. Представьте себе: этот старый упрямец отказался раздеться и снять сюртук до прибытия врача! Обеспокоенная Эдит расположилась у его изголовья, но по прибытии докторов старый Боб выгнал племянницу за пределы не только комнаты, но и Квадратной башни и велел запереть двери.

Эта последняя предосторожность очень нас удивила. Все мы — господин и госпожа Дарзак, мистер Ранс и я, а также Бернье, ожидавший от меня каких-либо новостей, — собрались во дворе Карла Смелого. Выйдя из Квадратной башни по прибытии доктора, Эдит поспешила к нам со словами:

— Будем надеяться, что ничего серьезного нет. Старый Боб еще очень крепок. Ну, что я вам говорила! И сейчас повторю: это просто старый шут, он, видите ли, хотел выкрасть череп князя Галича! Зависть ученого! Вот мы посмеемся, когда он поправится!

В эту минуту дверь Квадратной башни отворилась, и на пороге показался бледный, расстроенный Уолтер, верный слуга старого Боба.

— О, миссис! — сказал он. — Господин весь в крови! Он не хотел, чтобы я говорил, но его надо спасать!..

Эдит исчезла в Квадратной башне. Что касается нас, мы не решились последовать за ней. Через несколько минут она показалась снова.

— Боже мой! — простонала она. — Это ужасно! У него разбита вся грудь!

Я поспешил подать ей руку, чтобы поддержать ее, так как, к моему удивлению, мистер Артур Ранс в этот момент отошел от нас и прогуливался по аллее, заложив руки за спину и что-то насвистывая. Я пытался успокоить Эдит и выразил ей свои соболезнования, но ни сам Дарзак, ни его жена не присоединились в этом ко мне.

Рультабий вернулся в замок через час после этого происшествия. Я заметил его с высоты западного вала и поспешил к нему, как только увидел его на берегу. Я потребовал у Рультабия объяснений, но он оборвал меня с первых же слов вопросом, удачной ли была моя ловля, но в его испытующем взгляде я прочел, мне казалось, нечто другое. И в тон ему я ответил:

— О! Очень удачно! Я выловил старого Боба.

Он подскочил. Я пожал плечами, сохраняя уверенность, что он разыгрывает комедию, и сказал:

— Ну да! Вы же прекрасно знали, к чему приведете нас с этим сбором моллюсков!

Рультабий посмотрел на меня изумленно:

— Вы, очевидно, не предполагаете, мой дорогой Сенклер, какое значение могут иметь ваши слова, иначе избавили бы меня от труда протестовать против подобного обвинения!

— Какого обвинения? — воскликнул я.

— Обвинения в том, что я оставил старого Боба в агонии в пещере Ромео и Джульетты.

— Да что вы! Успокойтесь, старый Боб вовсе не в агонии. Он вывихнул ногу и плечо, это вовсе

не опасно, и вся эта история проста как божий свет: он хотел выкрасть череп князя Галича!

— Забавная мысль! — ехидно заметил Рультабий.

Он посмотрел мне прямо в глаза и проговорил:

— А вы-то сами верите в эту историю?.. И... это все? Других ран нет?

— Есть, — ответил я. — Рана есть, но доктор счел ее совершенно неопасной. Рана на груди...

— На груди! — вскрикнул Рультабий, нервно сжимая мою руку. — И как она выглядит, эта рана?

— Мы не знаем! Мы не видели! Старый Боб страшно стыдлив. Он не захотел снимать в нашем присутствии сюртук, который так хорошо скрывал эту рану, что мы никогда бы о ней не догадались, если бы нам не сказал Уолтер, напуганный видом крови.

Войдя в замок, мы столкнулись с Эдит, которая, по-видимому, искала нас.

— Дядя не хочет, чтобы я сидела у его постели, — сказала она, обеспокоенно глядя на Рультабия. — Мне это совершенно непонятно!

— О, сударыня! — возразил репортер, церемонно поклонившись нашей прелестной хозяйке. — Уверяю вас, что в мире нет ничего непонятного, если постараешься понять! — И он поздравил ее с возвращением милого дядюшки, которого она уже считала погибшим.

Эдит прекрасно поняла мысль моего друга и уже собиралась ему ответить, когда к нам приблизился князь Галич. Узнав о несчастье, он зашел справиться о здоровье своего приятеля старого Боба. Эдит уверила его в том, что с дядюшкой все в порядке, и попросила простить ему чрезмерную любовь к ископаемым черепам. Князь улыбнулся, услышав, что старый Боб собирался его обокрасть.

— Вы найдете свой череп, — сказала она, — в глубине пещеры. Он откатился туда, когда дядя упал...

Он сам сознался мне в этом... Не беспокойтесь о своей коллекции, князь...

Князь стал расспрашивать о подробностях; он казался сильно заинтересованным этим происшествием. Эдит рассказала ему, что, по словам старого Боба, он выбрался из форта Геркулес через колодец, сообщавшийся с морем. Как только я услышал это, мне вспомнились опыты Рультабия с ведром воды, а также устроенные нами затворы, и ложь старого Боба выросла в моих глазах до колоссальных размеров. Я был убежден, что совершенно несомненной она должна была представляться и для всех других, не предубежденных лиц. Наконец, Эдит объяснила нам, что Туллио ждал старого Боба в лодке у отверстия галереи из колодца, чтобы отвезти его к гроту Ромео и Джульетты.

— Сколько ухищрений, — не удержался я, — когда было так просто выйти через ворота!

Эдит бросила на меня горестный взгляд, и я тотчас раскаялся, что оказался не на ее стороне.

— Вот что странно! — заметил князь. — Третьего дня утром Туллио приходил прощаться со мной перед отъездом, и я знаю, что он уехал железной дорогой в свою родную Венецию в пять часов вечера. Как в таком случае он бы отвез старого Боба следующей ночью? Во-первых, его здесь не было, во-вторых, он продал лодку, как говорил мне, решив не возвращаться больше в нашу страну.

Наступило молчание, затем князь продолжил:

— Все это, впрочем, не имеет значения... если ваш дядя вскоре оправится от своих ран, а также, — прибавил он с улыбкой, еще более обворожительной, чем предыдущие, — если вы захотите помочь мне отыскать в пещере один камень. Это заостренный камень двадцати пяти сантиметров длиной, сточенный

на конце в форме топора, — короче, самый древний топор человечества. Я им очень дорожу, и, быть может, вам удастся узнать через вашего дядюшку, старого Боба, что с ним сталось.

Эдит тотчас пообещала ему с высокомерием, которое мне очень понравилось, приложить все старания для того, чтобы найти столь драгоценный топор. Князь откланялся и удалился. Оглянувшись, мы увидели Артура Ранса. Он, должно быть, слышал весь разговор и теперь, по-видимому, обдумывал его, поднеся ко рту трость с набалдашником в виде вороньего клюва, и, по своему обыкновению, что-то насвистывая. Он смотрел на Эдит с таким странным и вызывающим упорством, что та возмутилась.

— Я знаю, — сказала молодая женщина, — о чем вы думаете, милостивый государь... Это меня ничуть не удивляет... уж поверьте!..

И, нервно повернувшись в сторону Рультабия, она прибавила:

— В любом случае вы никогда не сумеете мне объяснить, каким образом он мог пробраться в шкаф, раз его не было в Квадратной башне!..

— Сударыня, — ответил Рультабий, — терпение и мужество!.. С божьей помощью я до наступления вечера сумею ответить на ваш вопрос!

Глава XVIII

ПОЛДЕНЬ. СТРАХ ДОСТИГАЕТ ПРЕДЕЛА

Немного позже я сидел наедине с Эдит в нижней зале Волчицы. Видя ее нетерпение и беспокойство, я пытался ее успокоить, но она закрыла руками свои блуждающие глаза и дрожащими губами прошептала признание:

— Мне страшно.

На мой вопрос, чего ей бояться, она в свою очередь спросила:

— А разве вам не страшно?

Я замолчал; это правда, мне тоже было страшно.

— Разве вы не чувствуете, как будто что-то совершается? — прибавила она. — И где! Вокруг нас! — Она пожала плечами. — Ах, я совсем одинока! И мне страшно! — И она направилась к двери.

— Куда же вы идете?

— Я пойду поищу кого-нибудь, чтобы не оставаться одной...

— Кого же вы собираетесь искать?

— Князя Галича!

— Князя! — вскрикнул я. — Зачем он вам? Разве я не с вами?

К несчастью, волнение Эдит лишь возрастало, несмотря на то что я прилагал все усилия, чтобы прогнать его, и я без труда понял, что оно было вызвано, главным образом, запавшим ей в душу страшным сомнением в личности ее дяди, старого Боба.

Мы вышли из башни Волчицы. Приближался полдень, и весь двор тонул в лучах солнца. Не захватив с собой темных очков, мы были вынуждены

прикрывать глаза руками, чтобы защитить их от слишком ярких красок, но гигантские герани слепили нас своим кроваво-красным цветом. Мы шли, держась за руки, по иссушенной земле, по раскаленному песку. Но наши руки горели еще сильнее, чем все, что нас окружало, чем все окутывавшее нас пламя. Мы смотрели вниз, чтобы не видеть бесконечного зеркала вод и, может быть также, чтобы не угадать того, что совершалось среди этого океана света. Эдит повторила: «Мне страшно!» — и я также испытывал страх, вызванный не только таинственными происшествиями ночи, но и этой гнетущей лучезарной полуденной тишиной. Свет, в котором совершается что-то невидимое, гораздо ужаснее мрака. Полдень! Все отдыхает и все живет, все умолкает и все шумит. Прислушайтесь, и вы услышите звуки более таинственные, чем поднимающиеся с земли с наступлением вечера. Закройте глаза и перед вашим внутренним взором предстанет целый ряд видений, волнующих сильнее, чем призраки ночи.

Я посмотрел на Эдит. Холодный пот струился по ее бледному лбу. Меня самого начинала бить лихорадка, так как я знал, что был бессилен что-либо для нее сделать и что неминуемое совершалось вокруг нас и мы не могли ни остановить, ни предугадать его. Она повела меня к воротам во двор Карла Смелого. Свод ворот вырисовывался черной аркой на светлом фоне; в конце этого прохладного туннеля стояли, как две белоснежные статуи, лицом к нам Рультабий и Дарзак. Рультабий держал в руках трость Артура Ранса. Не знаю почему, но эта подробность меня взволновала. Концом трости он указывал Роберу Дарзаку на что-то, чего мы не могли видеть. Слов их мы также не слышали. Они что-то говорили друг другу, едва шевеля губами, как два заговорщика, связанные общей

тайной. Эдит остановилась, но Рультабий сделал ей знак приблизиться, повторив свой жест тростью.

— Боже мой! — воскликнула она. — Что ему еще нужно от меня? Мне так страшно, господин Сенклер! Я скажу дяде все, и будь что будет.

Мы вошли под свод арки; Рультабий с Дарзаком смотрели, как мы приближаемся, не делая ни одного шага навстречу нам. Эта их неподвижность была удивительна, и я спросил, причем мои слова повторило эхо под сводом:

— Что вы там делаете?

Когда мы подошли, они попросили нас встать спиной ко двору Карла Смелого, чтобы мы смогли увидеть то, на что они так упорно смотрели. В вершину свода был вделан камень с выгравированным на нем гербом Мортолы, перекрещенным знаками младшей ветви. Этот камень шатался и в любую минуту мог свалиться на голову проходящих. Рультабий, без сомнения, заметил этот висящий над нашими головами герб и теперь обратился к Эдит с вопросом, не разрешит ли она снять его, чтобы затем более прочно укрепить на прежнем месте.

— Я убежден, что стоит дотронуться до него концом трости, и он упадет, — сказал Рультабий и передал трость Эдит. — Вы выше меня, — пояснил он, — попробуйте сами.

Но мы тщетно один за другим пытались дотянуться до камня: он висел чересчур высоко, и я уже спрашивал себя, для чего Рультабий затеял эти упражнения, как вдруг за моей спиной раздался душераздирающий крик!

Мы все обернулись, как по команде; ужас отразился на наших лицах. Ах, этот крик! Жуткий крик, прозвучавший на сей раз в полуденный час! Когда же все это прекратится? Когда же эти ужасные крики

перестанут возвещать нам о новых жертвах? О том, что один из нас поражен невидимой преступной рукой, внезапно и коварно, как чумой? Без сомнения, зараза надвигается не так бесшумно, как эта смертоносная рука! И вот мы вчетвером стоим на месте с широко раскрытыми глазами, вопрошающими напоенный светом воздух, еще дрожащий от смертельного крика. Кто же умер? Или кто должен умереть? Из чьих умирающих уст вырвался этот предсмертный стон? Куда бежать среди окружающего нас ослепительного света?

Больше всех напуган Рультабий. Я видел, как он при самых неожиданных обстоятельствах сохранял хладнокровие, видел, как он бросался на крик о помощи с героической отвагой, как он шел на риск среди моря мрака; почему же он дрожит сейчас, среди белого дня? Вот он перед нами, беспомощный, как ребенок, он, только что считавший себя хозяином положения. Он, значит, не предвидел этой минуты? Минуты, когда кто-то будет умирать среди полуденного света? Маттони, проходивший в это время по переднему двору, услышав крик, подбегает к нам. Одним жестом Рультабий заставляет его замереть на месте, под воротами. Теперь молодой человек направляется к эпицентру стонов, потому что они будто доносятся со всех сторон, описывают круги вокруг нас в раскаленном воздухе. Мы следуем за ним, затаив дыхание, вытянув руки, как делают люди, идущие во мраке, чтобы не натолкнуться на какое-нибудь невидимое препятствие. Мы подходим все ближе к источнику стонов и, пройдя тень эвкалипта, видим человека, извивающегося в конвульсиях. Это Бернье! Бернье! Он хрипит, старается приподняться и не может, он задыхается! Из груди его потоком льется кровь... Мы склоняемся над ним.

и, прежде чем умереть, он произносит эти два слова: «Фредерик Ларсан»!

Голова его падает. Фредерик Ларсан! Фредерик Ларсан! Он везде и нигде! Опять он! Невидимый, несуществующий убийца!.. Ибо единственный выход отсюда, где совершилось убийство, — это ворота, в которых мы стояли вчетвером. И все мы так быстро повернулись, как только раздался крик, так быстро, что должны были увидеть смертельный удар! Но мы ничего не видели, кроме ослепительного света!.. Движимые общей мыслью, мы спешим в Квадратную башню: дверь открыта настежь, без колебаний мы входим в помещение старого Боба, минуем пустую гостиную и отворяем дверь в спальню. Старый Боб спокойно лежит на кровати, в своем высоком цилиндре на голове, и у его изголовья сидит жена Бернье. Они совершенно спокойны! Но вот несчастная женщина замечает наши расстроенные лица и испускает крик ужаса в предчувствии еще неясной для нее катастрофы! Она ничего не слышала! Она ничего не знает!.. Но она хочет выйти, она хочет видеть, она хочет знать! Мы пытаемся ее удержать... Напрасно!.. Она выбегает из башни и видит труп. Пылающий знойный полуденный воздух доносит к нам ее жалобные стоны над истекающим кровью телом. Мы срываем рубашку с распростертого на постели старика и открываем рану под сердцем. Рультабий поднимается со словами:

— Как будто бы удар ножом! Но где же сам нож?

Мы повсюду ищем нож, но безуспешно. Человек, нанесший удар, очевидно, унес его с собой. Но где же сам этот человек? Кто он? Бернье узнал это перед смертью и умер, возможно, именно оттого, что узнал!.. Фредерик Ларсан! Мы дрожа повторяем эти два слова...

Вдруг из ворот показывается князь Галич с газетой в руках. Он идет к нам, игриво размахивая газетой. Но Эдит бежит к нему, вырывает у него из рук газету, указывает на труп и говорит:

— Здесь только что убили человека. Бегите за полицией.

Князь Галич смотрит на труп, на нас и, не произнося ни слова, поспешно уходит за полицией. Жена Бернье продолжает рыдать. Рультабий садится на колодец. У него совершенно беспомощный вид. Он вполголоса говорит Эдит:

— Пусть придет полиция, сударыня!.. Вы сами хотели этого!

Но Эдит бросает на него молниеносный взгляд своих черных глаз. Я знаю, о чем она думает. Она ненавидит Рультабия за то, что он заставил ее усомниться в старом Бобе. Разве старый Боб не лежал спокойно у себя в комнате, под присмотром самой Бернье, в то время как убивали ее мужа?

Рультабий, проверив затворы колодца, которые остались нетронутыми, вытягивается на верхней закраине, как на кровати, на которой мог бы, наконец, вкусить давно желанный покой, и говорит еще тише:

— Что же вы скажете полиции?

— Все! — произносит Эдит сквозь зубы.

Рультабий безнадежно качает головой и закрывает глаза. У него вид побежденного. Робер Дарзак осторожно трогает Рультабия за плечо, приглашая его осмотреть Квадратную башню, башню Карла Смелого, Новый замок и все закоулки двора, откуда никто не мог выйти и где по всей логике должен еще находиться убийца. Репортер печальным голосом отговаривает его. Разве мы ищем кого-нибудь с Рультабием? Разве мы искали в злосчастном Гландье, когда на наших глазах в таинственной галерее

пропал бесследно человек? Нет-нет! Теперь я знаю, что бесполезно искать Ларсана глазами! За нашей спиной совершилось убийство. Мы слышали крик жертвы под поразившим ее ударом. Но мы обернулись и не увидели ничего, кроме моря света! Чтобы видеть, нужно закрыть глаза, как сделал это Рультабий. Но вот он как раз открывает их. Новый порыв энергии заставляет его подняться. Он поднимает к небу сжатые кулаки и возмущенно восклицает:

— Это невозможно, или в логике вещей нет больше смысла!

Он бросается на землю и ползает на четвереньках, обнюхивая каждый камень, крутится вокруг трупа и несчастной Бернье, которую мы тщетно пытались увести от тела мужа, крутится вокруг колодца, вокруг каждого из нас. Мы стоим и бессмысленно наблюдаем за ним. На минуту он приподнимается и, захватив горсть пыли, бросает ее вверх с торжествующим криком, точно хочет возродить из этого пепла неуловимый образ Ларсана. Какую новую победу Рультабий одержал над тайной?.. Что придает такую уверенность его взору? Что вернуло ему былую твердость голоса? Да, он снова тот же решительный, твердый Рультабий, когда говорит Роберу Дарзаку:

— Успокойтесь, ничего не изменилось! — И прибавляет, обращаясь к Эдит: — Все, что нам остается, это ждать полицию.

Несчастная вздрагивает. Рультабий снова внушает ей страх.

— О да! Пускай приходят скорее! Пускай думают за нас! Тем хуже! Тем хуже! Что бы ни случилось! — говорит Эдит и берет меня под руку.

В эту минуту под воротами появляется папаша Жак в сопровождении бригадира и двух жандармов, спешащих на место преступления.

— Жандармы! Жандармы! Они говорят, что произошло убийство! — восклицает папаша Жак, которому еще ничего неизвестно о смерти Бернье.

— Успокойтесь, папаша Жак! — кричит ему Рультабий, и, когда привратник, запыхавшись, подбегает к нему, репортер шепотом прибавляет: — Ничего не изменилось, папаша Жак.

Но папаша Жак замечает труп Бернье.

— Ничего, кроме лишнего трупа, — вздыхает он. — Это Ларсан!

— Это судьба, – возражает Рультабий.

Ларсан, судьба — одно и то же. Но что могут значить эти слова — «ничего не изменилось»? Значит, несмотря на случайную гибель Бернье, продолжает совершаться то, чего боялись и о чем не знали Эдит и я?

Жандармы хлопочут вокруг тела, обмениваясь замечаниями на своем непонятном жаргоне. Бригадир докладывает нам, что о происшествии заявлено по телефону в гостиницу «Гарибальди», где сейчас завтракает delegate, или особый комиссар, имеющий право начать следствие, не дожидаясь следователя, которого также предупредили.

Через несколько минут появляется и delegate. Он в восхищении, хотя и не успел окончить свой завтрак. Преступление! Настоящее преступление! В форте Геркулес! Он сияет! Глаза его блестят. Он суетится, распоряжается, приказывает бригадиру поставить одного из своих людей к воротам замка со строгим приказом не выпускать никого. Затем опускается на колени подле трупа. Один из жандармов уводит в Квадратную башню жену Бернье, которая плачет навзрыд. Delegate осматривает рану и говорит очень прилично по-французски:

— Прекрасный удар ножом!

Он в восхищении: будь здесь убийца, он, без сомнения, выразил бы ему свое удовольствие по поводу столь меткого удара. Затем он обращает свои взоры на нас, пристально вглядываясь в наши лица. Быть может, он ищет среди нас виновника преступления, чтобы выразить ему свой восторг.

— Каким же образом это произошло? — спрашивает он в предвкушении действительно криминальной истории. — Это невероятно! — прибавляет он. — Невероятно!.. Уже пять лет я состою delegate, и до сих пор никого не убили! Господин следователь...

Тут он останавливается, и мы заканчиваем фразу за него:

— Господин следователь будет очень доволен!

Он стряхивает рукой пыль с колен, отирает лоб и повторяет: «Это невероятно!» — с южным акцентом, который только подчеркивает его радость. В это время во дворе появляется новое лицо, в котором комиссар узнает ментонского доктора, пришедшего к старому Бобу.

— А, доктор! Вот кстати! Будьте добры, посмотрите на эту рану и скажите, что вы думаете о столь ловком ударе! Старайтесь не сдвигать труп с места до прибытия господина следователя.

Доктор исследует рану и дает нам самые подробные сведения. Сомнений нет, это действительно был удар ножом, проникший снизу вверх в сердечную область; острие ножа угодило в желудочек. Во время этого разговора между delegate и доктором Рультабий не сводит глаз с Эдит, не отпускающей моей руки. Она избегает взгляда Рультабия, который словно гипнотизирует ее, приказывает ей молчать. Я чувствую, что она вся дрожит от желания заговорить.

По просьбе delegate мы входим в Квадратную башню и располагаемся в гостиной старого Боба, где

начинается допрос и где каждый из нас по очереди рассказывает увиденное и услышанное им. Жену Берньё допрашивают первой. Но от нее нельзя ничего добиться. Она заявляет, что не знает ничего, так как сидела у изголовья раненого, когда мы вбежали туда, как безумные. Она сидела там не меньше часа, оставив мужа у входа в Квадратную башню, где он плел веревку.

Больше всего меня интересует, заговорит ли Эдит... Она упорно смотрит в открытое окно. Один из жандармов остался караулить труп, лицо которого прикрыли платком. Эдит, подобно мне, проявляет крайне мало внимания к тому, что происходит сейчас в гостиной. Она не отрывает взгляда от трупа.

Восклицания delegate режут нам уши. По мере того как мы даем свои объяснения, удивление итальянского комиссара возрастает, и он находит преступление все более и более невероятным. Он готов уже признать его невозможным, когда очередь отвечать доходить до Эдит. Ее спрашивают... Она уже открывает рот, чтобы ответить, когда раздается спокойный голос Рультабия:

— Взгляните туда, где кончается тень от эвкалипта.

— Что там такое? — спрашивает delegate.

— Орудие преступления, — отвечает Рультабий, прыгая через окно во двор; среди других окровавленных камней он поднимает блестящий и острый камень и потрясает им перед нами.

Мы узнаем его: это «самый древний топор человечества»!

Глава XIX

РУЛЬТАБИЙ ПРИКАЗЫВАЕТ ЗАПЕРЕТЬ ЖЕЛЕЗНЫЕ ВОРОТА

Орудие убийства принадлежало князю Галичу, но никто не сомневался в том, что оно было украдено у него старым Бобом; с другой стороны, все мы помнили, что, прежде чем испустить последний вздох, Бернье назвал имя Ларсана. Никогда еще образы старого Боба и Ларсана так не сливались в наших умах, как после обнаружения «самого древнего топора человечества», испачканного кровью Бернье. Эдит сразу поняла, что судьба старого Боба всецело в руках Рультабия. Последнему стоило только сказать несколько слов комиссару по поводу странных обстоятельств, сопровождавших падение старого Боба в пещере Ромео и Джульетты, перечислить кое-какие соображения, которые заставляли предполагать, что старый Боб и Ларсан — одно и то же лицо, повторить, наконец, обвинение последней жертвы Ларсана, чтобы все подозрения правосудия пали на покрытую париком голову геолога. В глубине души Эдит не теряла уверенности, что лежащий в соседней комнате человек действительно ее дядя, старый Боб, но находка смертоносного топора заставила ее думать, что Ларсан искусно подготовил вокруг старого Боба почву для его гибели, с очевидным намерением возложить на него возмездие за свои преступления, а также и опасное бремя своей личности, и Эдит дрожала за старого Боба, да и за себя также. Она трепетала от ужаса, запутавшись, как бабочка в сачке, в таинственных тенетах, раскинутых Ларсаном и невидимыми нитями прикрепленных им к старым

стенам замка. У нее было такое ощущение, что стоит ей сделать одно только движение, — движение губами, — и оба они погибли, и ненасытный зверь ждет лишь этого движения, чтобы их проглотить. И вот ей, готовой говорить, приходилось молчать, к тому же опасаться, как бы не заговорил Рультабий.

Позднее она рассказывала мне о своем состоянии в тот драматический момент и признавалась, что испытывала перед личностью Ларсана такой страх, какого нам самим никогда, быть может, не приходилось переживать.

Этот дикий зверь в образе человека, рассказы о котором Эдит сначала слушала с улыбкой, заинтересовал ее, когда ей стало известно о том, что правосудие не сумело объяснить, как он вышел из Желтой комнаты. После драмы в Квадратной башне она была уже не на шутку взволнована, но здесь, средь бела дня, Ларсан совершил убийство на ее глазах, на пространстве, где не было никого, кроме нее самой, Робера Дарзака, Рультабия, Сенклера, старого Боба и жены Бернье, причем все находились достаточно далеко от места происшествия и не могли нанести удар Бернье. И Бернье обвинил Ларсана! «Где же Ларсан? В чьем теле?» — спрашивала она себя. Эдит стояла под сводом ворот между Дарзаком и мною, а Рультабий находился перед нами, когда раздался крик под эвкалиптом, то есть менее чем в семи метрах от нас. Что касается старого Боба и жены Бернье, то они не отходили друг от друга ни на минуту! Таким образом, никто из нас не мог убить Бернье! О! Теперь Эдит поняла, что бывают минуты, когда при мысли о Ларсане начинаешь трепетать от безотчетного страха.

Ничего! Ничего подле трупа, кроме каменного ножа, украденного старым Бобом. Этого так мало и

в то же время достаточно, чтобы позволить нам думать и предполагать что угодно...

Она ясно читала это в глазах и поведении Рультабия и Робера Дарзака. Тем не менее с первых же слов Рультабия она поняла, что у него в эту минуту не было другой мысли, кроме как спасти от подозрения властей старого Боба.

Рультабий стоял между delegate и только что прибывшим следователем и, держа в руках «древнейший топор человечества», рассуждал. Казалось окончательно установленным, что других виновников, кроме перечисленных мною выше, не могло быть, когда Рультабий доказал быстрым логическим рассуждением, пленившим следователя и огорчившим комиссара, что настоящим и единственным виновником был сам умерший. Раз все четверо, стоявшие под воротами, и двое, находившиеся в комнате старого Боба, наблюдали и не теряли друг друга из виду, в то время как кто-то убивал Бернье в нескольких шагах от них, то оставалось признать, что этим «кем-то» был сам Бернье!.. На это следователь ответил вопросом, не замечал ли кто-нибудь из нас предрасположенности Бернье к самоубийству; Рультабий резонно возразил, что для того, чтобы умереть, можно обойтись без преступления и без самоубийства — достаточно несчастного случая. Орудие преступления, то есть «самый древний топор человечества», одним своим присутствием подтверждало его предположение. Рультабий не допускал мысли, что преступник остановил бы свой выбор на этом старом камне как на орудии убийства.

Еще менее вероятным было то, что Бернье, решив покончить с собой, не нашел другого оружия, кроме этого ножа троглодитов. Если же, наоборот, камень мог привлечь его внимание своей необыкновенной

формой, если Бернье поднял его и держал в руках, а потом случайно упал на него, происшествие становилось вполне естественным и объяснялось самым простым образом. Бернье так неудачно упал на этот роковой обломок, что пронзил себе сердце. Выслушав эти соображения Рультабия, следователь еще раз пригласил доктора исследовать рану, сравнив ее с роковым предметом; результатом исследования явилось заключение, что рана нанесена именно этим предметом. Отсюда до признания несчастного случая оставалось сделать только шаг. Следователь потратил на это шесть часов. Шесть часов, в течение которых он допрашивал нас без устали и без результата.

Что касается Эдит и вашего покорнейшего слуги, то по окончании всей этой ненужной сутолоки мы остались в гостиной старого Боба, откуда только что удалились представители власти, в то время как в соседней комнате доктор возился около больного геолога. Дверь из гостиной в коридор Квадратной башни осталась открытой; из нее до нас доносились рыдания несчастной вдовы над трупом мужа, который был перенесен в их комнату. Мы с Эдит находились между этим трупом и раненым стариком, пребывая в ужасе от пережитого и увиденного и опасаясь того, что еще могло произойти. Внезапно Эдит схватила меня за руку.

— Не покидайте меня! Не покидайте! — проговорила она. — У меня нет никого, кроме вас. Я не знаю, где князь Галич, и от мужа тоже нет вестей. Это ужасно! Он ушел, сказав, что направляется на поиски Туллио, и даже не знает еще, что Бернье умер. Нашел ли он Туллио? Я теперь жду правды только от Туллио! И телеграммы все нет... Это невыносимо!..

С того момента, как она столь доверчиво взяла мою руку, задержав ее в своих, я принадлежал Эдит всей душой и уже перестал скрывать от нее, что она

может целиком и полностью рассчитывать на мою преданность. Мы обменялись этими незабвенными словами вполголоса, в то время как во дворе мелькали взад и вперед силуэты полицейских, сопровождаемых Рультабием и Дарзаком. Рультабий не упускал случая бросить взгляд в нашу сторону всякий раз, как представлялся удобный момент. Окно было открыто настежь.

— О! Он следит за нами, — заметила Эдит. — Ну и пусть! Пожалуй, мы стесняем их, оставаясь здесь. Но, что бы ни случилось, мы не уйдем отсюда, не правда ли, господин Сенклер?

— Нужно быть благодарным Рультабию, — осмелился сказать я, — за его вмешательство и за то, что он умолчал про «самый древний топор человечества», а также про то, что Бернье, умирая, назвал имя Ларсана... Узнай они это, история стала бы гораздо запутаннее!

Я сделал ударение на последних словах.

— Положим, — возразила она резко. — Но у вашего друга не меньше причин молчать, чем у меня! И я боюсь лишь одного!.. Да-да, я боюсь лишь одного...

— Чего?.. .

Эдит поднялась, дрожа.

— Я боюсь, что он спас моего дядю от правосудия только для того, чтобы его погубить!..

— С чего это пришло вам в голову? — спросил я неуверенно.

— Я прочла это в глазах у ваших друзей... Если бы я была уверена, что не ошиблась, я предпочла бы все же иметь дело с полицией!..

Затем она немного успокоилась и, по-видимому, отбросила это нелепое предположение.

— В конце концов, — сказала она, — нужно быть готовой ко всему, и я сумею защитить его!

С этими словами Эдит показала мне маленький револьвер, который прятала за корсажем.

— Ах! — вскрикнула она. — Отчего здесь нет князя Галича?

— Опять! — воскликнул я с отчаянием.

— Правда ли, что вы готовы защищать меня? — спросила Эдит, глядя мне прямо в глаза своим волнующим взглядом.

— Готов.

— Ото всех?

Я колебался. Она повторила:

— Ото всех?

— Да.

— И от вашего друга?

— Если потребуется, — ответил я со вздохом, отирая пот со лба.

— Хорошо. Я верю вам. В таком случае я вас оставлю здесь на несколько минут. Вы покараулите эту дверь, ради меня! — И она указала мне на дверь, за которой лежал старый Боб.

Затем она убежала. Куда? Она созналась мне в этом впоследствии: она побежала разыскивать князя Галича! Ах, эти женщины!..

Не успела она скрыться за воротами, как в гостиную вошел Рультабий в сопровождении Дарзака. Они все слышали. Рультабий направился ко мне и не стал скрывать, что ему известно о моей измене.

— Не находите ли вы, Рультабий, — ответил я, — что «измена» — слишком громкое слово. Вы знаете, что я не имею обыкновения изменять кому бы то ни было... Эдит действительно достойна сожаления, а вы ее совсем не жалеете, мой друг...

— А вы чересчур жалеете ее!

Я покраснел до корней волос и готов был ответить ему. Но Рультабий оборвал меня резким движением:

— Я прошу вас только об одном, только об одном! Слышите? Что бы ни случилось... что бы ни случилось, не заговаривайте ни со мной, ни с Дарзаком!..

— Это будет не трудно! — раздраженно ответил я и повернулся к нему спиной.

Мне показалось, что он с трудом сдерживал гнев. Но в эту самую минуту нас позвали, так как следователь вышел из Нового замка. Следствие было окончено. После заявления доктора роковая случайность стала в его глазах несомненной. Таким образом, его присутствие в замке было уже не нужно, и он собрался уйти. Рультабий и Дарзак вышли проводить его. Я остался один и облокотился на подоконник, снедаемый мрачными предчувствиями. Со все возрастающим беспокойством я ждал возвращения Эдит, в то время как в нескольких шагах от меня жена Бернье читала над трупом мужа молитвы, прерывая их рыданиями. Вдруг над моей головой в тихом вечернем воздухе раздался оглушительный звук, сопровождаемый лязгом железа и меди, и я понял, что это Рультабий отдал приказание закрыть входные ворота!

Не прошло и минуты, как я увидел Эдит, бежавшую ко мне в страхе и смятении, как к единственной ее опоре... Затем показался Робер Дарзак. Затем Рультабий под руку с дамой в черном.

Глава XX

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВОЗМОЖНОСТИ ЛИШНЕГО ТРУПА

Рультабий с дамой в черном прошли в Квадратную башню. Никогда еще Рультабий не шествовал так торжественно. Походка его могла бы вызвать улыбку, но сейчас, в эти трагические минуты, это нас лишь встревожило. Никогда прокурор или облеченный в мантию судья не входил с более грозным видом в зал, где его ожидал обвиняемый. Но никогда также судья не был так бледен.

Что касается дамы в черном, то она, видимо, делала тщетные усилия побороть чувство ужаса, сквозившее, несмотря ни на что, в ее беспокойном взгляде, и скрыть от нас волнение, заставлявшее ее нервно сжимать руку своего молодого спутника. У Робера Дарзака также был очень сумрачный вид. Но что больше всего нас смутило, это появление во дворе Карла Смелого папаши Жака, Уолтера и Маттони. Они все были вооружены ружьями и молча встали у входа в Квадратную башню, получив из уст Рультабия строгий приказ не выпускать никого из Старого замка. В довершение всего ни Маттони, ни Уолтер, преданные миссис Эдит, не ответили ничего на вопрос своей госпожи, что все это значит и против кого принимаются все эти меры. Тогда она в порыве героизма встала в проеме двери, загородив руками вход в гостиную старого Боба, и прерывающимся голосом спросила:

— Что вы собираетесь делать? Не думаете же вы убивать его?!

— Нет, сударыня, — глухо возразил Рультабий. — Мы собираемся судить его... И, чтобы доказать, что судьи не превратятся в палачей, мы будем судить его над трупом Бернье, сложив все имеющееся у нас оружие..

И Рультабий ввел нас в комнату, где жена Бернье продолжала оплакивать лежавшего на смертном одре мужа, сраженного «самым древним топором человечества». Тут мы все сложили наши револьверы и принесли клятву согласно требованию Рультабия. Одна только Эдит не без колебаний рассталась со своим оружием, существование которого не было тайной для Рультабия.

Затем Рультабий снова предложил руку даме в черном и вышел в коридор. Мы все последовали за ним, но вместо того, чтобы направиться, как мы ожидали, в помещение старого Боба, он свернул к двери, ведущей в комнату, где был обнаружен лишний труп. Вынув специальный ключ, о котором я уже упоминал, он отпер дверь.

Оказавшись в бывшем помещении Дарзаков, мы очень удивились, увидев на письменном столе Дарзака чертежную доску, план, над которым Робер работал в кабинете старого Боба, в башне Карла Смелого, небольшой стаканчик с красной краской и погруженную в него кисточку. Наконец, посреди стола покоился со своей окровавленной челюстью самый древний череп человечества.

Рультабий запер дверь на замок и сказал нам несколько взволнованным голосом, в то время как мы смотрели на него, ничего не понимая:

— Садитесь, господа, прошу вас.

Вокруг стола были расставлены стулья, на которых мы и разместились, снедаемые все возрастающим беспокойством. Тайное предчувствие подсказывало

нам, что за всеми этими чертежными принадлежностями скрывались ошеломляющие причины самой ужасной из драм. И череп скалился своей кровавой челюстью, напоминая улыбку старого Боба.

— Вы видите, — продолжал Рультабий, — что возле стола стоит один лишний стул, предназначенный для мистера Артура Ранса, которого мы не можем больше ждать.

— А он в эту минуту, возможно, нашел доказательство невинности старого Боба! — заметила Эдит, на которую все эти приготовления повлияли, по-видимому, сильнее, чем на других. — Я прошу госпожу Дарзак присоединиться к моей просьбе не предпринимать ничего до возвращения моего мужа!..

Не успела дама в черном ответить, как за дверью в коридоре послышался сильный шум. Раздался стук в дверь, и умоляющий голос Артура Ранса попросил немедленно открыть ему. Он кричал:

— Я принес булавку с рубиновой головкой!

Рультабий открыл дверь.

— Мистер Артур Ранс! Наконец-то мы дождались вас!..

Муж Эдит был, по-видимому, в отчаянии.

— В чем дело? Что случилось? Новое несчастье?.. Ах! Я не ошибся, думая, что опоздал, когда увидел запертые ворота и услышал в башне заупокойные молитвы. Да, я подумал, что вы уже казнили старого Боба!

В это время Рультабий запер за Артуром Рансом дверь в коридор.

— Старый Боб жив, умер Бернье. Садитесь же, сударь, — учтиво сказал Рультабий.

Артур Ранс, в свою очередь, с удивлением воззрился на чертежную доску, стаканчик с краской и окровавленный череп.

— Кто его убил? — спросил он.

Тут он заметил наконец присутствие своей жены и пожал ей руку, не спуская, однако, глаз с дамы в черном.

— Перед тем как испустить дух, Бернье назвал имя Фредерика Ларсана, — ответил Дарзак.

— Не хотите ли вы сказать, — перебил его Артур Ранс, — что он обвинил старого Боба? Это невыносимо! Я и сам одно время сомневался в подлинности нашего горячо любимого дядюшки, но повторяю вам, я принес булавку с рубиновой головкой!

О какой булавке он говорил? Тут я вспомнил рассказ Эдит, как старый Боб вырвал булавку у нее из рук, когда она в шутку уколола его в тот вечер драмы с лишним трупом. Но какое отношение могла иметь эта булавка к происшествию со старым Бобом? Артур Ранс не стал ждать наших вопросов и сообщил, что булавка исчезла одновременно со старым Бобом и что он нашел ее в руках у Туллио. Рыбак получил булавку вместе с пачкой банкнот, которыми дядюшка купил его сообщничество и молчание. Туллио отвез его этой ночью в своей лодке к гроту Ромео и Джульетты, откуда отплыл лишь на заре в Сан-Ремо, сильно обеспокоенный продолжительным отсутствием своего пассажира. И Артур Ранс торжествующе подытожил:

— Человек, передавший другому булавку с рубиновой головкой, не мог быть в тот же час завязанным в мешок из-под картофеля в Квадратной башне!

— А каким образом вам пришла в голову мысль отправиться в Сан-Ремо? — спросила Эдит. — Разве вы знали, что Туллио находится там?

— Я получил анонимное письмо с его адресом...

— Это я отправил его вам, — спокойно произнес Рультабий и прибавил ледяным тоном: — Милос-

тивые государи, я чрезвычайно рад скорому возвращению мистера Артура Ранса. Таким образом, вокруг этого стола собраны все обитатели форта Геркулес... для которых мое доказательство возможности лишнего трупа может представлять некоторый интерес. Я прошу внимания!

Мистер Ранс снова прервал его:

— Еще один вопрос. Кого вы имеете в виду, говоря о тех обитателях замка, для которых ваше доказательство возможности лишнего трупа может представлять некоторый интерес?

— Всех тех, — объявил Рультабий, — среди которых мы можем найти Ларсана!

Дама в черном, до сих пор не проронившая ни слова, поднялась, дрожа всем телом.

— Как! — простонала она. — Значит, Ларсан среди нас?..

— Я в этом уверен! — твердо сказал Рультабий.

Наступило невыносимо тяжелое молчание, во время которого мы не решались поднять глаз друг на друга. Репортер продолжал своим ледяным тоном:

— Я в этом уверен... и эта мысль не должна вас поражать, сударыня, потому что она никогда вас не покидала!.. Что касается нас, милостивые государи, то нам это стало ясно после завтрака в темных очках на террасе Карла Смелого. Я не говорю о госпоже Эдит, — обратился он к ней, — не почувствовали вы ведь, — обратился он к ней, — не почувствовали присутствия Ларсана?

— Этот вопрос можно задать и профессору Станжерсону, — живо возразил Артур Ранс. — Раз уж мы рассуждаем таким образом, я не вижу причины, почему профессор, принимавший участие в том завтраке, не присутствует сейчас на нашем собрании...

— Мистер Ранс!.. — воскликнула дама в черном.

— Да, я прошу прощения, — продолжал, немного смутившись, супруг Эдит. — Но тут больше виноват Рультабий, сказав: «Все обитатели форта Геркулес...»

— Профессор Станжерсон мыслями так далек от нас, — произнес торжественным тоном Рультабий, — что он мне сейчас не нужен. Хотя профессор Станжерсон и жил рядом с нами в форте Геркулес, он по-настоящему никогда не был с нами. Ларсан же не покидал нас ни на минуту!

На этот раз мы все украдкой переглянулись, и мысль, что Ларсан может действительно сидеть между нами, показалась мне до такой степени дикой, что я совершенно забыл о своем обещании не заговаривать с Рультабием.

— Но на том завтраке в темных очках, — осмелился заметить я, — присутствовало еще одно лицо, которого я здесь не вижу.

Рультабий проворчал, довольно недружелюбно взглянув на меня:

— Опять князь Галич! Я уже говорил вам, Сенклер, чем занят князь здесь, за границей... и я клянусь вам, что его занимают вовсе не несчастья дочери профессора Станжерсона! Предоставьте князю Галичу заниматься его исследовательскими изысканиями...

— Однако, — злобно заметил я, — это не доводы.

— Вот именно, Сенклер, ваша болтовня мешает мне думать.

Но я уже не мог остановиться и, забыв, что пообещал Эдит защищать старого Боба, принялся нападать на него лишь из удовольствия противоречить Рультабию; Эдит долго не могла простить мне этого.

— Старый Боб, — самоуверенно заговорил я, — также сидел за завтраком в темных очках, и

вы исключаете его из состава подозреваемых, основываясь исключительно на булавке с рубиновой головкой. Но эта булавка, служащая доказательством того, что старый Боб провел ночь с Туллио, ожидавшим его в лодке у выхода из галереи, посредством которой колодец сообщается с морем, — эта булавка не дает нам объяснения, каким образом мог старый Боб, согласно его утверждению, воспользоваться колодцем, так как мы нашли колодец закрытым снаружи!

— Вы! — сказал Рультабий, глядя на меня с непонятной суровостью, которая меня смутила. — Это вы нашли его закрытым! А я, я нашел колодец открытым! Я послал вас к Маттони и папаше Жаку. Вернувшись, вы застали меня на том же месте, в башне Карла Смелого, но я успел тем временем сбегать к колодцу и констатировать, что он открыт...

— И снова закрыть его! — вскрикнул я. — Зачем же вы сделали это? Кого вы хотели обмануть?

— Вас, милостивый государь!

Он произнес эти слова с таким уничижительным презрением, что краска бросилась мне в лицо. Я поднялся. Все взоры теперь обратились на меня, и, в тот самый момент, когда я вспомнил, как резко и грубо Рультабий обошелся со мной в присутствии Дарзака, мною овладело ужасное чувство, что все обвиняют меня! Да, я почувствовал, как все присутствующие начали подозревать во мне Ларсана! Я — Ларсан!

Рультабий даже не опустил глаз, когда встретил мой взгляд, в котором выражался дикий протест всего моего существа и нестерпимое негодование. Гнев бушевал во мне, воспламеняя кровь.

— Ах так! — закричал я. — Нужно с этим покончить. Если старый Боб отпадает, если князь Галич

отпадает, если профессор Станжерсон тоже отпадает, то остаемся мы одни, присутствующие здесь, в этой комнате, и если Ларсан среди нас, то укажи его, Рультабий!

Я в бешенстве произнес последние слова, потому что этот молодой человек со своим пронизывающим взглядом выводил меня из себя, заставляя забыть о приличиях.

— Укажи его! Назови! Ты так же медлишь, как в зале суда!..

— Разве у меня не было причин для этого в зале суда? — ответил он по-прежнему спокойно.

— Ты опять хочешь дать ему возможность ускользнуть?

— Нет, клянусь тебе, на этот раз он не ускользнет...

Почему он говорил со мной таким угрожающим тоном? Неужели он действительно предполагал, что Ларсаном был я? Мои глаза встретились в эту минуту со взглядом дамы в черном. Она смотрела на меня с ужасом.

— Рультабий, — проговорил я сдавленным голосом, — ведь ты не думаешь... ты не подозреваешь?..

В эту минуту снаружи, совсем рядом с Квадратной башней, раздался ружейный выстрел; мы все вскочили, помня о том, что Рультабий отдал всем трем слугам строгий приказ стрелять во всякого, кто бы ни попытался выйти из Квадратной башни. Эдит вскрикнула и хотела броситься наружу, но Рультабий, сидевший неподвижно, остановил ее словами:

— Если бы стреляли в него, то стреляли бы, несомненно, все трое. Этот же выстрел — лишь сигнал, что я могу начинать. — И, обратившись ко мне, добавил: — Господин Сенклер, вы должны бы знать,

что я никогда никого не подозреваю, если мои доводы не опираются на здравый смысл! Это крепкая палка, которая ни разу еще мне не изменила и на которую я теперь приглашаю всех вас опереться вместе со мной!.. Ларсан здесь, среди нас, и мы найдем его благодаря здравому смыслу. Садитесь же все, прошу вас, и не сводите с меня глаз, так как я сейчас продемонстрирую, каким образом у нас появился лишний труп.

* * *

Предварительно он еще раз убедился, что дверь в коридор действительно заперта на замок, затем вернулся к столу и взял в руки циркуль.

— Для наглядности я хотел бы показать вам возможность существования лишнего трупа, — сказал он, — в том самом месте, где он появился.

С помощью циркуля он измерил на рисунке Дарзака радиус круга, изображавшего площадь башни Карла Смелого, и перенес его на чистый лист белой бумаги, прикрепленный им медными кнопками к чертежной доске. Начертив круг, Рультабий отложил циркуль в сторону и взялся за кружечку с красной краской. На вопрос Рультабия, признает ли он свою краску, Дарзак, который, как и все мы, был в недоумении, ответил, что действительно он приготовил эту краску для своего чертежа.

Добрая половина краски успела уже высохнуть в стаканчике, но, по мнению Дарзака, оставшаяся половина сохранила приблизительно тот же оттенок, как и употребленная им на окраску плана полуострова Геркулес.

— Никто не притрагивался к ней, — продолжал Рультабий. — Краска была разбавлена лишь самую

малость. Впрочем, вы увидите, что лишняя капля нисколько не помешает моей демонстрации.

С этими словами он обмакнул кисть в краску и начал наносить ее равномерным слоем на все очерченное пространство. Он проделывал это с большой тщательностью, уже поразившей меня однажды, когда в башне Карла Смелого он занимался рисованием, в то время как совершалось убийство. Окончив свое занятие, он сказал:

— Вы видите, милостивые государыни и государи, что слой краски, покрывающей мой круг, ничуть не гуще и не бледнее, чем на плане господина Дарзака. У них один и тот же оттенок.

— Совершенно верно, — ответил Дарзак, — но что все это значит?

— Подождите! — возразил репортер. — Мы можем считать этот раскрашенный план делом ваших рук?

— Черт возьми, да! Я был крайне раздосадован, обнаружив, что он испорчен, когда мы вошли с вами в кабинет старого Боба! Почтенный ученый испортил мою работу, катнув по нее свой череп!

— Вот мы и подходим к главному!.. — заключил Рультабий.

И, взяв со стола самый древний череп человечества, он показал красную челюсть Роберу Дарзаку со словами:

— Согласны ли вы с тем, что краска на этой челюсти именно та, которой был покрыт ваш план?

— Еще бы! Какое в этом может быть сомнение? Череп еще лежал на моем чертеже, когда мы вошли в башню Карла Смелого.

— Таким образом, мы с вами пока придерживаемся одного и того же мнения, — проговорил репортер.

Тогда он встал и с черепом под мышкой направился к нише в стене, служившей прежде амбразурой

для пушек, а теперь превращенной Дарзаком в уборную. Тут он чиркнул спичкой и зажег небольшую спиртовку, стоявшую на столе. Над ней он поставил кастрюльку с водой. Череп он по-прежнему держал под мышкой.

Мы не спускали с него глаз, пока он занимался этими странными кухонными приготовлениями. Никогда еще поведение Рультабия не казалось нам более непонятным, таинственным и волнующим. Нас охватывал страх, но мы чувствовали, что кому-то рядом с нами, кому-то из нас было страшно больше, чем всем остальным! Кому же? Быть может, наиболее спокойному на вид? Но самым спокойным был Рультабий, возившийся со своим черепом и кастрюлей.

Но что это? Почему мы внезапно отступаем, охваченные общим чувством? Дарзак, с глазами, расширенными от ужаса, дама в черном и Артур Ранс, я сам... Почему у всех нас чуть было не сорвалось с губ имя «Ларсан»?..

Где же мы его увидели? Что напомнило нам его резкие черты, в то время как мы не спускали глаз с Рультабия? Ах! Этот профиль в красноватых сумерках надвигающегося вечера, этот лоб на фоне амбразуры, залитой кровавым отблеском заходящего солнца! О! Этот суровый и своенравный подбородок, который при дневном свете казался нежно округленным, а теперь вырисовывается так резко и сурово! Как похож Рультабий на Ларсана! Как он похож в эту минуту на своего отца! Это Ларсан!

Мать Рультабия издает тяжелый стон, молодой человек выходит из мрачных декораций, в которых он предстал перед нами с лицом разбойника, подступает к нам и становится прежним Рультабием. Мы еще дрожим. Эдит, никогда не видевшая Ларсана, ничего не понимает и спрашивает меня:

— Что случилось?

Рультабий с помощью кастрюльки, салфетки и горячей воды смывает с черепа краску. Дело идет быстро. Краска исчезает. Он заставляет нас убедиться в этом и затем, подойдя к столу, стоит в немом созерцании своего рисунка. Это продолжается десять минут, в течение которых он знаком просит нас хранить молчание... десять нестерпимо долгих минут... Чего он ждет? Вдруг он хватает череп правой рукой и несколько раз подряд прокатывает его по своему чертежу, как делают это играющие в кегли; затем показывает нам череп, обращая наше внимание на то, что на нем не отпечаталось ни следа красной краски, и снова вытаскивает часы.

— Краска совершенно высохла на плане, — говорит он. — Четверти часа оказалось достаточно для этого. Одиннадцатого числа господин Дарзак, как мы видели, вошел в Квадратную башню со двора в пять часов. Войдя в нее и закрыв за собой дверь комнаты на ключ, господин Дарзак, по его словам, вышел из нее только тогда, когда мы пришли за ним, после шести часов вечера. Что касается старого Боба, то мы видели его входящим в Круглую башню с черепом, не запачканным краской, в шесть часов.

Каким же образом эта краска, которая высыхает за четверть часа, в тот день, спустя целый час после того, как ее оставил Дарзак, могла окрасить череп старого Боба, который в приступе бешенства швырнул его на чертеж? Этому может быть только одно объяснение, а именно: Дарзак, вошедший в Квадратную башню в пять часов и не имевший возможности выйти незамеченным, — не тот Дарзак, который занимался рисованием в Круглой башне перед приходом старого Боба в шесть часов и которого мы застали в комнате Квадратной башни, не заметив, как он

пришел туда, а затем вышли с ним... Одним словом, он не тот Дарзак, который сейчас находится перед нами! Таким образом, здравый смысл неопровержимо доказывает нам, что существует двойник Дарзака!

С этими словами Рультабий посмотрел на Дарзака. Последний, как и все мы, находился под большим впечатлением от выводов молодого репортера. Нас всех охватило предчувствие чего-то ужасного и вместе с тем безграничное восхищение. Как ясно и очевидно было все, что высказал Рультабий! На всем его рассуждении лежала печать его могучего аналитического ума.

— Так вот каким образом, — вскрикнул Дарзак, — он вошел в Квадратную башню: переодетый мною, под моей личиной! Теперь мне ясно, как он спрятался в шкафу, так что я не мог видеть его, войдя сюда и занявшись почтой, оставив свой план в башне Карла Смелого. Но как Бернье мог пропустить его?

— Да очень просто! — возразил Рультабий, взяв руку дамы в черном в свои, как бы для того, чтобы придать ей бодрости. — Очень просто! Раз он был уверен, что видит перед собой вас...

— Теперь понятно, отчего я нашел свою дверь незапертой. Бернье думал, что я сижу у себя.

— Совершенно верно! Правильное заключение! — одобрил Рультабий. — И Бернье, открывшему дверь первому Дарзаку, не пришлось иметь дела со вторым, потому что так же, как и мы, он не видел его. Вы вошли в Квадратную башню, очевидно, в тот самый момент, когда мы стояли с Бернье у парапета, привлеченные странной жестикуляцией старого Боба, разговаривавшего у входа в Большую Барму с госпожой Эдит и князем Галичем.

— Но как же, — опять вмешался Дарзак, — меня не заметила жена Бернье, сидевшая в своей комнате?

Почему она не удивилась при виде меня, зная, что я не выходил из своей комнаты?

— Представьте себе, — произнес с грустной улыбкой репортер, — представьте себе, господин Дарзак, что в ту самую минуту, как вы проходили... то есть когда проходил ваш двойник, жена Бернье собирала картофель, высыпанный мною из мешка на пол...

— Ну, так мне остается поздравить себя с тем, что я остался живым и невредимым!..

— Поздравляйте, господин Дарзак, поздравляйте!..

— О, получается, что в то время, когда я вошел к себе, запер дверь на ключ, как уже говорил вам, и сел за работу, разбойник был у меня за спиной! Да ведь он мог убить меня без всякого сопротивления с моей стороны!..

Рультабий подошел к Дарзаку.

— Но почему он не сделал это? — произнес он, пристально глядя ему в глаза.

— Вы прекрасно знаете, что он ожидал кое-кого другого! — И Дарзак повернул свое грустное лицо к даме в черном.

Рультабий вплотную приблизился к Дарзаку и положил ему руки на плечи.

— Я должен сделать вам признание, господин Дарзак, — сказал он голосом, который снова приобрел звонкость и решительность. — Когда я понял, каким образом проник в вашу комнату «лишний труп», и убедился, что вы не пытались даже указать нам на ошибочность нашего мнения относительно пяти часов, когда вы, как все были абсолютно убеждены, вошли в Квадратную башню, я счел себя вправе подозревать, что разбойником был не тот, кто в пять часов вошел под личиной Дарзака в Квадратную башню! Я подумал наоборот, что тот

Дарзак мог быть настоящим Дарзаком, а ложным были вы! Ах, дорогой Дарзак, как сильно я вас подозревал!..

— Это безумие! — воскликнул Дарзак. — Если я не указал точно часа, когда вошел в Квадратную башню, то лишь потому, что не помнил его точно, да и не придавал ему никакого значения!

— Таким образом, господин Дарзак, — продолжал Рультабий, не обращая внимания на возражения своего собеседника, на волнение дамы в черном и наше общее смятение, — таким образом, настоящий Дарзак, явившийся для того, чтобы занять украденное вами место, — в моем воображении, господин Дарзак, в моем воображении, успокойтесь!.. — благодаря вашим темным ухищрениям и невразумительной помощи дамы в черном, был лишен возможности навредить вашему смелому предприятию! Таким образом, господин Дарзак, я додумался до того, что вы, будучи Ларсаном, упрятали в мешок Дарзака!.. Вот к чему привело меня мое пылкое воображение!.. И необоснованное подозрение!..

— Да... — глухо ответил муж Матильды. — Мы все здесь подозревали друг друга!..

Рультабий повернулся спиной к Дарзаку, засунул руки в карманы и сказал, обращаясь к Матильде, охваченной ужасом и готовой, по всей видимости, лишиться чувств:

— Еще немного мужества, сударыня!

И затем продолжал наставительным тоном профессора математики, развивающего доказательство теоремы:

— Видите ли, господин Дарзак, налицо имелись два проявления Дарзака... Чтобы узнать, которое из них было истинным и которое скрывало за собой Ларсана, я счел своим долгом разобрать, руководствуясь

здравым смыслом, по очереди, оба эти проявления... И вот я начал с вас, господин Дарзак.

— Оставим это, — перебил репортера Дарзак, — раз вы не подозреваете меня больше! Лучше скажите, кто из нас Ларсан!.. Я хочу этого... Я требую!..

— Мы все хотим этого!.. Сейчас же! — вскричали мы, окружив их обоих.

Матильда бросилась к сыну, прикрывая его своим телом, как будто ему грозила какая-нибудь опасность. Но сцена длилась чересчур долго, и мы все потеряли терпение.

— Раз он знает, то пусть скажет!.. Нужно покончить с этим! — кричал Артур Ранс.

Вдруг у дверей Квадратной башни раздался новый выстрел, который до того ошеломил нас, что наши грозные крики перешли в униженные мольбы положить как можно скорее конец создавшемуся положению. Мы наперебой изощрялись в просьбах, точно каждый старался этим доказать другим, а может быть, и самому себе, что он не Ларсан.

Как только прозвучал второй выстрел, лицо Рультабия сразу приняло другое выражение. Весь он преобразился, все существо его, казалось, наполнилось дикой энергией. Оставив свой насмешливый тон, которым он говорил с Дарзаком и который всех нас коробил, он нежно отстранил даму в черном, упорно продолжавшую прикрывать его своим телом, прислонился спиной к двери, скрестил руки и начал:

— В таком деле, как наше, нельзя, видите ли, ничем пренебрегать. Двойники Дарзака входят и оба же выходят, причем один из них в мешке из-под картофеля! Есть отчего потерять голову! Я прошу здесь присутствующего господина Дарзака позволить мне еще раз повторить: у меня было множество оснований подозревать его!..

Тут я подумал: «Как жалко, что он ничего не говорил мне об этом! Я напомнил бы ему об Австралии, и ему не пришлось бы ломать себе голову!»

Дарзак, встав перед репортером, с яростью спросил:

— Какие основания? Какие?..

— Вы сейчас все поймете, мой друг, — ответил Рультабийль невозмутимо. — Первой мыслью, которая пришла мне в голову при рассмотрении вашего проявления Дарзака, было следующее: «Если бы он был Ларсаном, дочь профессора Станжерсона заметила бы это!» Очевидно, не правда ли?.. И вот, изучая поведение той, которая стала госпожой Дарзак, я пришел к заключению, милостивый государь, что она все время подозревала в вас Ларсана.

Матильда, только что упавшая на стул, нашла в себе силы подняться и сделать робкий протестующий жест. Что касается Дарзака, то на лице его отражалось невыразимое страдание. Он опустился на стул, прошептав:

— Может ли быть, Матильда?

Но та опустила голову и ничего не ответила. Рультабийль продолжал с безжалостным упорством, которое в моих глазах являлось непростительно жестоким:

— Когда я припоминаю все жесты госпожи Дарзак после вашего возвращения из Сан-Ремо, я ясно вижу теперь в каждом из них боязнь выдать свой тайный страх, свое непрестанное беспокойство... Ах, дайте мне договорить, господин Дарзак... я должен объясниться, всем необходимо объясниться!.. Итак, все поведение мадемуазель Станжерсон казалось мне неестественным. Сама поспешность, с которой она пошла навстречу вашему желанию ускорить брачную церемонию, доказывала ее желание скорее избавиться от назойливой мысли. В ее

глазах я ясно читал: «Возможно ли, что я продолжаю повсюду видеть Ларсана, даже в том, кто поведет меня к алтарю, с кем мне суждено провести целую жизнь!»

Вспомните, милостивый государь, ее душераздирающее, странное прощание на вокзале! Уже тогда она взывала о помощи, она молила спасти ее от себя самой... и, может быть, от вас?.. Но она не решилась никому высказать своей мысли, опасаясь, без сомнения, услышать в ответ...

Тут Рультабий спокойно наклонился к уху Дарзака и тихо сказал ему, но так, что все, кроме Матильды, расслышали его слова:

— «Вы что, вновь сходите с ума?»

— Итак, теперь вам все должно стать понятным, мой дорогой Дарзак, — продолжал Рультабий, немного отступив назад, — и эта странная холодность по отношению к вам, а порой и раскаяние, заставлявшее госпожу Дарзак окружать вас нежной заботой!.. Наконец, позвольте вам сказать, ваш сумрачный вид давал мне право думать, что и самому вам не чуждо было опасение перед этой не покидавшей госпожу Дарзак мыслью о скрывавшемся за вами Ларсане!.. Таким образом, развеять мои подозрения могло во всяком случае не то соображение, что дочь профессора Станжерсона, конечно, заметила бы обман, потому что она невольно все время сама думала об обмане! Нет-нет! Мои подозрения рассеяло нечто другое!..

— Их могло рассеять, — воскликнул с иронией Дарзак, — самое простое соображение: если бы я был Ларсаном, я бы скорее укреплял в своей жене уверенность в смерти Ларсана и не стал бы воскрешать себя!.. Разве не с того дня, как появился Ларсан, я потерял Матильду?..

— Прошу прощения, милостивый государь! — возразил Рультабий, побледнев как полотно. — Вы опять, позволю себе заметить, забываете о здравом смысле!.. Последний же заставляет нас предположить как раз обратное высказанному вами соображению!.. По-моему, вопрос должен быть поставлен так: раз ваша супруга подозревает, что вы — Ларсан, вам становится выгодно показать ей, что Ларсан находится где-то в другом месте!

При этих словах дама в черном, тяжело дыша и опираясь о стены, приблизилась к Рультабию и впилась глазами в лицо Дарзака, которое приняло невероятно жестокое выражение. Что касается нас, то мы были ошеломлены новым поворотом дела и неопровержимостью суждений Рультабия. Мы страстно желали услышать продолжение и боялись прервать нашего юного друга, спрашивая себя, к чему он ведет. Молодой человек невозмутимо продолжал:

— Но если вам было выгодно показать, что Ларсан существует отдельно от вас, то могло случиться и так, что эта выгода превратилась бы в необходимость. Представьте себе, я говорю, представьте, мой дорогой Дарзак, что вы воскресили Ларсана один только раз, помимо своей воли, в себе, перед дочерью профессора Станжерсона, и вот вы уже поставлены в необходимость воскрешать его снова, постоянно, но вне себя... чтобы убедить вашу жену в том, что вы и воскресший Ларсан — не одно и то же! О, успокойтесь, прошу вас!.. Ведь я же вам говорю, что мои подозрения рассеялись, рассеялись совершенно!.. Правда же, не беда, если мы позабавимся немного, после стольких треволнений, и порассуждаем там, где, казалось бы, нет места для рассуждений... Итак, вот к чему я должен прийти, рассматривая свое

предположение, что вы Ларсан, скрывающийся под личиной Дарзака! И я спрашиваю себя, что могло заставить вас на вокзале в Бурге показаться вашей жене под видом Ларсана? Ведь факт его появления неопровержим...

Дарзак больше не перебивал Рультабия.

— Как вы справедливо заметили, господин Дарзак, — продолжал тот, — счастье ускользнуло от вас именно из-за этого появления Ларсана... Оно не могло быть добровольным, а значит, ему остается быть только случайным!.. И вот, послушайте... О! Я долго изучал происшествие в Бурге... Я продолжаю рассуждать, не пугайтесь... Итак, вы находитесь в Бурге, в буфете. Вы уверены, что ваша супруга, как она вам и сказала, ожидает вас у вокзала, на улице. Когда с письмами покончено, у вас появляется желание пройти в купе, привести себя в порядок... бросить на себя взгляд, проверить костюм, выражение лица. Вы думаете: еще несколько часов этой комедии — и мы за границей, где она будет принадлежать мне окончательно, и я сброшу маску... потому что эта маска вас все-таки утомляет, и утомляет настолько, что, придя в купе, вы даете себе несколько минут отдыха... Вы понимаете?.. Вы отдыхаете от этой фальшивой бороды, от очков, и как раз в эту минуту дверь купе открывается... Ваша супруга, в полном ужасе, успевает заметить в зеркале лишь это безбородое лицо, лицо Ларсана, и убегает, испуская отчаянные крики... О, вы поняли опасность... Вы погибли, если ваша жена сейчас же не обнаружит в другом месте своего мужа, Дарзака. Маска быстро надета, вы вылезаете в окно по другую сторону поезда и успеваете добежать до буфета раньше вашей жены, которая спешит туда же, ища у вас защиты!.. Она застает вас стоящим... Вы даже не успели сесть на прежнее место... Все ли

спасено? Увы! Нет... Ваши несчастья лишь начинаются... Ибо ужасная мысль, что вы и Ларсан — одно лицо, больше уже не покидает ее. На перроне вокзала, проходя под газовым рожком, она вглядывается в вас, выдергивает свою руку и, как безумная, бросается в контору начальника станции... Ах! Вы прекрасно поняли ее порыв! Необходимо прогнать сейчас же ужасную мысль... Вы выходите из конторы и стремительно захлопываете дверь, притворившись, что также увидели Ларсана! Чтобы успокоить ее, а также чтобы обмануть нас в том случае, если она поделится с нами своими сомнениями... вы первый предупреждаете меня... первый посылаете мне телеграмму!.. Ну, что вы скажете? Как ясно все ваше дальнейшее поведение в этом свете! Вы не можете отказать ей в просьбе последовать за профессором Станжерсоном... Она поехала бы одна!.. А так как еще ничто не потеряно, вы надеетесь еще все вернуть... Во время поездки ваша жена по-прежнему мечется между страхом и надеждой. Она отдает вам свой револьвер под влиянием отчаяния, которое можно резюмировать в таких словах: «Если это Дарзак, он защитит меня! Если это Ларсан, пусть он убьет меня!.. Лишь бы кончилась эта неизвестность!» В Красных Скалах она опять сильно отдалилась от вас, и вы, чтобы приблизить ее, решили еще раз показать ей Ларсана!.. Видите, мой дорогой Дарзак, как все хорошо уложилось у меня в голове!.. Так же просто объясняется и ваше появление в Ментоне под видом Ларсана, в то время как вы отправились под видом Дарзака в Канны навстречу нам. Вы могли сесть в поезд на глазах у наших друзей на станции Гараван и сойти на следующей, в Ментоне, где и явились под видом Ларсана тем же лицам во время их прогулки по городу. Следующий поезд увозил вас в Канны,

где мы и встретились. Но, так как вам пришлось в тот же день выслушать неприятную новость из уст мистера Ранса, выехавшего встретить нас в Ниццу, что госпожа Дарзак на этот раз не видала Ларсана и ваше утреннее переодевание не привело ни к чему, вы сочли своей обязанностью в тот же вечер показать ей Ларсана под самыми окнами Квадратной башни в лодке Туллио!.. Видите, мой дорогой Дарзак, как вещи, самые, казалось бы, запутанные, сразу бы стали простыми и объяснимыми, если бы мои подозрения подтвердились.

При этих словах я сам, прикасавшийся к «Австралии», не мог не содрогнуться, глядя почти с состраданием на Робера Дарзака, как смотрят на несчастного, готового стать жертвой какой-нибудь роковой и ужасной судебной ошибки. И все вокруг меня также содрогались за него, так как доводы Рультабия становились до такой степени логичными и убедительными, что каждый спрашивал себя, каким образом, установив виновность Дарзака столь очевидно, он вынесет оправдательный приговор. Что касается самого Дарзака, то он, выказав в начале мрачное волнение, более или менее успокоился, слушая молодого человека. На меня он производил впечатление человека, сидящего на скамье подсудимых, который с удивленным, растерянным, но заинтересованным видом слушает блестящую речь прокурора, обвиняющего его в преступлении, которого он не совершал. В голосе Дарзака, которым он произнес следующие слова, уже не слышалось гнева, но, скорее, любопытство и страх человека, говорящего себе: «Боже мой! Какой же опасности я избежал, того не подозревая!»

— Так как вы уже не подозреваете меня, — сказал он спокойно, — мне хотелось бы знать, после

всего сказанного вами, что могло развеять ваши подозрения?..

— Чтобы развеять их, милостивый государь, мне требовалась уверенность! Простая, но неопровержимая улика, которая очевиднейшим образом показала бы мне, в каком из двух проявлений Дарзака скрывался Ларсан! Эту улику, к счастью, предоставили мне вы сами, милостивый государь, в ту минуту, когда замкнули круг, в котором находился лишний труп! Вы сказали правду, утверждая, что заперли на ключ дверь своей комнаты, как только вошли туда, и солгали нам, не сказав, что вошли в эту комнату около шести часов, а не в пять, как говорил Бернье и как могли думать мы сами! Только вы один, кроме меня, знали, что Дарзак, прошедший в пять часов, о котором мы говорили как о вас, не был вами! И вы ничего не сказали! Не пытайтесь убеждать меня, что не придавали этим пяти часам никакого значения, так как это сведение объяснило вам все — оно дало вам возможность узнать, что другой Дарзак вошел в это время в Квадратную башню, настоящий Дарзак! Вы были удивлены, но продолжали молчать! А какой смысл был бы настоящему Дарзаку скрывать, что другой Дарзак, который мог быть Ларсаном, вошел в Квадратную башню раньше вас, чтобы там спрятаться? Одному лишь Ларсану было выгодно скрыть от нас, что появился другой Дарзак, кроме него! Из двух проявлений Дарзака ложным, несомненно, было то, которое лгало! Таким образом и были развеяны мои подозрения, сменившиеся уверенностью! Ларсан — это вы! А человек, спрятавшийся в шкафу, — Дарзак!

— Вы лжете! — взревел, бросаясь на Рультабия, тот, которого я не мог считать Ларсаном.

Но мы встали между ними, и Рультабий, ничуть не утратив своего спокойствия, протянул руку и сказал:

— Он и сейчас там...

Неописуемая картина!.. Незабвенная минута!.. Вслед за жестом Рультабия дверцы шкафа распахнулись невидимой рукой, как в тот ужасный вечер, принесший с собой тайну лишнего тела...

И лишнее тело появилось само! Возгласы удивления, радости, ужаса наполнили Квадратную башню. Дама в черном пронзительно закричала:

— Робер!.. Робер!.. Робер!..

Это был крик радости. Два Дарзака стояли перед нами, столь похожие друг на друга, что всякий, кроме дамы в черном, мог обмануться... Но сердце не обмануло Матильду. С распростертыми объятиями она бросилась навстречу второму проявлению Дарзака, выходившего из рокового шкафа. Лицо Матильды светилось новой жизнью! Ее глаза, грустные глаза, взор которых так часто блуждал около другого, были теперь устремлены на настоящего Дарзака, излучая радость и уверенность. Это он! Тот, которого она считала погибшим! Тот, кого она так жадно искала в лице другого и не могла найти, обвиняя в этом целыми днями и ночами свое безумие!

Что касается того, кого я до последней минуты не мог считать виновным, что касается этого изверга, разоблаченного и поруганного, он, увидев перед собой живое доказательство своего преступления, сделал попытку, не раз уже спасавшую его. Окруженный со всех сторон, он попробовал бежать. Тогда мы оценили смелую игру, которую он вел перед нами в течение стольких минут. Не сомневаясь в исходе спора, который он поддерживал с Рультабием, он проявил невероятную власть над собой и затянул

разговор, надеясь за это время придумать какое-нибудь средство к спасению. В тот момент, когда мы все естественным образом двинулись в сторону настоящего Дарзака, он одним прыжком бросился в комнату, служившую спальней госпоже Дарзак, и с молниеносной быстротой захлопнул за собой дверь! Мы заметили его исчезновение, когда было уже слишком поздно предотвращать его хитрость. Во время предшествующей сцены Рультабий помышлял лишь об одном — как уберечь дверь в коридор, и не подумал, что каждое движение, которое делал лже-Дарзак в последние минуты диалога, приближало его к двери в комнату госпожи Дарзак. Репортер не придавал этим движениям никакого значения, зная, что из этой комнаты нет выхода, которым мог бы воспользоваться для своего бегства Ларсан. Тем не менее, когда негодяй исчез за этой дверью, нами овладело страшное волнение. Мы ломились в дверь, неистово кричали, но тщетно! На память приходили гениальные и необъяснимые исчезновения Ларсана.

— Он уйдет от нас!.. Он опять уйдет из наших рук!..

Артур Ранс горячился больше всех. Эдит нервно сжимала мою руку, находясь под впечатлением от всего происшедшего. Никто не обращал внимания на даму в черном и Робера Дарзака, которые среди этой бури, казалось, забыли обо всем и не слышали даже стоявшего вокруг них шума. Они не произносили ни слова и смотрели друг на друга, как будто открыв новый мир, — мир, где царствует любовь. Впрочем, они скорее не нашли, а вернули его себе благодаря Рультабию.

Последний отворил дверь в коридор и позвал на помощь слуг. Они прибежали со своими ружьями, но тут нужны были топоры. Дверь выглядела очень

прочной и была снабжена толстыми запорами. Папаша Жак принес бревно, которое мы пустили в ход как таран. После долгих усилий дверь начала уступать. Наше беспокойство достигло крайних пределов. Мы боялись, что войдем в комнату, в которой нет ничего, кроме стен и решеток... мы ожидали чего угодно.

Когда дверь начала поддаваться, Рультабий приказал слугам взяться за ружья, но пояснил, что пустить в ход оружие они должны будут только в том случае, если нельзя будет захватить его живым. Затем он надавил на дверь плечом и, когда она упала, первым вошел в комнату.

Мы последовали за ним. Открывшееся нашим взорам зрелище до такой степени поразило нас, что все мы застыли на пороге, спрятавшись за спиной Рультабия. Прежде всего, Ларсан был в комнате! Он не прятался! Отец Рультабия спокойно сидел в кресле посреди комнаты и смотрел на нас своими большими, проницательными глазами, откинувшись головой на спинку и положив руки на ручки кресла. Можно было подумать, что он давал нам аудиенцию и ждал, пока мы начнем излагать свои просьбы. Мне даже показалось, что на губах его играла ироническая усмешка.

Рультабий сделал несколько шагов вперед.

— Ларсан, — проговорил он, — Ларсан, сдаетесь ли вы?..

Но Ларсан не ответил. Тогда Рультабий прикоснулся к его руке и лицу, и мы поняли, что Ларсан мертв. Рультабий указал нам на открытый перстень на пальце Ларсана, в котором, очевидно, хранился какой-нибудь сильнейший яд. Артур Ранс послушал его сердце и объявил, что все кончено. После этого Рультабий попросил всех нас оставить Квадратную башню и забыть о мертвеце.

— Я беру все на себя, — сказал он. — Это лишний труп, и никто не заметит его исчезновения.

Рультабий отдал приказание Уолтеру, переведенное последнему Артуром Рансом:

— Уолтер, вы сейчас же принесете мне мешок, в котором лежал лишний труп!

Потом он сделал жест, которому мы все повиновались и оставили его наедине с трупом отца.

Нам сейчас же пришлось перенести Дарзака, почувствовавшего себя плохо, в гостиную старого Боба. Впрочем, это была лишь минутная слабость, и, открыв глаза, он поприветствовал улыбкой Матильду, склонившую над ним свое прекрасное лицо, на котором отражался страх потерять дорогого супруга в ту самую минуту, когда она обрела его. Он сумел убедить ее, что ему не грозит никакая опасность, и попросил ее удалиться вместе с Эдит.

Когда дамы вышли, мы с Артуром Рансом оказали Дарзаку необходимую помощь. Мы задавались вопросом, как мог человек, которого мы вправе были считать мертвым после всего случившегося, появиться живым и достаточно бодрым из рокового шкафа. Но, раздев Дарзака и сняв бинт, скрывавший рану на груди, мы убедились, что эта рана, по счастливой случайности, не была серьезной, хотя из-за нее он и потерял сознание. Пуля, поразившая Дарзака во время его схватки с Ларсаном, попала в грудную кость, вызвав сильное наружное кровоизлияние, но не нарушив ни одного из жизненно важных органов.

Бывали случаи, когда раненые такого рода прогуливались среди живых уже через несколько часов после того, как те, казалось, присутствовали при их последних минутах. Да и я сам припоминаю случай с одним из моих добрых друзей, журналистом Л.,

который во время дуэли с музыкантом В. пришел в ужас, думая, что убил своего противника, которому пуля попала в грудь даже раньше, чем он успел выстрелить. И тут вдруг мертвец встал и всадил в ногу моего приятеля пулю, которая едва не повлекла за собой ампутацию и на долгие месяцы задержала его в постели. Что касается самого музыканта, то он уже на следующий день совершал обычную прогулку по бульвару. Как и в случае с Дарзаком, пуля поразила его в грудную кость.

В то время, когда мы заканчивали перевязывать Дарзака, папаша Жак закрыл дверь из коридора в гостиную, и я уже спрашивал себя, что должна означать эта предосторожность, как в коридоре послышались шаги и странный шум, как будто бы тело волокли по полу... И я подумал о Ларсане, о мешке с лишним трупом и о Рультабие!

Оставив мистера Ранса возле Дарзака, я подбежал к окну. Я не ошибся: зловещий кортеж показался во дворе.

Ночь почти уже наступила. Предметы смутно вырисовывались во мраке. Тем не менее я узнал Уолтера, стоявшего на карауле у ворот башни Садовника. Он смотрел в сторону переднего двора, готовый, несомненно, загородить путь всякому, кто захотел бы выйти во двор Карла Смелого...

По направлению к колодцу шли Рультабий и папаша Жак — две тени, склонившиеся над третьей тенью... мешком, в котором не так давно волокли другое тело... Мешок был, по-видимому, тяжелый. Они подняли его на край колодца. Деревянная крышка, обычно закрывавшая колодец, была откинута в сторону. Рультабий вскочил на край и затем погрузился в колодец... Он спускался уверенно, как человек, уже знакомый с этой дорогой. Когда его голова скрылась в

колодце, папаша Жак столкнул туда мешок и, наклонившись над краем, некоторое время поддерживал его. Затем он выпрямился и закрыл колодец крышкой, опустив затворы. Они упали с шумом, который заставил меня вспомнить звук, поразивший меня в тот вечер, когда я перед «открытием Австралии» бросился за тенью, внезапно исчезнувшей за дверью Нового замка...

* * *

Мне хотелось увидеть... До последней минуты... я хочу видеть, хочу узнать... Слишком многое осталось необъясненным!.. Мне известна только самая важная часть правды, но я не знаю еще всего, или, вернее, мне не хватает чего-то, что объяснило бы мне всю правду...

Я вышел из Квадратной башни и направился в свою комнату в Новом замке. Там я встал у окна, пытаясь что-нибудь разглядеть сквозь мрак, окутывавший море. Ничего. Я напрягал свой слух, но не мог даже расслышать плеска весел по воде.

Вдруг... далеко... очень далеко... во всяком случае мне показалось, что это происходило очень далеко, там, где горизонт сливается с морем, в узкой красной полосе, оставшейся единственным воспоминанием о солнце... В эту узкую красную полосу вступило что-то темное и маленькое. Это была тень лодки, скользившей по воде; вот она остановилась, и в ней поднялась тень Рультабия. Я рассмотрел, я узнал его, как если бы он стоял в десяти метрах от меня... Малейшие его движения вырисовывались фантастически отчетливо на фоне красной полосы... О! Это продолжалось недолго! Он наклонился и сейчас же выпрямился, подняв что-то тяжелое, слившееся с ним в

одну темную массу... затем это тяжелое отделилось от него, скользнуло вниз. Тень человека нагнулась над бортом, застыв на несколько мгновений в этой позе, а потом слилась с корпусом лодки, которая снова заскользила по поверхности, пока не вышла из красной полосы. Потом исчезла и красная полоса...

Рультабий доверил труп Ларсана волнам залива Геркулес...

ЭПИЛОГ

Ницца... Канны... Сен-Рафаэль... Тулон!.. Я без сожаления оглядываюсь на этапы своего недавнего путешествия... Я спешу поскорее покинуть юг, вернуться в Париж, окунуться опять в дела... а также... главным образом, спешу остаться наедине с Рультабием, который сидит тут же, в двух шагах от меня, вместе с дамой в черном. До последней минуты, то есть до Марселя, где они должны расстаться, я не хочу мешать своим присутствием их нежным или безутешным признаниям, планам на будущее, прощальным пожеланиям. Несмотря на все мольбы Матильды, Рультабий пожелал вернуться в Париж, к своим обязанностям. У него хватило твердости духа, чтобы оставить супругов наедине. Дама в черном не в силах противиться Рультабию; условия диктует он... Он хочет, чтобы господин Дарзак продолжал с женой свадебное путешествие, будто ничего необыкновенного не произошло в Красных Скалах. Начал это счастливое путешествие один Дарзак, а окончит его другой, но в глазах всего света Дарзак останется все тем же мужем Матильды. Гражданский закон соединяет их — они муж и жена. Что касается закона церковного, то в Риме, перед престолом папы, они найдут способы урегулировать свое положение и успокоить терзания совести. Пусть счастье сопутствует им! Они его заслужили!..

Никто, быть может, и не подозревал бы об ужасной трагедии, разыгравшейся вокруг лишнего трупа в форте Геркулес, если бы мы не нашли нужным после долгих лет молчания довести до сведения публики таинственные происшествия в Красных Скалах, подобно тому как перед этим я счел себя

вынужденным приподнять завесу над драмой в Гландье. Виной тому Бриньоль, которому известно очень многое; пользуясь этим, он намеревался шантажировать нас из Америки, куда скрылся после описанных мною происшествий, угрожая нам ужасными разоблачениями. Ввиду того что профессор Станжерсон отошел в небытие, где согласно его теории все ежеминутно гибнет для того, чтобы возродиться вновь, мы решили опередить Бриньоля и рассказать всю правду.

Бриньоль! Какую же роль он сыграл в этом ужасном деле? Я снова и снова задавал себе этот вопрос, сидя на другой день после финала драмы в поезде на Париж, в двух шагах от дамы в черном и Рультабия, которые со слезами обнимались в соседнем купе. И сколько других вопросов теснилось в моей голове!.. Одно слово, одна фраза Рультабия объяснили бы мне все... но, разумеется, он забыл обо мне со вчерашнего дня... Со вчерашнего дня они не расставались с дамой в черном...

С профессором Станжерсоном мы простились в Волчице... Робер Дарзак сейчас же уехал в Бордигеру, где его должна была нагнать Матильда... Артур Ранс и Эдит проводили нас на вокзал. Эдит не выказала никакого сожаления по случаю моего отъезда.

Я приписал ее холодность встрече с князем Галичем, присоединившимся к нам на перроне. Она сообщила ему о том, что состояние старого Боба улучшилось, а на меня больше не обращала внимания. Меня это глубоко огорчило. Тут я должен сделать читателю одно признание. Я никогда не стал бы рассказывать ему о своих чувствах к Эдит, если бы через несколько лет после смерти мистера Артура Ранса, сопровождавшейся чрезвычайно трагическими обстоятельствами, о которых мне, быть может, придется

поведать в другом месте, я не женился бы на романтичной и грозной Эдит...

Итак, мы подъехали к Марселю... Марсель!.. Расставание было ужасным. Мать и сын ничего не сказали друг другу. И когда поезд тронулся, она осталась на платформе, обездвиженная, с бессильно повисшими руками, в своей темной вуали, как воплощение скорби и страдания. Плечи Рультабия вздрагивали от судорожных рыданий...

Лион!.. Мы не могли спать и вышли из вагона, вспоминая о том, как несколько дней назад проезжали эти места, спеша на помощь к несчастной женщине... Мы погрузились мысленно в драму... Теперь Рультабий говорит... говорит... очевидно, стараясь заглушить в себе душевную муку, заставляющую его плакать часами напролет, как мальчишку...

— Вы знаете, дорогой мой, этот Бриньоль оказался порядочным негодяем! — говорит он мне с некоторым упреком, как будто я когда-нибудь считал этого разбойника честным.

И Рультабий рассказывает мне обо всем. Ларсану пришлось придумать родственника Дарзака, чтобы запрятать последнего в сумасшедший дом! Он наткнулся на Бриньоля, и негодяи сразу же нашли общий язык. Известно, как нетрудно, даже в наше время, запереть кого бы то ни было в доме для умалишенных. Желания родственника и подписи врача достаточно во Франции, как это ни неправдоподобно, для осуществления такого гнусного плана. Подпись Ларсан с легкостью подделал, а Бриньоль за хорошее вознаграждение взял на себя остальное. Приезд Бриньоля в Париж входил в планы Ларсана, намеревавшегося занять место Дарзака до женитьбы. Несчастный случай, испортивший Дарзаку зрение, как я и сам предполагал, не был случайностью. Это

сделалось для того, чтобы Ларсан, заняв место Дарзака, имел оправдание тому, что носит темные очки или в крайнем случае — так как не всегда же было удобно носить очки — право избегать яркого освещения!

Поездка Дарзака на юг облегчила осуществление адского замысла. Лишь в конце своего пребывания в Сан-Ремо Дарзак был упрятан в сумасшедший дом благодаря стараниям Ларсана, не перестававшего следить за каждым его шагом. Само собой разумеется, что он воспользовался помощью той «полиции», которая не имеет ничего общего с полицией официальной и к которой семьи прибегают в самых щепетильных случаях, требующих молчания и быстроты исполнения... В один прекрасный день, когда Дарзак совершал прогулку по горам... Дом для умалишенных находился как раз на горе, у самой итальянской границы... Все было давно уже подготовлено к приему несчастного, так как Бриньоль еще перед отъездом в Париж условился об этом с директором лечебницы и предъявил ему докторское свидетельство, подписанное Ларсаном... Бывают директора, очень нетребовательные в смысле излишних расспросов, лишь бы соблюдались формальности... и была внесена плата... И так дело было быстро улажено.

— Но каким образом вы узнали все это? — спросил я Рультабия.

— Вы помните, мой друг, — ответил мне репортер, — тот маленький клочок бумажки, который вы принесли мне в форт Геркулес в тот день, когда, не предупредив меня, выследили Бриньоля, приехавшего подышать южным воздухом. Этот клочок бланка Сорбонны, на котором сохранились два слога: «бонне», послужил мне путеводной нитью. Также неоценимыми для меня были условия, при

которых вы нашли его, следуя за Ларсаном и Бриньолем. А место, где он был обронен, явилось для меня почти откровением, когда я пустился на розыски настоящего Дарзака, убедившись, что именно он был тем лишним трупом, вынесенным в мешке!..

И Рультабий последовательно объяснил мне, как он дошел до разгадки тайны, остававшейся непостижимой для нас до самого конца. Точкой отправления послужило то открытие, насколько быстро высыхает краска, а затем уже и второе потрясающее откровение, ставшее для Рультабия лучом света во мраке, когда он понял, что одно из двух проявлений Дарзака лгало. Бернье, допрошенный Рультабием до возвращения человека, увезшего мешок, открыл ложь того, кого все принимали за Дарзака. Последний прикидывался удивленным перед Бернье! Он не сказал Бернье, что Дарзак, которому Бернье открывал дверь в пять часов, был вовсе не он. Он скрыл это другое проявление Дарзака, что могло быть для него выгодно лишь в том случае, если оно было истинно! Рультабий ослеплен этим, он потрясен... ему почти делается дурно... он дрожит!.. Но, может быть, надеется он, может быть, Бернье ошибся, может быть, он плохо понял слова удивления Дарзака... Рультабий сам спросит Дарзака, и тогда будет видно!.. Ах, хоть бы он поскорее вернулся!.. Замкнуть круг предстоит самому Дарзаку!.. С каким нетерпением Рультабий ожидает его возвращения!.. А когда тот возвращается, как жадно хватается он за эту последнюю надежду! «Видели ли вы лицо этого человека, убитого человека?» — спрашивает он у Дарзака и, получив в ответ: «Нет!» — не скрывает своей радости... Ведь Ларсану ничего не стоило ответить: «Да, я видел! Это действительно лицо Ларсана!..» Молодой человек не понял, что в этом проявилась особая

хитрость негодяя, намеренная оговорка, входившая в его роль: настоящий Дарзак не поступил бы иначе! Он постарался бы отделаться от ужасной ноши, не разглядывая ее... Но что значили все хитросплетения Ларсана против рассуждений Рультабия?.. Лже-Дарзак, отвечая на поставленные Рультабием точные вопросы, замыкает круг. Он лжет!.. Рультабий теперь знает!.. Но что предпринять?.. Сейчас же разоблачить Ларсана, который, быть может, выскользнет из его рук? Нанести страшный удар своей матери, которая еще не знает, что ее муж — Ларсан и что она помогла убить Дарзака? Нет-нет! Ему необходимо подумать, сопоставить. Он хочет действовать наверняка. Он требует двадцать четыре часа... Ради безопасности дамы в черном он поселяет ее в помещение профессора Станжерсона и заставляет ее дать клятву не выходить из замка до его возвращения. Он обманывает Ларсана, убедив его, что непоколебимо убежден в виновности старого Боба. И так как Уолтер возвращается в замок с пустым мешком... он не теряет еще надежды найти Дарзака живым! Итак, Рультабий пускается на поиски... У него остался револьвер Дарзака, потерянный последним в Квадратной башне... совершенно новый револьвер того типа, который он заметил уже в окне одного из оружейных магазинов Ментоны... Он идет к оружейнику, показывает ему револьвер и выясняет, что этот револьвер был куплен накануне утром человеком в мягкой шляпе, сером широком пальто и с большой бородой... Тут же этот след теряется, но Рультабий, не тратя времени, бросается по другому следу, который привел Уолтера в Кастильон. Здесь Рультабий делает то, чего не сделал Уолтер. Последний, найдя мешок, ограничился этим и поспешил вернуться в форт Геркулес. Рультабий же продолжал идти по

следу и нашел, что этот след — колея английского шарабана — вместо того чтобы, обогнув Кастильонскую впадину, спуститься к Ментоне, спускался по противоположному склону горы к Соспелю. Соспель! Разве Бриньоль не остановился также в Соспеле? Бриньоль!.. Рультабий вспомнил о моем путешествии. Для чего Бриньолю быть в Соспеле?.. Его присутствие должно быть связано с событиями в замке. С другой стороны, исчезновение и затем появление настоящего Дарзака доказывали, что здесь имело место насильственное лишение свободы... Но где?.. Бриньоль, действовавший заодно с Ларсаном, конечно, недаром совершил свое путешествие из Парижа! Быть может, он явился для того, чтобы в этот опасный момент следить за узником!.. Раздумывая таким образом и логически развивая свою мысль, Рультабий расспросил хозяина гостиницы возле Кастильонского туннеля; последний признался, что его сильно заинтриговал зашедший к нему накануне господин, чьи приметы удивительно совпадали с приметами покупателя в оружейном магазине. Господин попросил пить, казался страшно возбужденным и держал себя так странно, что его можно было принять за сбежавшего из сумасшедшего дома... Последние слова обожгли Рультабия, однако он не подал вида и безразличным тоном спросил: «Разве у вас есть здесь сумасшедший дом?» — «Как же, — ответил хозяин гостиницы, — лечебница на горе Барбонне». Тут-то объяснились то слоги «бонне», написанные на клочке бланка... С той минуты Рультабий уже не сомневался, что настоящий Дарзак был запрятан лже-Дарзаком под видом умалишенного в лечебницу на горе Барбонне. Он вскочил в экипаж и приказал везти себя в Соспель у подножия горы. Он рисковал встретить Бриньоля, однако не увидел

его и немедленно отправился в лечебницу. Он решил выяснить все во что бы то ни стало. Пользуясь своим званием репортера газеты «Эпок», он сумеет заставить говорить директора этого сумасшедшего дома под тем предлогом, что готовит материал для профессоров Сорбонны... И, может быть, ему удастся узнать, что случилось в конце концов с Робером Дарзаком, ибо, раз мешок был найден пустым, раз следы английского шарабана вели в Соспель, где, впрочем, и терялись... раз Ларсан не нашел нужным отделаться от Дарзака, бросив мешок в Кастильонскую впадину, он, может быть, решил отвезти его в лечебницу! Обдумывая это, Рультабий пришел к выводу, что, действительно, живой Дарзак был гораздо полезнее Ларсану, чем Дарзак мертвый!.. Он мог служить для него залогом, когда Матильда откроет подлог! Этот залог делал его хозяином положения и мог заставить ее пойти на все уступки. Если бы Дарзак умер, Матильда убила бы Ларсана своими руками или предала его в руки полиции!

И расчет Рультабия оказался верным. На входе в лечебницу он столкнулся с Бриньолем. Тогда, не теряя времени на разговоры, он схватил его за горло и пригрозил ему револьвером. Бриньоль был трусом. Он сейчас же признался Рультабию, что Дарзак жив. Через четверть часа Рультабий знал все. Однако револьвера оказалось недостаточно, так как Бриньоль, боявшийся смерти, любил жизнь и все, что делало эту жизнь приятной, — в частности, деньги. Рультабию стоило небольшого труда убедить его, что он погиб, если не выдаст Ларсана и, наоборот, много выиграет, если поможет семье Дарзака выйти без скандала из создавшегося положения. Они быстро пришли к соглашению и вместе вернулись в лечебницу, где их принял директор, выслушавший их объяснения не

без некоторого изумления, сменившегося затем испугом, а потом и чрезвычайной любезностью, которая выразилась в немедленном освобождении Робера Дарзака. Последний, благодаря счастливой случайности, о которой я уже говорил, не сильно страдал от раны, едва не ставшей для него смертельной. Рультабий, безумно обрадованный, забрал его с собой и сейчас же отвез в Ментону. Я опускаю их взаимные излияния. Бриньолю было назначено свидание в Париже. По дороге Рультабий узнал из уст Дарзака, что последний несколько дней назад натолкнулся в своей тюрьме на заметку в местной газете, извещавшую о пребывании в форте Геркулес молодых Дарзаков, чья свадьба была недавно отпразднована в Париже. Этого оказалось достаточно, чтобы настоящий Дарзак понял, откуда шли все его несчастья, и угадал, у кого могло хватить наглости занять его место рядом с обожаемой им женщиной, потрясенный разум которой делал возможным самое безумное предприятие. Это открытие наделило его невероятной силой. Украв пальто директора, чтобы скрыть под ним костюм умалишенного, а также кошелек с двумястами франками, он перелез, рискуя сломать шею, через стену, которая при других обстоятельствах показалась бы ему непреодолимой. Таким образом, он пробрался в Ментону, откуда бросился в форт Геркулес; здесь он увидел, собственными глазами увидел Дарзака! Увидел самого себя!.. План его был очень прост: проникнуть в форт Геркулес, как в свое жилище, пройти в комнату Матильды и появиться в ее присутствии перед другим Дарзаком, чтобы разоблачить его!.. Он расспросил окрестных рыбаков и узнал, где помещаются супруги!.. В Квадратной башне... Супруги!.. Все, что Дарзак выстрадал до сих пор, было ничто по сравнению с этим. Супруги — это слово приводило

его в исступление!.. Страдания его продолжались до той минуты, когда он, выйдя из шкафа, вновь увидел даму в черном!.. Тогда он все понял... Она никогда бы не посмела так смотреть на него, никогда не вырвался бы из ее груди этот крик радости, если бы она хоть на минуту, телом или душой, была женой другого!.. Они были разлучены... но никогда не переставали существовать друга для друга!

Прежде чем привести свой план в исполнение, Дарзак купил себе в Ментоне револьвер, отделался от директорского пальто, которое могло его погубить, если бы его стали искать, и приобрел платье, напоминавшее покроем и цветом костюм другого Дарзака. Затем поднялся по Гараванскому бульвару на вершину холма, откуда мог видеть все происходившее в замке. Около пяти часов он решился пойти, зная, что Дарзак находится в башне Карла Смелого и, следовательно, не встретится с ним в эту минуту в Квадратной башне, которая оставалась конечной его целью. Проходя мимо нас, он испытывал сильнейшее желание крикнуть, кто он, но удержался, желая быть узнанным исключительно дамой в черном! Одна только эта надежда поддерживала его. Из-за этого только и стоило еще жить, и, когда час спустя, в его полном распоряжении оказалась жизнь Ларсана, который сидел за своими письмами в этой самой комнате, спиной к нему, мысль о мщении даже не пришла ему в голову. После стольких доказательств в его сердце все еще не было места для ненависти к Ларсану так полно оно было любовью к даме в черном! Несчастный и милый Дарзак!..

Остальное уже известно. Чего я не знал — это как настоящий Дарзак во второй раз проник в форт Геркулес и спрятался в шкафу. Как оказалось, Рультабий, узнав, благодаря бегству старого Боба, что из замка

есть выход через колодец, воспользовался им, чтобы провести Дарзака в форт! Рультабий хотел быть хозяином положения, когда он разоблачит и поразит Ларсана. В ту ночь было уже слишком поздно действовать, но он рассчитывал покончить с Ларсаном уже в следующую. Нужно было как-нибудь спрятать Дарзака в замке. С помощью Бернье Рультабий отыскал для него заброшенный и безопасный уголок в Новом замке. Тут я не мог удержаться, чтобы не прервать рассказ Рультабия восклицанием, заставившим его расхохотаться.

— Так вот в чем дело! — вскрикнул я.

— Ну конечно же, — проговорил он. — Конечно!..

— Так вот почему я открыл в тот вечер «Австралию»! Значит, в тот вечер передо мной был настоящий Дарзак!.. А я-то не мог ничего понять!.. Потому что я ведь нашел-таки «Австралию»!.. А борода! Она великолепно держалась! Великолепно! О! Теперь я все понимаю!

— Вам понадобилось для этого немало времени, — заметил Рультабий. — Вы очень стесняли нас в ту ночь, мой друг. Когда вы появились во дворе Карла Смелого, Дарзак как раз провожал меня к колодцу. Я едва успел захлопнуть за собой крышку, в то время как Дарзак убегал к Новому замку... Но, когда вы легли после испытания крепости бороды Дарзака, мы снова с ним увиделись, не понимая, как нам поступить. Если бы вы случайно заговорили об этом приключении на следующее утро с другим Дарзаком, все было бы потеряно. И тем не менее я не хотел уступать Дарзаку, который предлагал пойти немедленно к вам и рассказать всю правду. Я боялся, что вы не сумеете скрывать ее в течение следующего дня. У вас немного несдержанный характер, Сенклер, и всякое зло вызывает в вас обоснованное негодование, которое,

однако, могло в этот раз сильно нам навредить. И потом, Ларсан так хитер!.. Вот я и решил нанести свой удар, не предупреждая вас. Я должен был вернуться в замок лишь на следующее утро, а между тем необходимо было устроить так, чтобы вы не встретились с Дарзаком. Поэтому-то я и послал вас в такую рань собирать для меня моллюсков!

— О! Я понимаю!..

— Вы должны все понять, Сенклер. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за эту просьбу, которая позволила вам провести чудные полчаса в обществе госпожи Эдит...

— Кстати, о госпоже Эдит: для чего вам понадобилось выводить меня из себя? — спросил я.

— Чтобы иметь повод поссориться с вами и помешать вам заговаривать со мной и Дарзаком! Повторяю вам, что я не хотел, чтобы после своего ночного приключения вы разговаривали с ним!.. Я думал, что вы продолжаете понимать меня, Сенклер.

— Я продолжаю, мой друг...

— Поздравляю вас...

— Однако, — вскрикнул я, — есть еще одна вещь, мне непонятная!.. Смерть Бернье!.. Что было причиной его смерти?..

— Трость! — мрачно ответил Рультабий. — Эта проклятая трость!

— Я думал, что смерть последовала от «самого древнего топора»...

— И от того, и от другого: и от трости, и от топора... Но смерть была предрешена тростью, топор же явился исполнителем...

Я смотрел на Рультабия, спрашивая себя, не лишился ли он рассудка.

— Вы, между прочим, так и не поняли, Сенклер, почему на следующий день, как мне все уже стало

ясно, я ронял трость Артура Ранса в присутствии Дарзака. Я надеялся, что он поднимет ее. Вы помните, Сенклер, трость Ларсана с рукояткой в виде вороньего клюва и тот жест, которым он вертел эту трость в Гландье!.. У него была совершенно своеобразная манера держать трость... мне хотелось видеть... видеть в руках у этого Дарзака трость с рукояткой в виде вороньего клюва!.. Мой расчет был безошибочен!.. Но мне хотелось видеть собственными глазами... и эта навязчивая мысль преследовала меня весь следующий день, даже после посещения мною сумасшедшего дома!.. Даже после того, как я обнял настоящего Дарзака, мне все-таки хотелось видеть лже-Дарзака воспроизводящим движение Ларсана!.. Ах! Увидеть, как он замахивается тростью, забыв на секунду свое притворство, выпрямив свой стан, свои искусственно согнутые плечи... Ударьте же! Ударьте же по гербу семейства Мортола!.. Размахнитесь хорошенько, мой дорогой, мой милый Дарзак!.. И он размахнулся!.. И выпрямился во весь свой рост! И я увидел!.. Другой тоже увидел и умер от этого... Несчастный Бернье был так поражен, что покачнулся и упал столь неудачно на «самый древний топор», что заплатил за это жизнью!.. Очевидно, он подобрал топор, выпавший из кармана старого Боба, и нес его в кабинет профессора, в Круглую башню... Он умер, увидев внезапно жест Ларсана!.. Увидев самого Ларсана во весь его рост, с его широким размахом!.. Во всяком сражении, Сенклер, бывают невинные жертвы...

Мы помолчали. Затем я не смог удержаться и сказал Рультабию, что я обижен на него за недостаток доверия ко мне. Я не мог простить ему то, что он держал меня, как и всех, в заблуждении относительно старого Боба.

Он улыбнулся.

— Вот уж кто мало меня занимал!.. Я знал, что не он был в мешке... В ночь перед тем, как вы подобрали его в гроте Ромео и Джульетты, я, оставив Дарзака под охраной Бернье в Новом замке и пробравшись через колодец к морю, где я приготовил для своих планов на следующий день лодку, купленную мною у рыбака Паоло, приятеля Туллио, добрался до берега вплавь. Одежду я привязал над головой. На берегу я столкнулся с Паоло: последний занимался ловлей осьминогов, и я присоединился к нему, так как это давало мне возможность находиться вблизи от форта Геркулес и наблюдать за ним. От Паоло я узнал, что Туллио вдруг разбогател, что и было причиной его возвращения на родину. По его словам, он очень дорого продал старому ученому несколько раковин, и действительно, последнее время его часто видели в обществе старого Боба. Паоло было известно, что Туллио собирался заехать в Сан-Ремо. Похождения старого Боба становились мне понятны: чтобы покинуть форт, ему нужна была лодка, которую он и нанял у Морского Палача; я узнал адрес Туллио в Сан-Ремо и отправил туда с помощью анонимного письма Артура Ранса, уверенный, что Туллио может кое-что рассказать нам о старом Бобе. И действительно, старый Боб заплатил Туллио за то, чтобы он доставил его к гроту и затем скрылся. Из сожаления к старому профессору я решился предупредить таким образом Артура Ранса; с ним, правда, могло случиться какое-нибудь несчастье. Что касается меня, то мне хотелось лишь обратного, хотелось, чтобы этот достойный ученый не вернулся, пока я не покончу с Ларсаном, иначе мне было бы трудно убедить Дарзака, что меня по-прежнему больше всего занимает старый Боб. Таким образом, возвращение старика не особенно-то меня обрадовало, и я должен

признаться, что полученное им ранение груди, так «удачно» совпавшее с раной человека в мешке, доставило мне большое удовольствие. Благодаря этому я мог надеяться продолжать свою игру еще несколько часов.

— Почему же вы не хотели сразу прекратить ее?

— Разве вы не понимаете, что я не мог убрать лишний труп Ларсана среди бела дня! Мне нужен был целый день, чтобы подготовить его исчезновение ночью! Но что это был за день из-за смерти Бернье! Прибытие жандармов усложняло дело. Я ждал, пока они уйдут, чтобы начать действовать. Первый ружейный выстрел, услышанный вами, когда мы сидели в Квадратной башне, предупреждал меня о том, что последний из жандармов вышел из таверны Альбо на мысе Гарибальди; второй — что пограничники вошли в свои казармы и ужинают и что море свободно!

— Скажите, Рультабий, — спросил я, пристально глядя в его светлые глаза, — когда вы для своих планов оставляли лодку Туллио у выхода из колодца в море, вы знали уже, какой груз она повезет на следующий день?

Рультабий опустил голову.

— Нет... — глухо произнес он. — Нет, не думайте так, Сенклер... Я не предполагал, что она повезет труп... как никак, ведь он мой отец!.. Я думал, что повезу в ней человека в сумасшедший дом!.. Видите ли, Сенклер, я обрек его лишь на тюрьму... вечную тюрьму... Но он покончил с собой... Такова воля Бога!.. Да простит ему Бог!..

Мы больше не сказали ни слова за всю ночь. В Ларош я хотел заставить его съесть что-нибудь горячее, но он решительно отказался от завтрака. Накупив утренних газет, он погрузился с головой в дневные

происшествия. Газеты были полны новостей из России. В Петербурге был только что раскрыт заговор против высших властей. Сообщаемые факты были столь поразительны, что им с трудом можно было поверить.

Развернув «Эпок», я на первой же странице прочел надпись громадными буквами:

«Отъезд Жозефа Рультабия в Россию»

и сверху:

«Его приглашают по воле императора».

Далее следовало изложение в высшей степени сбивчивых и невероятных фактов, перед которыми растерявшиеся полицейские власти совершенно становились в тупик, не в силах найти путеводную нить, которая дала бы им возможность распутать таинственный клубок.

— Ну что же, вы едете? — спросил я Рультабия.

Но, увидев его загоревшиеся глаза, я понял, что мой вопрос излишен. Передо мной был все тот же Рультабий, готовый бороться с таинственными силами, против которых природа вооружила его необыкновенным гением логического рассуждения и математического расчета.

По прибытии в Париж он прямо с вокзала поехал за инструкциями в редакцию газеты. Через два часа скорый поезд уже увозил моего друга в столицу снежных равнин.

Проводив его, я решил зайти в суд, где у меня были кое-какие дела. Первыми, кого я встретил, оказались Анри-Робер и Андре Гесс.

— Как ты отдохнул? — спросили они.

— О! Превосходно! — ответил я, но при этом состроил такую гримасу, что они тут же потащили меня в кафе.

Содержание

Гастон Леру

Дама в черном

Ответственный редактор *А. Маркелова*
Редактор *А. Маркелова*
Художественный редактор *О. Адаскина*
Дизайн обложки *С. Шумилина*
Верстка *Д. Ушакова*
Корректор *Н. Гареева*

Подписано в печать 20.03.12. Формат 84×108 1/32
Тираж 22 000 экз. Заказ №2260

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

GELEOS Publishing House Ltd
Chrysantou Mylona, 3, P.C. 3030 Limassol, Cyprus
www.geleos.ru

ИК «Столица»
117218, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 42.

ООО «АрхивКонсалт»
123995, г. Москва, ул. 1905 года, д. 7, стр. 1.
Тел. (495) 665-40-85

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

окирующие тайны,
ежалостные злодеи, интригующие
сюжеты и неожиданные развязки

В КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ МК

от признанных мастеров

КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ СЕРИИ:

СОБЕРИ КНИЖНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ МК

МОСКОВСКИЙ МК КОМСОМОЛЕЦ

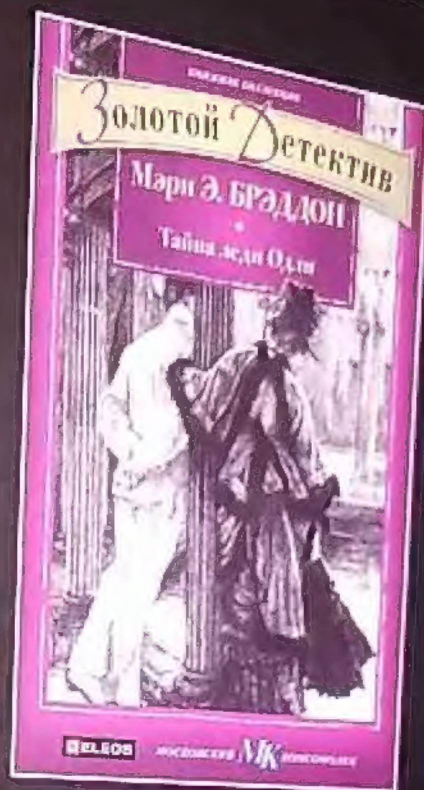
GELEOS

www.geleos.ru

…ЩИЕ КНИГИ СЕРИИ:

СОБЕРИ КНИЖНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ МК

МОСКОВСКИЙ МК КОМСОМОЛЕЦ

GELEOS

ISBN: 978-5-8189-1802-0
9 785818 918020

www.geleos.ru